

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

68

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

68

86 П-17814

1957	Ин-т истории
В.68	материальной
	культуры АН СССР
	Кратк. сообщения
	7 р. 40 к.

Г. Селезнев

П-17814

Статьи и заметки в основном по славяно-русской археологии, публикация находок 1953 и 1954 гг. при раскопках в Молдавии, на Украине и Сев. Кавказе, в Москве и Смоленской области.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. Академии наук СССР

А. Д. Удальцов

Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов,

Л. А. Евтюхова, А. Ф. Медведев (отв. секретарь),

Г. Б. Федоров

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

И. И. ЛЯПУШКИН

О ЖИЛИЩАХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ VIII—X вв.¹

При раскопках древних поселений исследователи всегда уделяют большое внимание изучению остатков жилых и хозяйственных построек. И это не случайно, ибо жилища — один из таких элементов материальной культуры, которые наиболее ярко отражают многие стороны хозяйственной и общественной жизни человека, уровень ее развития. Это обстоятельство заставляет исследователей быть особенно внимательными к полевой документации вскрываемых остатков и к их интерпретации; заставляет помнить, что сделанные в этом отношении ошибки ничего, кроме путаницы, принести не могут. Однако такие ошибки бывают, и на разборе одной из них мы хотим остановиться.

В литературу прочно вошло мнение, что характерным типом жилой постройки восточных славян VIII—X вв. в лесостепной полосе является комплекс полуземляночных сооружений, соединенных между собой крытыми переходами. Впервые это положение было высказано П. П. Ефименко в начале 30-х годов в итоге исследования в 1928—1929 гг. жилищ Большого Боршевского городища. В предварительном отчете, характеризуя вскрытые полуземлянки, П. П. Ефименко писал: «... В центре, в самой высокой точке этого участка площадки, находилась прямоугольная, почти квадратная камера, размером в 4—4,5 м в квадрате, тщательно вырубленная в меловой скале. Ниже, по восточному склону площадки, к ней примыкает сеть сообщающихся между собой помещений... Открытые нами жилища имеют вид не отдельных жилых помещений, а целого улья помещений, лежащих одно возле другого. Эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда»².

Описанный П. П. Ефименко, но, к сожалению, не сопровождаемый соответствующей полевой графической и фотографической документацией, тип жилищ, открытый им при раскопках Большого Боршевского городища, сразу обратил на себя внимание исследователей. В работах В. И. Равдоникаса³,

¹ Основные положения статьи были изложены в докладе «Новые данные о памятниках роменско-боршевского типа», прочитанном в 1953 г. на пленуме ИИМК, посвященном полевым изысканиям 1952 г.

² П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на среднем Дону. Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, стр. 7, 8.

³ В. И. Равдоникас. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. Известия ГАИМК, № 103, 1934, стр. 109, 110.

п 17314

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ

БИБЛИОТЕКА

А.Н. Киргисской ССР

М. И. Артамонова⁴ и др. Большое Боршевское городище по типу жилищ выделяется из остальных памятников этого времени.

Несколько позже, в 1939 г., Б. А. Рыбаков, в статье «Анты и Киевская Русь», анализируя известия Маврикия о славянах и антах, что живут они «в лесах и болотах, посреди рек и стоячих озер...», недоступные посторонним; в жилищах своих устраивают они много выходов, чтобы можно было спастись в случае опасности», связал это сообщение с археологическими данными. Он утверждал: «В этом описании нельзя не узнать типичного городища с его естественной защитой из болот и озер, городища типа Боршевского или Гочевского, где на центральной площадке расположен сложный комплекс землянок с большим количеством выходов»⁵. Но наиболее развернутую и законченную в этом отношении характеристику полуземляночные жилища восточных славян VIII—X вв. получили в вышедшей в том же 1939 г. на правах рукописи «Истории СССР», подготовленной коллективом ИИМК⁶. В этой работе вопрос о жилищах восточных славян VIII—X вв. был затронут дважды — в разделе, посвященном характеристике антского общества V—VII вв., в связи с анализом известий Псевдо-Маврикия об антах (авторы раздела — П. Н. Третьяков, Б. А. Рыбаков и М. В. Левченко), и в разделе «Восточнославянские племена в VIII—X вв.» (авторы — П. Н. Третьяков, А. С. Гущин, А. В. Арциховский и М. К. Каргер).

В первом разделе (об антах) утверждалось: «Псевдо-Маврикий, автор «Стратегикона», сообщает одну весьма любопытную особенность антской архитектуры. Он пишет, что полуподземные жилища антов были соединены между собой крытыми переходами, составляя, таким образом, целые жилые комплексы, имевшие много выходов... Раскопки на Жарище, на Матронинском, Великобудском и других городищах антской эпохи, произведенные в конце XIX в. В. В. Хвойко, не выявили остатков переходов между описанными выше жилищами. Однако к сообщению автора «Стратегикона» можно отнести с полным доверием. При раскопках последующих лет, проведенных с применением более точной методики, соединенные переходами комплексы полуземлянок были обнаружены на славянских городищах VIII—X вв. Такими городищами являются Монастырище на Суле в районе Ромен, Боршевское городище на Дону и др.»⁷ (подчеркнуто нами. — И. Л.).

В разделе «Восточнославянские племена VIII—X вв.» изложенная характеристика была повторена. «Любопытной особенностью архитектуры землянок Монастырища и других аналогичных городищ, — отмечают авторы, — является соединение их между собой крытыми переходами. Эта черта славянских жилищ, известная в VI в., отмечена Псевдо-Маврикием у антов»⁸.

Таким образом, то, что было отмечено П. П. Ефименко как свойственное жилищам Большого Боршевского городища (наличие в полуземлянках нескольких выходов или переходов, соединяющих отдельные жилища в единый жилой комплекс — гнездо), по утверждению авторов «Истории СССР», оказывается присущим славянским поселениям более широкого круга. По их мнению, это находит подтверждение в материалах не только Большого Боршевского городища, но и Монастырища и др., а также в письменных источниках.

Изложенная точка зрения стала господствующей в нашей исторической науке (точнее, — единственной). Исследователи, изучающие данный период, и авторы обобщающих работ не сделали ни одной попытки проанализировать

источники, на которых зиждется это положение. Утвердившееся мнение с одинаковой легкостью заносилось в самые различные труды. Мы найдем его в монографиях⁹ и в таких сводных работах, как «История культуры древней Руси»¹⁰, в курсах по истории СССР¹¹ и по истории русской архитектуры¹², в научно-популярной литературе¹³ и во многих других книгах и статьях, где затрагивались вопросы прошлого восточнославянских племен. В частности, эта точка зрения высказана в «Основах археологии», — книге, служащей учебником для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов¹⁴. В наиболее обобщенном виде эта точка зрения сформулирована в последнее время П. Н. Третьяковым в его работе «Восточнославянские племена», где он писал: «... Археологические исследования последних лет не только выявили у древних славян сложные жилые сооружения с многими выходами, но и установили, что их следует считать характерной чертой древнего восточнославянского быта»¹⁵.

Изучая поселения восточных славян VIII—X вв. (так называемого роменско-боршевского типа) непосредственно при раскопках, мы всегда уделяли исследованию жилых и хозяйственных построек большое внимание, но, несмотря на самое тщательное изучение, мы нигде не находили следов соединения отдельных полуземляночных жилищ внутренними переходами. Больше того, нам вообще не удалось пока установить место и устройство выхода в этих жилищах. Так было при раскопках Опошнянского городища (рис. 1—1)¹⁶, поселения в г. Полтаве (рис. 1—2)¹⁷, поселения у хутора Ближняя Мельница¹⁸.

Правда, до последних лет площадь наших раскопов на поселениях была невелика и число вскрытых жилых построек не превышало 3—4. Вполне естественно, что это не позволяло делать на основе наших наблюдений каких-либо широких обобщений. Но вот в 1952—1954 гг. нами была раскопана полностью территория Новотроицкого городища (площадью более 3500 кв. м) и обнаружены остатки более 50 полуземляночных жилищ и около 100 хозяйственных построек. Городище хорошо датируется IX в. (монетные находки, массовый керамический материал, разнообразные металлические изделия). И что же оказывается? Здесь была обнаружена совершенно такая же картина, что и в ранее исследованных нами поселениях — Опошнянском, Полтавском, Ближняя Мельница. Никаких следов многочисленных выходов из полуземлянок, никаких внутренних переходов между отдельными полуземлянками не было. Все жилища стояли совершенно отдельно, и даже в тех случаях, когда они примыкали почти вплотную друг к другу.

Раскопки Новотроицкого городища (рис. 2) не могли не поставить перед нами вопрос о том, почему в этих поселениях не было выходов и переходов. Ответ на этот вопрос дает работа В. В. Мавродиной. Очерки истории Левобережной Украины. Изд. ЛГУ. Л., 1940, стр. 32, 33 и др.

⁹ В. В. Мавродина. Очерки истории Левобережной Украины. Изд. ЛГУ. Л., 1940, стр. 32, 33 и др.

¹⁰ «История культуры древней Руси», т. I. Под ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. М.—Л., 1948, стр. 204, 205.

¹¹ К. В. Базилевич. История СССР от древнейших времен до конца XVIII в. М., 1950, стр. 58.

¹² «История русской архитектуры». Краткий курс. Под ред. С. В. Бессонова. М., 1951, стр. 3.

¹³ В. В. Мавродина. Древняя Русь. Л., 1946, стр. 53; П. Н. Третьяков. У истоков древней Руси. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 22, 23.

¹⁴ А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 193.

¹⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 78, 79, 155; его же. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953, стр. 164.

¹⁶ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 117—127.

¹⁷ И. И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст. на території м. Полтави. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Київ, 1949.

¹⁸ И. И. Ляпушкин. Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции 1951 г. Архив ИИМК.

⁴ М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 270.

⁵ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 323.

⁶ «История СССР», ч. III—IV. Изд. АН СССР. М.—Л., 1939. (На правах рукописи).

⁷ «История СССР», ч. III—IV, стр. 214, 215.

⁸ Там же, стр. 460.

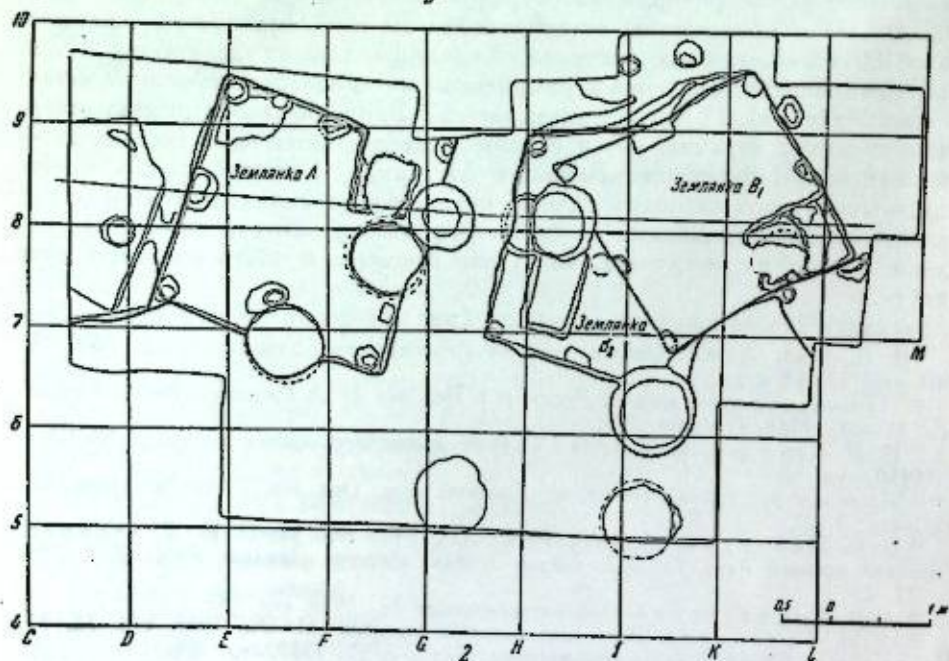
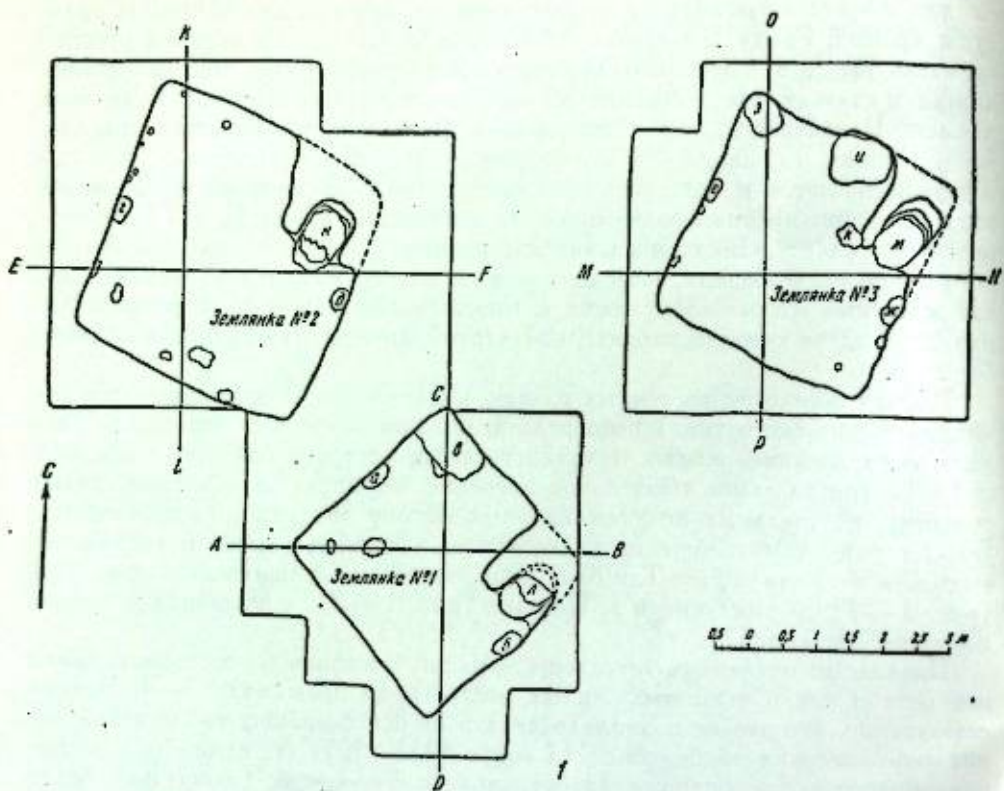
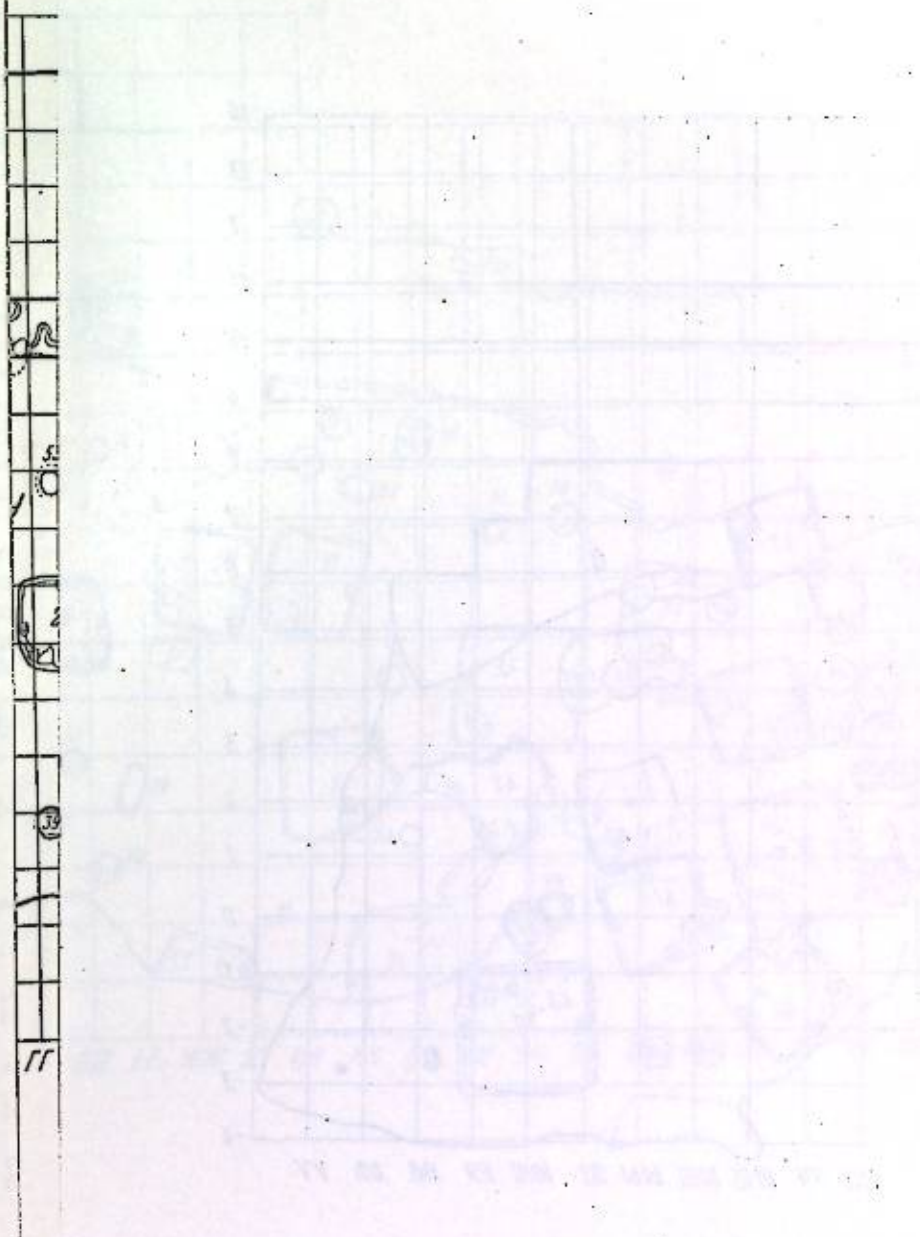

Рис. 1. Планы раскопов.

1—Опошневское городище; 2—Полтавское поселение.

рас
стен

ред нами вопроса, — действительно ли «характерно для древнего восточно-славянского быта VIII—X вв.» наличие сложных жилых сооружений со многими выходами и крытыми переходами, как это утверждается в нашей литературе. С этой целью мы внимательно изучили материалы, относящиеся к раскопкам славянских поселений VIII—X вв. (роменско-боршевского типа) Днепровского левобережья, — как опубликованные, так и доступные нам неопубликованные, — просмотрев соответствующую полевую графическую и фотографическую документацию.

Хорошо известно, что число поселений этого типа, исследованных раскопками, невелико. Еще менее таких, где были обнаружены остатки жилищ. Помимо воронежской группы (Большое Боршевское, Михайловский Кордон, Малое Боршевское, Кузнецова Дача), исследованной в основном под руководством П. П. Ефименко¹⁹, и поселений Опошмянского²⁰, Полтавского²¹, Ближняя Мельница²², Битицкого²³, Новотроицкого, изученных нами, мы можем указать лишь городища: Монастырище, раскопанное Н. Е. Макаренко²⁴, Петровское, исследованное П. Н. Третьяковым²⁵, Гочевское (раскопки Б. А. Рыбакова)²⁶ и 2 городища близ с. Волищево, раскопанных Д. Т. Березовцом и В. И. Довженком²⁷.

На памятниках, исследованных нами, останавливаться не будем, так как о них мы сказали выше. Обратимся прежде всего к тем поселениям, на материалы которых опираются исследователи в своих выводах, в частности к городищу Монастырище. Материалы, характеризующие облик полуземляночных жилищ Монастырища, раскопанных Н. Е. Макаренко, известны по ряду публикаций самого автора. Исходя из приведенных им описаний и приложенной полевой документации, можно с полной достоверностью утверждать, что в полуземлянках Монастырища никаких многочисленных выходов, а также следов внутренних переходов между отдельными жилищами нет (рис. 3). Не имеется данных и для суждения о том, где и как в них был устроен выход. Лишь в полуземлянке Е при раскопках 1906 г. Н. Е. Макаренко был обнаружен «у северо-западного угла землянки небольшой выступ в виде маленького прилавка, как бы ступенька для выхода, в $\frac{1}{2}$ аршина высоты и ширины»²⁸. И это всё.

Небезынтересно привести высказывания автора по поводу расположения жилых построек и их связи: «Расстояния между землянками, — пишет автор, — везде были различны... но вообще они сравнительно небольшие. В раскопках 1906 г. расстояние между теми тремя землянками, которые тогда были исследованы, наибольшее — 3,20 м (между землянками А и Д, тогда как между этими двумя и последней — Е оно было значительно меньше). То же самое и в раскопках этого года — между землянкой Б и землянкой В расстояние едва достигало 1,30 м».

¹⁹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948.

²⁰ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ...

²¹ И. И. Ляпушкин. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. ст...

²² И. И. Ляпушкин. Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции 1951 г. Архив ИИМК.

²³ И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда Славянской археологической экспедиции ИИМК 1954 г. Архив ИИМК.

²⁴ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907; М. Макаренко. Городище Монастирище. Науков. збірник істор. секц. ВУАН за 1924 г., т. XIX, Київ, 1925.

²⁵ П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли. «Археологія», т. I, Київ, 1947.

²⁶ Д. Эдинг. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 143.

²⁷ Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путівльського району Сумської області. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952; В. И. Довженко. Розкопки біля с. Волищево Сумської області. Там же.

²⁸ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях... стр. 63.

«Интересно было бы, — продолжает Н. Е. Макаренко, — раскопать площадь городища значительно большую, чтобы выявить не одну-две землянки, а целый комплекс их, и зафиксировать их взаимоотношение, отыскать дорожки, которыми они соединялись, и много других интересных особенностей»²⁹. Как видим, не о внутренних крытых переходах говорит автор раскопок, наблюдавший воочию исследованные им жилища, а о дорожках, пролегающих от одного жилья к другому.

В 1939 г. П. Н. Третьяковым было исследовано Петровское городище. Раскопками вскрыты 2 полуземляночных жилища. Материалы раскопок с приложением графической и фотографической документации опубликованы в первом выпуске «Археологии»³⁰. Никаких следов внутренних переходов ни в описании, ни на плане, ни на полевых фотоснимках обнаружить не удалось. Это два совершенно изолированных друг от друга жилища, расположенных одно близ другого, и только. Автор публикации, отметив, что землянка № 2 расположена на расстоянии 0,8—1 м от первой и что пол ее лежит на 0,84 м ниже пола землянки № 1, замечает: «Возможно, что землянки были соединены между собой переходом»³¹. Предположение это, однако, никак не согласуется ни с описанием, ни с опубликованным планом и полевым фотоснимком.

Не нашли мы никаких следов соединения полуземлянок переходами и в материалах, относящихся к поселениям близ с. Волинцево, Сумской области,

раскопанным Д. Т. Березовцом и В. И. Довженком.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными для суждения об облике полуземлянок Гочевского городища. Раскопки велись здесь Б. А. Рыбаковым в течение двух сезонов — 1937 и 1939 гг.; материалы их до сего времени не опубликованы, нет достаточных данных и в архивных фондах ИИМК³². Но, судя по тому, что мы наблюдали при раскопках 1937 г., принимая непосредственное участие в работах, «многочисленных выходов» и «внутренних переходов» между отдельными жилищами не было обнаружено и там.

Результаты изучения остатков жилых и хозяйственных построек на поселениях Монастырище, Петровском, Гочевском, Волинцевском, а также на поселениях, раскопанных нами (Опошнянском, Полтавском, Ближняя Мельница, Битицком и Новотроицком), заставляли нас отнестись с боль-

²⁹ М. Макаренко. Городище Монастырище, стр. 10.

³⁰ П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища...

³¹ Там же, стр. 129.

³² Архив ИИМК, ф. № 2, л. № 259 (1937 г., стр. 2—8).

шим вниманием к материалам Большого Боршевского городища, явившимся исходным моментом в развитии рассматриваемой нами точки зрения.

Длительное время исследователям приходилось судить об этих материалах и сделанных на основе их выводах лишь по предварительному краткому отчету без полевой документации, характеризующей облик жилищ, опубликованному П. П. Ефименко в начале 30-х годов³³. Не нашла достаточного отражения полевая документация этих работ и в архиве ИИМК³⁴. В дальнейшем материалы исследования Большого Боршевского городища были опубликованы полностью, что дает возможность ознакомиться с подробным описанием вскрытых построек, с полевыми чертежами и фотоснимками, а также с выводами исследователей в отношении интересующего нас вопроса³⁵.

В ходе раскопок на городище были раскрыты остатки 18 полуземляночных построек, отчетливо выраженных. К числу жилищ следует отнести, по-видимому, 13 построек и пять — к помещениям хозяйственного назначения (рис. 4). По утверждению исследователей, «за небольшим исключением, все сооружения, исследованные на городище, существовали в одно время»³⁶. Характеризуя общий облик жилых построек, авторы особо останавливаются на той черте, которая в свое время была отмечена П. П. Ефименко в предварительном отчете, — на связи отдельных помещений между собой переходами: «Замечательной особенностью исследованных нами жилищ являются соединения их внутренними переходами. На Б. Боршевском городище, где раскопками был раскрыт большой комплекс жилых сооружений, почти все они имели внутреннее сообщение»³⁷. По мнению исследователей, такой характер устройства жилищ у славян находит подтверждение в письменных источниках. «В „Стратегиконе“... — говорят они, — имеются интересные сведения о том, что склавны и анты в своих жилищах устраивали много выходов, облегчавших им возможность спастись в случае угрожающей опасности. Если сообщение „Стратегикона“ отвечает действительности, в чем нет основания сомневаться, здесь мы, очевидно, имеем указания на сложное жилище, состоящее из помещений, скрытых под землей, с внутренними переходами и лазейками, выходящими в разные стороны... Эти особенности образа жизни... находят свое яркое выражение и в материалах, относящихся к воронежским городищам», — заключают авторы³⁸.

Да, в сообщениях Псевдо-Маврикия о склавинах и антах, действительно, имеются замечания о том, что они «устраивают в своих жилищах много выходов», но вот, изучая материалы Большого Боршевского городища, опубликованные П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым, мы пришли к выводу, что утверждение авторов о наличии многочисленных выходов и внутренних крытых переходов в исследованных ими полуземлянках не имеет оснований.

Судя по плану раскопок, опубликованному вместе с другими материалами (см. рис. 4), а также приложенным выдержкам из дневника, большая часть жилых и хозяйственных сооружений — № 9, 10, 12—15, 17—19, 21, 22, т. е. 11 из 18 построек (а из 13 жилых — 8), — является, несомненно, отдельно стоящими постройками. У них нет никаких признаков связи между собой, что уже расходится с утверждением авторов, что «почти все они имели внутреннее сообщение». В отношении семи остальных,

³³ П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на среднем Дону.

³⁴ В архиве ИИМК хранится лишь дневник работ 1928 г., когда на Большом Боршевском городище были вскрыты 3 постройки — № 1, 2 и 3. (Архив ИИМК, ф. № 2, л. № 218/1928, 113/1930). Полевой документации за 1929 г., когда были проведены основные работы, не оказалось.

³⁵ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону.

³⁶ Там же, стр. 18—20.

³⁷ Там же, стр. 11, 12.

³⁸ Там же.

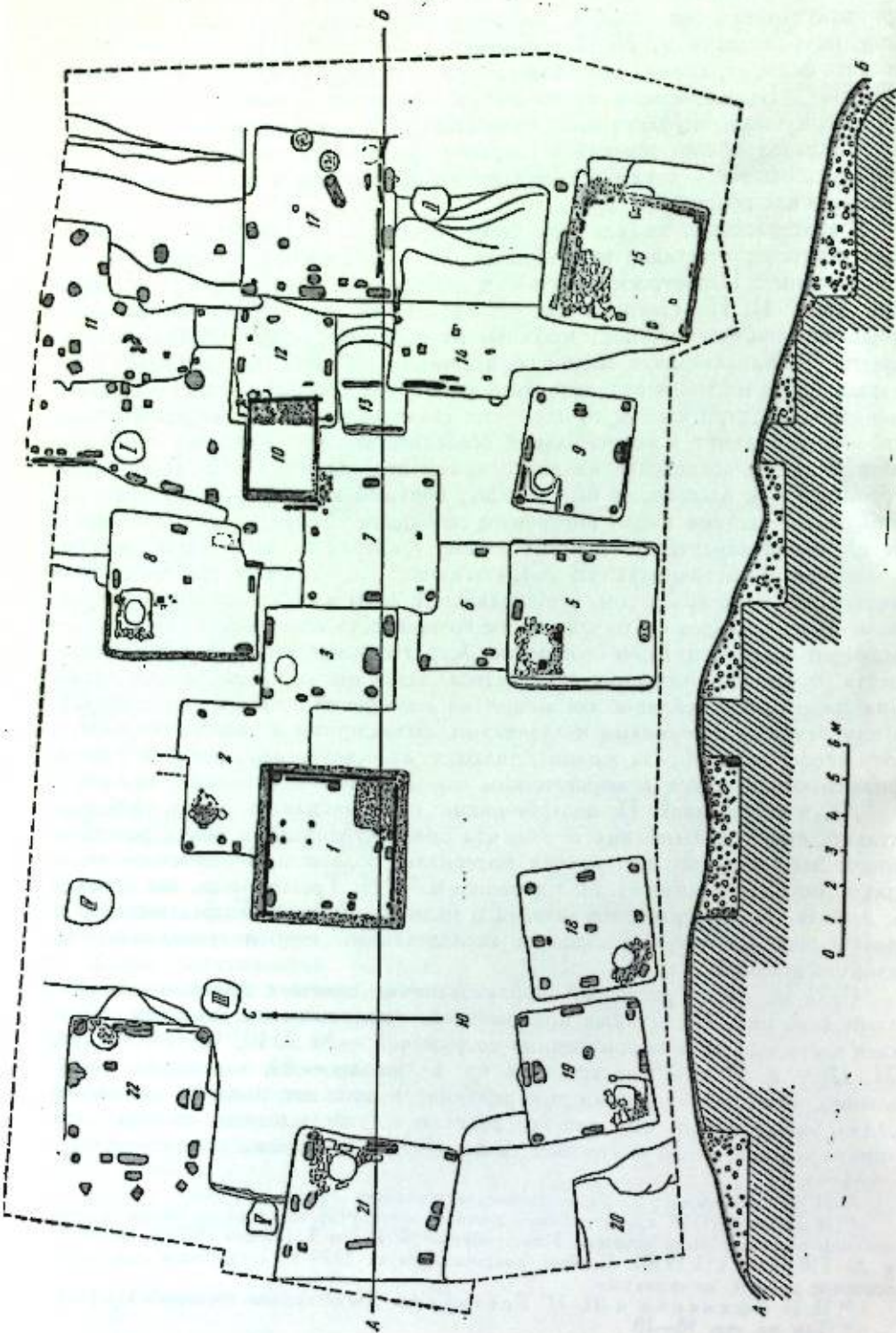

Рис. 4. Боршевское городище. План и разрез. (Фотоархив ИИМК).

тесно переплетенных между собой жилищно-хозяйственных сооружений (№ 1—3, 5—8), расположенных в центре раскопной площадки, есть все основания утверждать, что перед нами — комплекс остатков разновременных полуземляночных жилищно-хозяйственных построек. Так, например, сооружения № 1 и 2, 6 и 7, 5 и 6 частично перекрывают одно другое, а некоторые вплотную примыкают друг к другу (№ 3 и 7).

Действительно, можно ли признать в сооружении № 6 крытый переход из помещения № 5 в помещение № 7 или в сооружении № 2 — ненарушенное жилище, связанное «внутренним переходом» с жилищем № 1? Достаточно беглого взгляда на план, чтобы сделать заключение, что перед нами — разновременные постройки, одни из которых, в свое время заброшенные, позже были частично перекрыты новыми, что придавало им самые различные в плане формы и как бы связало в своеобразные комплексы. Это прекрасно чувствуют и авторы исследования, что отчетливо выступает в их стремлении убедить читателей, будто это не так. Характеризуя рассматриваемый комплекс, они пишут: «Если следовать в направлении восточного склона, начиная сверху, то около самого гребня располагалась землянка № 1, сохранившаяся лучше других. Непосредственно к ней с северо-запада примыкала яма жилища № 2, одновременного первому, а не нарушенного им, как может показаться на первый взгляд»³⁹ (подчеркнуто нами. — И. Л.).

Нет, это не кажется, а действительно так, что подтверждается прямыми и косвенными данными. Уже один факт существования поселка в течение почти двух столетий (VIII—X вв.), — а это убедительно показано авторами исследования, — дает полное основание утверждать, что жилые и хозяйственные сооружения поселка перестраивались, и, по-видимому, не один раз. Следовательно, сохранившиеся углубленные части их, вскрытые раскопками, далеко не одновременны. Остатками таких более ранних построек, кроме № 7 и 12, следует считать также № 2, 6 и, видимо, № 13, углубленные части которых явно перерезаны более поздними сооружениями (№ 1, 5, 7, 14).

Но вернемся к рассмотрению комплекса из построек № 1, 2, 3, 5—8. Постройка № 7, входящая в этот комплекс, как признают сами авторы исследования, прекратила свое существование еще в древности⁴⁰, ранее, чем перестало существовать городище в целом, в том числе и центральное жилище № 1. А если это так, то каким же образом полуземлянки № 5, 6 и 8 объединялись в один комплекс с сооружениями № 1, 2 и 3, — как это утверждают исследователи⁴¹, — когда на месте седьмой, являвшейся переходом от построек № 1, 2 и 3 в постройки № 8, 6 и 5, стояла постройка № 10, совершенно изолированная от них?

Небезынтересно остановиться на некоторых сторонах, характеризующих соотношение полуземлянок № 1 и 2. Судя по выдержкам из дневника, опубликованном в рассматриваемой работе, в яме жилища № 1 сохранились остатки сруба, причем вдоль северной стены (примыкающей к полуземлянке № 2) обнаружены 2 венца, лежавших один на другом. В дневнике, хранящемся в архиве ИИМК, эти данные уточняются: указывается, что «высота сохранившихся 2 венцев сруба у северной стороны — 0,3 м, длина клетки — 4 м»⁴². В полуземлянке № 2 следов облицовки не обнаружено, пол ее выше пола жилища № 1 на 0,15 м. Исходя из этих данных.

³⁹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 20.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же; ср. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 155.

⁴² П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 58, 59; Архив ИИМК, ф. № 2, л. № 218/1928, л. 29 об.

можно сделать вывод, что из жилища № 1 никакого прохода в постройку № 2 не могло быть, ибо северная стенка полуземлянки № 1 была забрана срубом, который даже в разрушенном виде преграждал доступ в полуземлянку № 2 (на 0,15 м выше горизонта ее пола).

Таким образом, при внимательном рассмотрении оказывается, что и эта группа полуземлянок (№ 1, 2, 3, 5, 7 и 8) не представляет комплекса построек, соединенных между собой переходами, и тем самым не может служить основанием для утверждения о наличии в жилищах Большого Боршевского городища внутренних крытых переходов и многочисленных входов, т. е. той особенности, которая, как утверждают авторы работ, была еще в VI в. подмечена Псевдо-Мавриkiem в жилищах славян и антов. Правда, в этом комплексе есть 2 постройки (№ 2 и 3), взаимосвязь между которыми трудно понять по данным полевой документации. Безусловно, очень заманчиво связать постройку № 2 и 3 отмеченным на плане проходом, но остатки очажной (?) ямы непосредственно в проходе и разница в уровне полов (в полуземлянке № 3 пол ниже на 0,2 м) никак не вяжутся с таким предположением. Если даже оно соответствует действительности, то все же ни в какой мере не может служить основанием для выдвинутого авторами положения. Здесь следует видеть связь между жилищем и хозяйственной постройкой. Такая же картина выявлена на поселении у Кузнецовой Дачи. Там жилища были связаны с кузнечным помещением⁴³.

Итак, на Большом Боршевском городище планировка жилищ та же, что и на всех остальных рассмотренных выше поселениях, только на Большом Боршевском городище взаимное перекрытие разновременных построек выражено более резко, чем, например, на Новотроицком (полуземлянки № 15 и 15А) или Полтавском поселении (полуземлянки В₁ и В₂), что и привело исследователей к ошибочным заключениям, к принятию разновременных построек, перекрывающих одна другую, за комплекс одновременных жилищ, связанных между собой крытыми переходами и многочисленными выходами. Кстати заметим, что, утверждая наличие в жилищах Большого Боршева внутренних переходов между отдельными постройками, авторы исследования вынуждены были признать, что выход из жилищ наружу, как и на других поселениях, не прослежен ни в одной полуземлянке, и его можно восстановить, лишь исходя из данных этнографии⁴⁴.

Как видно из сказанного, со времени выхода в свет работы Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь» почти все исследователи стремились подкрепить наличие многочисленных выходов и внутренних крытых переходов в славянских жилищах VIII—X вв. сообщением Псевдо-Маврикия о славянах и антах VI в. По утверждению коллектива авторов «Истории СССР», Псевдо-Маврикий писал, «что полуподземные жилища антов были соединены между собой крытыми переходами, составляя, таким образом, целые жилые комплексы, имевшие много выходов»⁴⁵. Точно так же излагал сообщение Псевдо-Маврикия и В. В. Мавродин: «Автор «Стратегикона» Псевдо-Маврикий (VI в.) сообщает, что жилища антов полуземляночного типа соединены между собой крытыми ходами. Остатки такого рода ходов обнаружены в городище Монастырище и Б. Боршевском»⁴⁶.

Действительно, в сообщениях Псевдо-Маврикия о славянах и антах есть замечания и о их жилищах. «Они селятся, — указывает Маврикий, — в лесах, у неудобных рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно,

⁴³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 93, 94.

⁴⁴ Там же, стр. 29.

⁴⁵ «История СССР», ч. III—IV, стр. 214, 215.

⁴⁶ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 32, 33.

опасностей»⁴⁷. Сравнивая это сообщение Псевдо-Маврикия с приведенными выше его изложениями, можно заметить, что между ними нет ничего общего. Уже помимо того, что ни о каких внутренних, да к тому же крытых переходах Псевдо-Маврикий не упоминает ни единым словом, в его сообщении не говорится и о том, что эти жилища были «полуземляночными» или «полуподземными». Все это приписано Псевдо-Маврикию.

Суммируя сказанное выше, следует признать, что существующая в исторической литературе точка зрения о том, что у древних восточных славян VIII—X вв. были сложные жилые сооружения с внутренними крытыми переходами и многочисленными выходами, подтверждения в археологических материалах не находит. Утверждение П. П. Ефименко об открытии на Большом Боршевском городище «сети сообщающихся между собой помещений», послужившее отправной точкой для такого заключения, основано на ошибке. Остатки разновременных, взаимно перекрывающихся жилых и хозяйственных полуземляночных построек им были приняты за единовременный комплекс жилищ, связанных между собой переходами.

Разобранный нами случай затрагивает не только планировку жилищ. Как видно из сказанного выше, исследователи с первых же шагов использовали эти материалы для построения широких общен исторических выводов, в частности для освещения социального и хозяйственного строя общества. Так, уже в предварительном отчете о раскопках Большого Боршевского городища П. П. Ефименко, характеризуя вскрытые им полуземлянки, заключал: «Эти обширные сооружения, давшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда»⁴⁸. Выводы того же порядка были сделаны и в работе «Древнерусские поселения на Дону»⁴⁹, и в ряде других работ⁵⁰. Думается, что приведенные нами материалы, позволяющие совершенно по-новому трактовать тип жилища восточных славян VIII—X вв., естественно, ставят на очередь вопрос о пересмотре тех выводов об общественном и хозяйственном строе у славян VIII—X вв., которые делали исследователи, исходя из наличия сложных жилищ. Тема эта большая и специальная, требующая мобилизации более широкого круга источников, чем это затронуто в настоящей статье; ее касаться здесь мы не будем. Несомненно лишь одно, что полуземлянки восточных славян VIII—X вв. размером 12—20 кв. м являлись жилищами не больших (патриархальных), а малых (индивидуальных) семей, объединенных в сельскую общину.

⁴⁷ С. А. Жебелев. Маврикий (Стратег). Известия о славянах VI—VII вв. «Исторический архив», т. II, М.—Л., 1939, стр. 36. По мнению М. И. Максимовой часть фразы «... устраивают в своих жилищах много выходов...» можно прочесть иначе «... устраивают в местах своего обитания много выходов...». Ср. В. В. Мавродин. К вопросу об «антах» Псевдо-Маврикия. СЭ, № 2, 1954, стр. 38, 39.

⁴⁸ П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на среднем Дону, стр. 7, 8.

⁴⁹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 11.

⁵⁰ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, т. II, № 3, 1945, стр. 159—168.

Э. А. СИМОНОВИЧ

ЛЕПНАЯ ПОСУДА
ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НИЖНЕГО ДНЕПРА

Первые публикации В. В. Хвойко лучших образцов гончарных изделий из Черняхова и Ромашков¹ надолго создали неправильное представление об облике керамики памятников культуры «полей погребений». Как оказалось, наряду с прекрасными лощеными, изготовленными на круге сосудами, в могильниках и, в особенности, на поселениях черняховской культуры в большом количестве встречаются находки грубой гончарной и лепной посуды. Подсчеты обломков сосудов показали, что на некоторых поселениях лепная керамика составляет значительный процент. Например, на поселении в Привольном, по подсчетам Ю. В. Кухаренко, обломков лепных сосудов было 65%, а в жилищах количество их достигало 80%². Как будто уже сейчас можно констатировать факт уменьшения лепной посуды на более поздних черняховских поселениях; например, в Луке-Врублевецкой она составляет 10—15%, в Ягнитине (памятник позднего этапа), по подсчетам Е. В. Махно, — всего 2%³. Изучению лепной посуды поселений и могильников черняховской культуры до сих пор не уделено должного внимания.

В 1951—1953 гг. вблизи г. Никополя и южнее впервые были подвергнуты полевым исследованиям нижнеднепровские памятники (поселения и могильники) культуры «полей погребений» черняховского типа, давшие многочисленные находки лепной посуды. Раскопки проведены на поселениях в селах Грушевка и Кут, Апостоловского района, Днепропетровской области, в районе с. Гавриловка (у овчарни совхоза Приднепровского), Ново-Воронцовского района, Херсонской области. Возле последнего селища исследован могильник. Другой могильник раскапывался в поселке Каменка, Каменского района, Запорожской области⁴.

На поселении черняховской культуры в с. Грушевка (II—III вв. н. э.) обломки лепной посуды составляют 52% всей керамики, на поселении III—IV вв. н. э. в с. Кут их меньше — до 9%.

Особо интересны находки целых лепных сосудов в непогребенных погребальных комплексах, относящихся к первым векам нашей эры. Могильники в поселке Каменка и у овчарни совхоза Приднепровского разно-

¹ В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Поднпровье. ЗРАО, XII, новая серия, 1901, табл. XXII.

² Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник в с. Привольном. СА, XXII, 1955, стр. 129.

³ Е. В. Махно. Ягнитинська археологічна експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР, III, Київ, 1952, стр. 156.

⁴ В 1951 г. работы в селах Грушевка и Кут провел отряд Никопольской экспедиции Института археологии Академии наук УССР; отрядом руководил автор настоящего сообщения. В 1952—1953 гг. работы были продолжены автором в составе Скифской степной экспедиции под руководством Б. Н. Гракова.

временны. Дата большинства каменных погребений достоверно устанавливается античным импортом II—III вв. н. э. Захоронения в могильнике у овчарни совхоза Приднепровского — более позднего времени; они датируются III—V вв. н. э.

Лепные сосуды встречены на обоих могильниках в погребениях и с трупосождением, и с труположением. По численности, в сравнении с сосудами, изготовленными на круге, лепные занимают подчиненное место. Только в редких случаях отмечены 2 лепных сосуда в одном погребении. При этом учтем, что в некоторых рядовых захоронениях встречено до 6—8 сосудов, и как исключение в погребении 5 (могильник у овчарни совхоза Приднепровского), принадлежавшем представителю знати, их было 11. Находка в этом погребении двух лепных сосудов указывает на то, что грубая посуда употреблялась и в богатых семьях. Следует заметить, что многие формы гончарной посуды, найденной в этом могильнике, имеют соответствующие варианты среди лепной керамики.

Глина лепных сосудов содержит грубые примеси песка и шамота. Поверхность сосудов редко бывает заглажена; обжиг слабый и неравномерный.

Лепную керамику нижнеднепровских памятников можно разделить на 2 неравные группы. Первая — это характерная черняховская лепная керамика, известная по многим памятникам. Вторую составляют сосуды, свидетельствующие о культурных взаимосвязях и восприятии некоторых чужеродных традиций, причем отдельные признаки, возможно, отражают процесс ассимиляции скифо-сарматских элементов на нижнем Днпре.

Основные формы лепной посуды — это горшки и миски. Горшки занимают первое место. В них готовили пищу, что видно по затекам у краев и по нагару на стенках.

Горшки наиболее распространенного типа имеют слегка выделенный отгиб края и пологие плечики; округлые бока с максимальным расширением примерно по середине высоты. В некоторых случаях встречены горшки, отличающиеся большей или меньшей приземистостью или степенью отгиба края (рис. 5—2, 4, 6, 7). Такие сосуды обнаружены при раскопках в селах Грушевка, Кут, в Каменке и у овчарни совхоза Приднепровского, — и в более ранних, и в более поздних комплексах. Они известны также по многочисленным находкам в лесостепном Поднпровье и Поднестровье⁵. Типичный черняховский горшок со слегка отогнутыми венчиком и округлым туловом, изготовленный на круге, воспроизводит, вероятно, описанную выше форму лепных сосудов.

Другой характерный тип — это лепной горшок с загнутым внутрь прямо срезанным краем (рис. 5—3). Сосуды эти напоминают керамику пшеворской культуры и сосуды распространенных на Волини памятников, сочетающих черняховские и пшеворские элементы. Такого рода горшки хорошо известны по раскопкам черняховских памятников Поднестровья, например, в Луке-Врублевецкой.

Лепные горшки менее распространенного типа отличаются широким краем с раструбом; у них округлое или биконическое тулово. Они представлены на поселении в с. Кут и на Каменском могильнике (рис. 5—8). Появление этих сосудов объясняется, с большой долей вероятности, связями местных жителей с причерноморским населением. Небольшие горшочки с краем в виде раструба найдены в Фанагории⁶, Тиритаке⁷ и других

⁵ Е. А. Симанович. Про культуру полів поховань на Поділлі (в зв'язку з розкопками в с. Луки-Врублецької). «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 109, 111, табл. 1, 6, 7, 9.

⁶ И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. МИА, № 19, 1951, стр. 102; стр. 98, рис. 5, 3.

⁷ Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 283, рис. 46, 2; его же. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 398, рис. 10.

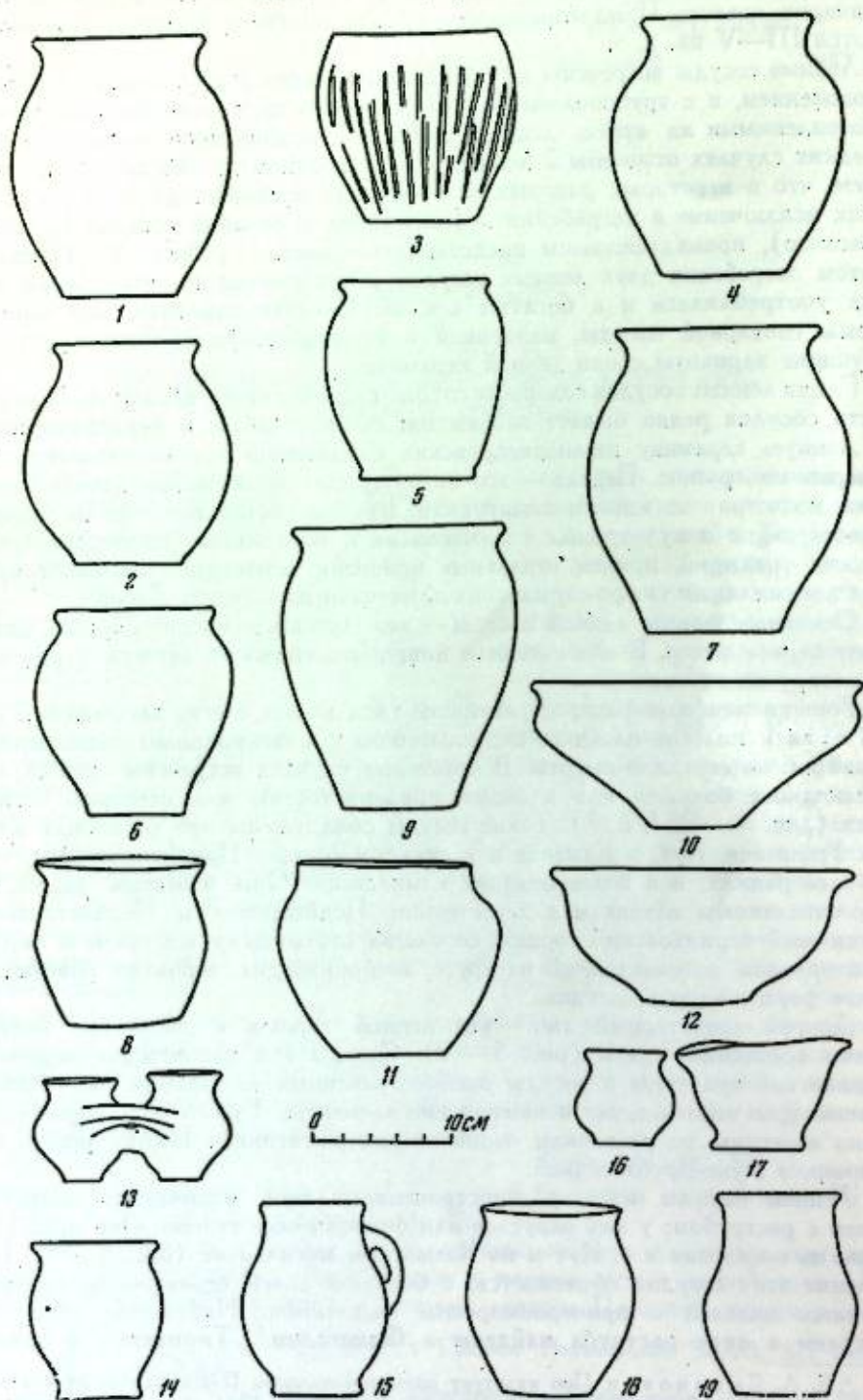

Рис. 5. Формы лепных сосудов нижнеднепровских памятников черняховской культуры.

1—5, 7, 10, 14—17 — из могильника у овчарни совхоза Приднепровского; 6, 8, 9, 11—13, 18, 19 — из могильника в поселке Каменка.

городских центрах Северного Причерноморья. Такие сосуды, пишет Т. Н. Книпович, характеризуются резко отогнутым венчиком и угловатостью очертаний⁸. Они генетически связываются с кухонной посудой эллинистического времени⁹.

Некоторые своеобразные типы горшков заслуживают отдельного упоминания. Оригинален небольшой горшок со слабо выраженным венчиком и цилиндрическим высоким горлом. Он обнаружен в потревоженном погребении Каменского могильника (рис. 5—19). В какой-то мере этот сосуд напоминает горшочки из скифских и сарматских погребений, например, в Макеевке¹⁰, в Нижнем Поволжье¹¹, Южном Приуралье¹² и Нижнем Поднепровье¹³. Очень близкий кувшинчик (без ручки) из Фанагории опубликован И. Т. Кругликовой, которая появление этих сосудов объясняет влиянием типов сарматской керамики¹⁴.

В обособленных своеобразных комплексах (могилы с подбоем) черняховских могильников в Каменке и у овчарни совхоза Приднепровского найдены сосуды, отличающиеся от обычной лепной керамики черняховских памятников. Это горшки с пологими плечиками (рис. 5—14, 18), кувшины с цилиндрической шейкой и небольшой округлой ручкой (рис. 5—15), лепной кубок с отогнутым краем и расширением в нижней части тулова (рис. 5—16), двояная чарка, о которой речь будет ниже (рис. 5—13). Аналогии им известны в скифо-сарматской керамике.

Такие, — единичные среди множества черняховских могил, — погребения в подбоях, сопровождаемые характерной лепной посудой, встречены пока только в Поднепровье. Они являются ярким свидетельством, подтверждающим ассимиляцию скифо-сарматских племен черняховским населением в пограничных областях Поднепровья.

Очень своеобразен приземистый горшок с цилиндрическим прямо срезаемым краем и довольно крутыми плечиками (рис. 5—11). Он найден в Каменке, в погребении 40, которое датируется обломком амфоры III в. н. э. Обращает на себя внимание сходство с горшками более поздних Сосницкого и Вольницевского могильников¹⁵. Также близки сосудам из этих могильников лепные горшки удлиненных пропорций, с расширением тулова в верхней части. Один такой сосуд с заглаженной поверхностью найден в Каменском могильнике в погребении 38 с трупосожжением (рис. 5—9). Оно интересно тем, что, кроме этого сосуда, здесь обнаружены не находящийся нигде аналогий горшок, изготовленный на круге, украшенный по плечикам тремя врезанными волнистыми линиями, и обломок невысокого биконического сосуда с шероховатой поверхностью. Возможно, этот комплекс выходит за рамки III в. н. э.

⁸ Т. Н. Книпович. Тезисы. М.—Л., 1949, стр. 137.

⁹ Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, табл. XXVI, 2, 3; ее же. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. Известия ГАИМК, № 104, 1934, стр. 168, 172; рис. 45, 1; 51.

¹⁰ Е. Покровська. Розкопки коло с. Макивки. Археологічні пам'ятки УРСР, II, Київ, 1949, стр. 131, табл. II, 3.

¹¹ И. В. Смирнов. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. Сб. Нижневолжского краеведческого музея. Саратов, 1932, рис. 3, в.

¹² К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 83, рис. 26.

¹³ М. І. Вязьмітіна. Вивчення сарматів на території Української РСР. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 65, 66, рис. 3, 1.

¹⁴ И. Т. Кругликова. Указ. соч., стр. 104; стр. 99, рис. 6, 5.

¹⁵ Ю. Виноградский. Раннеславянские памятники в окрестностях г. Сосница. КСИИМК, I, 1952, стр. 51, рис. 1, 3, 6; Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путівського району Сумської області. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 246, табл. I, 8; стр. 247, рис. 1.

Еще один горшочек с удлиненной, конически сужающейся нижней частью тулова, с бугристой, шероховатой поверхностью найден в погребении 21 могильника у овчарни совхоза Приднепровского (рис. 5—5). В этом горшочке лежали кальцинированные кости ребенка, среди которых были фрагмент очень частого гребня и стеклянная оплавленная бусина. Горшочек был завален обломками побывавших в огне сосудов, преимущественно сделанных на гончарном круге.

Следующую группу лепной керамики составляют миски. Некоторые из них, — открытого типа, — очень напоминают по форме черняховские сосуды, сделанные на круге, например, полусферическая миска из погребения 21 в Каменке (рис. 5—12), найденная в комплексе III в. н. э., и тарелкообразная более позднего времени (рис. 5—10) из погребения 7 могильника у овчарни совхоза Приднепровского.

Некоторые черты сходства мисок обоих типов с зарубинецкими свидетельствуют, скорее всего, о том, что черняховские миски изготовлены по образцам более древней посуды.

Единственная коническая, грубо вылепленная миска найдена в погребении 5 у овчарни совхоза Приднепровского в комплексе IV в. н. э. (рис. 5—17). По наблюдениям В. И. Гошкевича, подтвержденным А. В. Добровольским, для Южного Поднепровья подобные конические миски на массивном поддоне весьма характерны¹⁶. Встречаются они и среди керамики причерноморских городских центров¹⁷. Находки таких мисок известны и в западных областях УССР. С развитием гончарного ремесла сосуды этой формы стали изготавливать на круге¹⁸.

Среди лепной керамики встречаются также миски биконические, очевидно, подражающие выделанным на круге. Возможность такого подражания подтверждает находка в могильнике у овчарни совхоза Приднепровского лепного полусферического черного лощеного кубка. Этот тип сосудов, сделанных при помощи круга, был широко распространен в Поднепровье.

Лепные сосуды с поселений и из могильников лишь изредка покрыты лощением и, как правило, не орнаментированы. В виде редкого исключения встречается валик и однажды (в погребении 7 у овчарни совхоза Приднепровского) найдены обломки горшочка, украшенного беспорядочно нанесенными мелкими круглыми ямками.

Очень характерна орнаментация горшков с прямо срезанным краем, тулово которых иногда специально сделано шероховатым и покрыто бессистемно нанесенными врезами (рис. 5—3). Такая своеобразная орнаментация на сосудах подобной же формы присуща позднечерняховской посуде Великопольши и Силезии и подтверждает родство памятников обеих культурных групп.

Совершенно необычен для памятников черняховской культуры «полей погребений» сосуд, состоящий из двух сообщающихся между собой горшочков, соединенных горизонтальной четырехгранной ручкой. Он сделан из желтоватой глины и покрыт лощением (рис. 5—13).

Двугорлый сосуд из Корчеватовского могильника свидетельствует о находках в зарубинецких погребальных памятниках сдвоенных сосудов, правда, весьма далеких от найденного нами¹⁹. Сдвоенные, — по-видимому, ритуального назначения, — сосуды, встречаются на территории юга СССР

(если не считать трипольские биноклевидные сосуды) с эпохи раннего железа, например, в Нестеровском могильнике на Кавказе²⁰. Такого типа сосуды существовали на Кавказе и в раннесредневековое время²¹.

Однако вероятнее всего, что непосредственными предшественниками корчеватовского и потом каменского сосудов следует считать двугорлые сосуды из скифских курганов Поднепровья. Они территориально и хронологически более близки памятникам культуры «полей погребений». Например, сдвоенная чарка найдена в кургане № 100 в районе Смелы в комплексе VI в. до н. э.²² Подобный сосуд воспроизведен Ханенко²³. Интересно заметить, что сосуды, очень близкие по форме найденному нами, встречаются у западнославянского населения середины I тысячелетия н. э.²⁴

Не раз отмеченное — при обзоре типов лепной посуды — сходство ее со скифо-сарматской керамикой или керамикой городов Северного Причерноморья не удивительно. В областях Нижнего Поднепровья пришлое черняховское население, по-видимому, вступило в тесные взаимосвязи с позднескифским населением причерноморских и нижнеднепровских городищ. На это указывает сравнительно большое количество импортной посуды (от 13 до 27%) на степных поселениях культуры «полей погребений» черняховского типа.

Однако не заимствованными элементами интересна для нас лепная посуда черняховских памятников Нижнего Поднепровья. Важно то, что материалы более раннего могильника в Каменке и более позднего у овчарни совхоза Приднепровского, а также керамика поселений дают возможность выделить специфические, издавна выработанные типы лепной посуды. К ним следует отнести горшки со слегка отогнутым краем и пологими плечиками (рис. 5—1, 2, 4, 6, 7); горшки с загнутыми внутрь прямо срезанными краями (рис. 5—3), а также, по-видимому, миски открытого типа, которые пока у нас представлены немногочисленными экземплярами (рис. 5—10, 12). С распространением гончарного круга некоторые лепные сосуды служили образцами для изготовления посуды уже новой техникой.

Особо внимательно следует относиться к лепным сосудам, имеющим общее с керамикой поздних «полей погребений» соснищого и волинцевского типов. Сюда относятся горшки вытянутых пропорций, с перегибом тулова в верхней части (рис. 5—9) и приземистый горшок с цилиндрическим краем и крутыми плечиками (рис. 5—11). Для выяснения черт сходства, связывающих памятники черняховской культуры с более поздними, эти аналогии должны быть отмечены особо. Изучение археологических материалов степных районов Поднепровья и других областей распространения памятников культуры «полей погребений» поможет уточнить сделанные наблюдения, касающиеся классификации, генезиса и выяснения привнесенных элементов лепной керамики черняховской культуры. Эта керамика, изготовленная в домашних условиях, как правило, отражает исконные, давние культурные традиции, и работы над ее исследованием должны быть продолжены. Важнейшую роль будут играть результаты этих исследований при изучении культур, предшествовавших черняховской, и при определении ее истоков.

¹⁶ А. В. Добровольский. Землеробские поселения первых столетий нашей эры на р. Ингульц. «Археология», т. III, Київ, 1950, стр. 173.

¹⁷ Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритак, стр. 274, рис. 35, 1, 8.

¹⁸ Э. А. Симонович. Погребения V—VI вв. нашей эры у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 65, рис. 19.

¹⁹ Г. Самойловский. Корчеватівський могильник. «Археология», т. I, Київ, 1947, стр. 106, рис. 5.

²⁰ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сулжи. Труды ГИМ, XVII, 1948, стр. 26, рис. 23, 7.

²¹ МАК, VIII, 1908, стр. 242, рис. 197.

²² А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, вып. III. СПб., 1901, стр. 141.

²³ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1900; табл. XII, 5-6.

²⁴ J. Poulik. Kultura moravských Slovanů a Avari. Slavia Antiqua, I. Poznaň, 1948, стр. 330, рис. 2, 1.

В. В. СЕДОВ

К ВОПРОСУ О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ В ДРЕВНЕМ
НОВГОРОДЕ

1. ЖЕРТВА СТРОИТЕЛЕЙ

Благодаря археологическим исследованиям последних лет в Новгороде открываются все новые и новые черты материальной культуры древней Руси, замечательные памятники письменности — берестяные грамоты — и другие памятники, разносторонние характеризующие жизнь древнего населения. Одна из самых темных страниц истории восточного славянства — язычество — начинает все ярче освещаться по мере того, как археологи с каждым годом открывают улицы Великого Новгорода, десятки жилых, хозяйственных и общественных построек, сотни и тысячи деревянных, железных, стеклянных, медных и других предметов древнерусского быта и искусства.

В 1951—1952 гг. Новгородской археологической экспедиции ИИМК удалось открыть древнерусское языческое святилище в Перыни¹. В 1953 г. в самых нижних горизонтах новгородского культурного слоя (середина X в.) обнаружены остатки древнерусской языческой братчины — жертвоприношения 9 дворохозяев, первых поселенцев этого района Великого Новгорода². В 1954 г. в слое X в. найдена металлическая скульптура славянского языческого божества, вероятнее всего, Перуна. Еще многие стороны языческой религии восточных славян выявятся при дальнейшем детальном изучении материалов, собранных экспедицией. В настоящей статье я остановлюсь на одном из языческих обрядов древних новгородцев — строительной жертве.

«Строительной» этнографы называют жертву, совершаемую при закладке какой-либо постройки. Этот обычай некогда был распространен почти у всех племен и народов земного шара. Совершался он различным образом. По единственному мнению всех исследователей, первоначально у большинства народов при постройке жилища, укрепления или общественного здания в жертву приносился человек. Средневековые саги и предания о замуровании людей, чаще детей, при закладке замков и крепостей известны в Германии, у сербов, хорватов, русских и у других народов³. Но

¹ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып. 50, 1954, стр. 92—103; его же. Новые данные о языческом святилище Перуна. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 105—108.

² А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 111; В. В. Седов. Языческая братчина в древнем Новгороде. КСИИМК, вып. 65, 1956.

³ Д. К. Зеленин. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.—Л., 1937.

уже в давнее время жестокие человеческие жертвы при закладке новых сооружений были заменены принесением в жертву животных.

Разные племена и народы избрали различных животных, в зависимости от их роли в языческом мировоззрении того или иного племени. Так, поляки, по свидетельствам этнографов, при закладке дома убивали петуха и закапывали его в землю в то место, где будет стоять один из углов постройки. В некоторых районах Польши жертвенный петух должен был быть обязательно черным⁴. Такой же обряд при закладке новых домов наблюдался в прошлом столетии у белорусов, в некоторых районах расселения южно-великорусов, у сербов и болгар. Белорусские крестьяне, отмечает А. Е. Богданович, при закладке нового дома приносили в жертву петуха, ему отрубали голову, которую или зарывали в землю на месте будущего дома или просто клали под один из валунов, на котором будет покоиться угол сруба⁵. Описывая быт крестьян Курской губернии, другой этнограф отмечает, что крестьяне при закладке дома убивали курицу и ее голову закапывали под одним из углов постройки. В некоторых селениях той же губернии при вселении в новый дом жертвенной курице отрубали голову на пороге дома. В обоих случаях строительная жертва объяснялась тем, замечает автор описания, что крестьяне верили, что «всякий дом должен быть выстроен на чью-либо голову из живущих в нем». Для предотвращения несчастья и приносилась жертва⁶.

Сербы при закладке дома под его основание закапывали живого петуха и объясняли, что делают это для того, чтобы здание не рушилось⁷. Ф. Краусс отмечает, что в 1876 г. при разборке церкви, построенной в XII в., в специальной нише под церковным порогом были найдены скелет петуха и яйцо.

Петух у многих европейских народов являлся существом, связанным с языческим культом. Представлялось, что своим пением он отгоняет нечистую силу и оберегает от всякого зла. Древние греки весной обходили поля с петухом. В Средней Европе еще совсем недавно существовал обычай помещать на церквах и часовнях изображения петуха, который, по представлениям народа, защищает от града, пожара и других несчастий. Э. Г. Мейер предположил, что этот обычай может быть пережитком славянского культа Святовита, которому у некоторых славянских племен был посвящен петух⁸. В. Клиггер возражал, указывая на более широкое, чем область расселения славян, распространение этого обычая в Центральной Европе⁹. Однако мы считаем возможным принять предположение Э. Г. Мейера для ряда славянских племен.

В Средней и Восточной Европе не менее распространенным объектом культа был конь. В мифах и сказаниях многих народов конь часто сравнивается с ветром. Очень широко распространено представление об отвращающей магической силе коня, отраженное во множестве примет и обрядов.

⁴ Jan St. Bystron. Studya nad zwyczajami ludowymi. 1—Zakladziny domow. Rozprawy Akademii Umiejetnoski. Wydzial Historyczno-Filozoficzny. Serja II, t. 35, Krakow, 1927, стр. 1—24.

⁵ А. Е. Богданович наблюдал этот обычай у крестьян Лепельского и Борисовского уездов (А. Е. Богданович. Пережитки древнего мировоззрения у белорусов. Гродно, 1895, стр. 67, 68). Н. М. Никольский считает, что этот обычай был распространен у всего белорусского населения (Н. М. Никольский. Живьём у языках, абрядах і вераньнях беларускага сяланства. Працы сэкцыі этнаграфіі Беларускай Акадэміі Навук, вып. 3, Менск, 1933, стр. 14).

⁶ Машкин. Быт крестьян Курской губернии. «Этнографический сборник», т. 5, СПб., 1862, стр. 84.

⁷ Fr. Krauss. Das Bauopfer bei den Südslaven. Mitteilungen der Anthropologie-Gesellschaft in Wien, 1887, Bd. XVI, № 21, стр. 18.

⁸ В. Клиггер. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911, стр. 320.

⁹ Там же.

Так, по русскому обычаю для защиты свадебного поезда от нечистой силы обязательно выбирают коней светлой масти¹⁰. По немецким поверьям белые лошади в конюшне приносят дому счастье и защиту от злых духов¹¹. У ряда славянских народов существовало поверье, что лошадь обладает пророческими качествами: взору ее открыто то, что для человека остается тайным. До нас дошло немало описаний гаданий с помощью лошади. Например, Саксон Грамматик в описании торжественного языческого богослужения прибалтийских славян отмечает, что при Арконском святилище был конь белой масти, на которого имел право садиться только верховный жрец святилища. Славяне-язычники верили, что Святовит выезжал на подвиги на этом коне; при помощи его прибалтийские славяне совершали гадания¹². Культурная роль коня в славянском языческом мировоззрении ярко прослеживается в севернорусской вышивке¹³.

Такая же магическая сила приписывалась голове коня или конскому черепу. Саксон Грамматик отмечает, что древние германцы, чтобы отвлечь козней злых духов от жилища, выставляли около входа в него на кольях головы коней¹⁴. Такой же обычай существовал у русских еще в прошлом столетии¹⁵. Деревянные коньки на крышах домов, распространенные среди русского и немецкого населения, являются пережитком подобного обычая. Настоящая лошадиная голова была заменена амулетом. Как часто случалось, амулет впоследствии сделался украшением жилых построек.

Использование конского черепа в качестве строительной жертвы отмечено только у украинцев и казанских татар. Погребение конского черепа под основание строящейся хаты, по объяснению западных украинцев предотвращает беду — «несчастья и болезни падают на этот череп, а не на обитателей дома». В других местах Западной Украины конским черепам, приносимым в качестве строительной жертвы, приписывалось апотропическое значение¹⁶. В центральных областях Украины этот обычай отмечен В. Н. Добровольским. Здесь крестьяне клали конские черепа в основание плотин, объясняя, что делают это для того, чтобы плотины были прочнее¹⁷.

Д. К. Зеленин вслед за К. Хекшером отмечает, что некогда этот же обычай бытовал и у немцев, так как в развалинах города Шенкона был обнаружен замурованный конский череп¹⁸.

В севернорусских областях обычай строительной жертвы не зафиксирован. Тем интереснее результаты археологических исследований. Следы строительных жертв, приносившихся древними новгородцами, были встречены и при раскопках предыдущих сезонов, но не были осознаны, не привлекли внимания, и конские черепа собраны вместе с другим остеологическим материалом без должной документации.

Впервые же остатки строительной жертвы были детально изучены в 1955 г. при разборке жилой постройки № 23, открытой в юго-восточном

¹⁰ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 632.

¹¹ В. Клиггер. Указ. соч., стр. 117.

¹² И. Срезневский. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846, стр. 97 и сл.

¹³ В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ, вып. I, 1926, стр. 7—36.

¹⁴ В. Клиггер. Указ. соч., стр. 117.

¹⁵ Шесты с конскими черепами ставились близ жилья, пасек и огородов; в частности, пчеловоды Московской и Курской областей верили, что это принесет им счастье, и пчелы будут давать больше меда (В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 24).

¹⁶ R. F. Kaindl. Haus und Hof bei den Ruslaken. «Globus», 1897, Bd. 71, № 9, стр. 137.

¹⁷ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I. СПб., 1891, стр. 98.

¹⁸ Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 26, 27.

углу раскопа XIV¹⁹. Сохранились два-три нижних венца сруба, рубленного в обло, и часть досчатого пола. Печь занимала северо-западный угол дома, где вскрыто ее основание. Под северо-восточным углом сруба на глубине 5—10 см обнаружен конский череп (без нижней челюсти), поставленный на шейное основание и обращенный верхней челюстью на северо-северо-запад (рис. 6—1). Правая половина нижней челюсти лежала на той же глубине несколько южнее, под восточной стенкой сруба, левая половина — под северо-западным углом. Перед нами — несомненное жертвоприношение. Правильное положение черепа и приведенные выше этнографические параллели не позволяют сомневаться в том, что череп был заложен с ритуальными целями при закладке²⁰. Постройка относится к 8-му строительному ярусу, т. е. к середине XIV в. (1342—1368 гг.). Обычай строительной жертвы, связанный с языческими представлениями, как и многие другие языческие обычаи и поверья, продолжал бытовать длительное время и после принятия христианства.

К XIII в. относится постройка № 7, открытая на XIII раскопе. Это небольшой сруб (2,8 × 2,8 м), от которого сохранился один нижний венец. Остатков пола и печи не обнаружено. Под северную часть сруба (очевидно, в качестве подкладок, в связи с наклоном поверхности в направлении с севера на юг) были положены два длинных бревна²¹. Под северной стенкой на расстоянии метра от ее северо-восточного угла, на 0,4 м ниже основания сруба открыт конский череп, также поставленный на шейное основание (рис. 6—2). В данном случае он был закопан при закладке постройки на глубину 0,4 м.

При сооружении постройки № 8 того же раскопа в жертву принесли не весь череп лошади, а только нижнюю челюсть, которая и была открыта под юго-западным углом сруба на 0,35 м ниже основания (рис. 6—3). Постройка датируется серединой XIII в.²²

Хорошо сохранившийся сруб № 15 того же раскопа стратиграфически увязан с мостовыми 14-го яруса (начало XIII в.). При закладке этого дома также было совершено жертвоприношение. Конский череп обнаружен в районе юго-западного угла сруба на глубине 0,2—0,25 м от досок пола (рис. 7—3)²³. Нужно отметить и другую деталь, несомненно связанную с языческими представлениями хозяев дома. Непосредственно под досками хорошо сохранившегося пола в юго-восточной части постройки найден деревянный ковш, поставленный на основание²⁴. Ковш не мог провалиться под пол в то время, когда дом был обитаем, а тем более позднее, так как настил в этом месте сохранился очень хорошо — щелей между досками нет. Нужно полагать, что ковш был специально заложен с культовыми целями в основание дома при его сооружении. Подобные примеры известны. Напомним жертвоприношение, связываемое с древнерусской языческой братчиной, о котором упомянуто в начале статьи.

Конский череп, поставленный на шейное основание (верхней челюстью на восток), был открыт в квадрате 1069 раскопа XIV²⁵. Постройка, к ко-

¹⁹ См. Отчет о раскопках в Новгороде в 1954 г. (план 8-го яруса), хранящийся в Комитете полевых исследований ИИМК. Разборка этого сруба производилась в 1955 г.

²⁰ Подобный же обряд погребения конского черепа прослежен при раскопках в Великих Болгарах. Близ восточного угла дома XIII в. найден конский череп, тщательно зарытый в ямку и прикрытый каменной плитой, величиной и формой соответствующей черепу. (А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 203, 204 и табл. VII, рис. 131).

²¹ Отчет о раскопках в Новгороде в 1955 г. (см. планы 11-го яруса и 12 и 15-го пластов).

²² Там же (см. планы 12-го яруса и 13-го пласта).

²³ Там же (см. планы 14-го яруса и 16-го пласта раскопа XIII).

²⁴ Там же (см. план 16-го пласта, находка № 20 в квадрате 958).

²⁵ Там же (см. план 19-го пласта раскопа XIV, находка № 46 на участке Д).

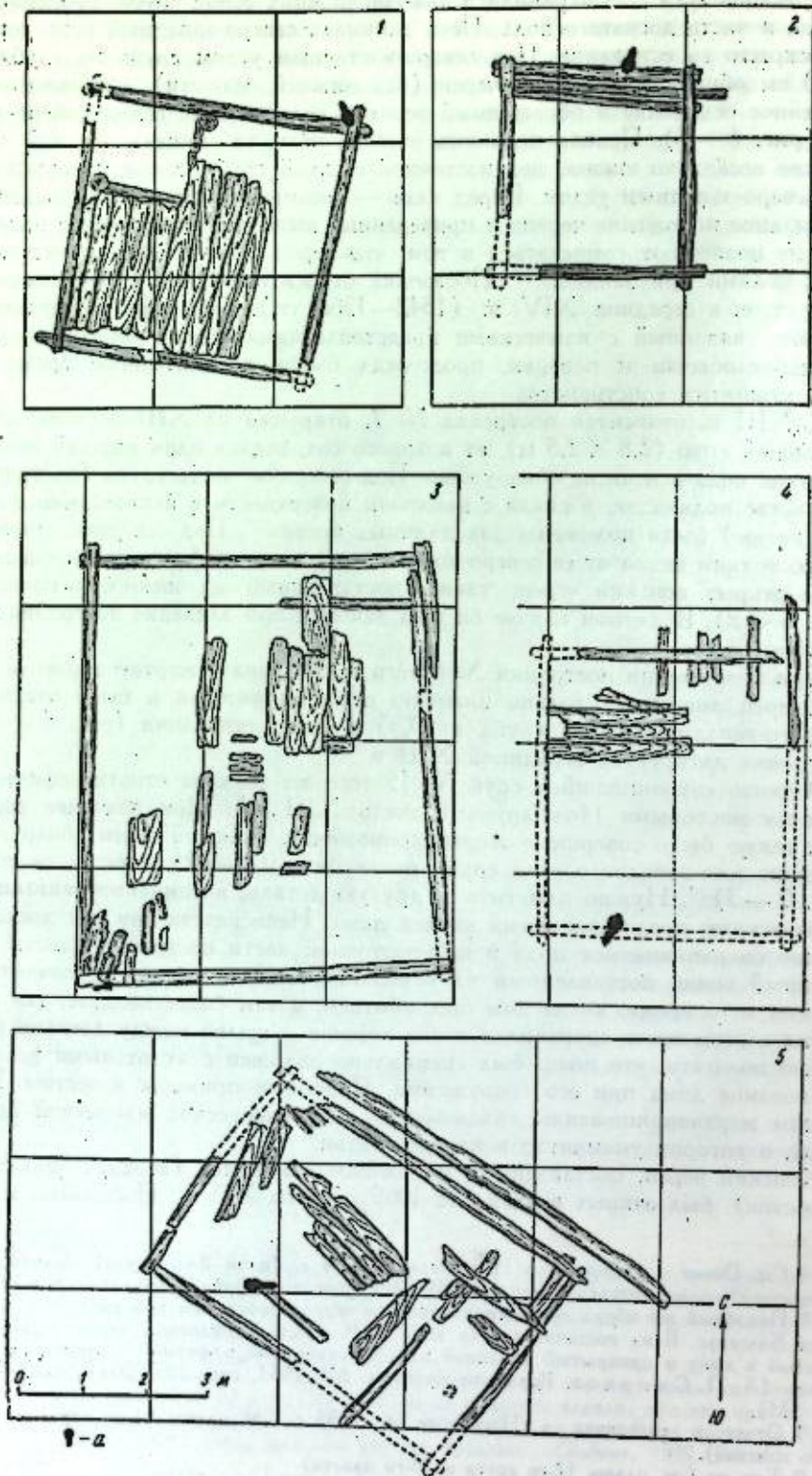

Рис. 6. Расположение конских черепов под остатками срубов.
 1 — постройка № 23, раскоп XIV; 2 — постройка № 7, раскоп XIII; 3 — постройка № 8, тот же раскоп; 4 — постройка 25-го яруса; 5 — постройка 26-го яруса; а — конский череп.

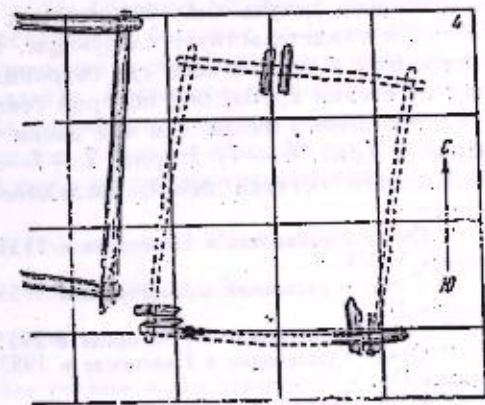
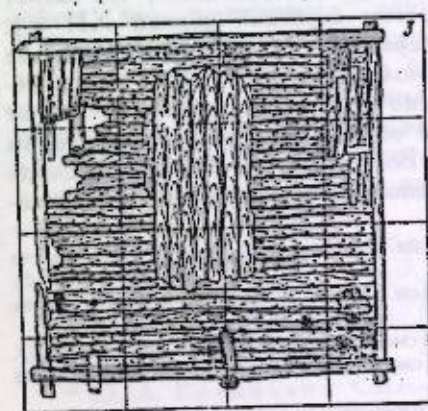
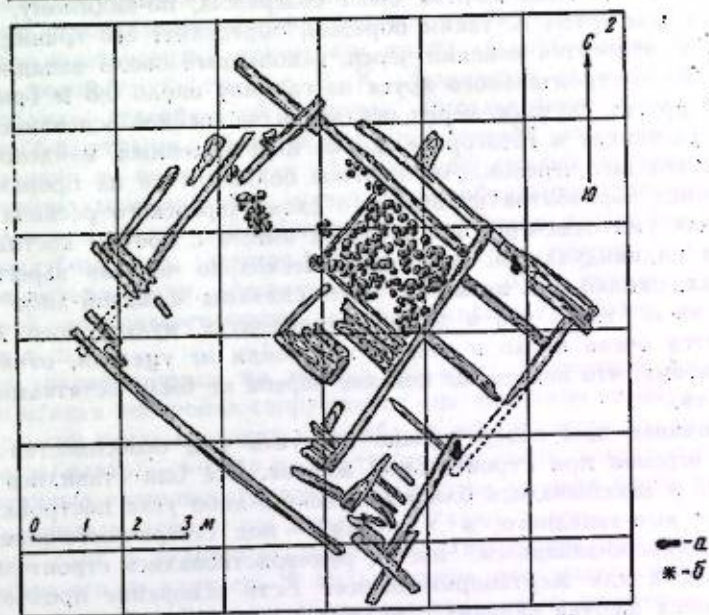
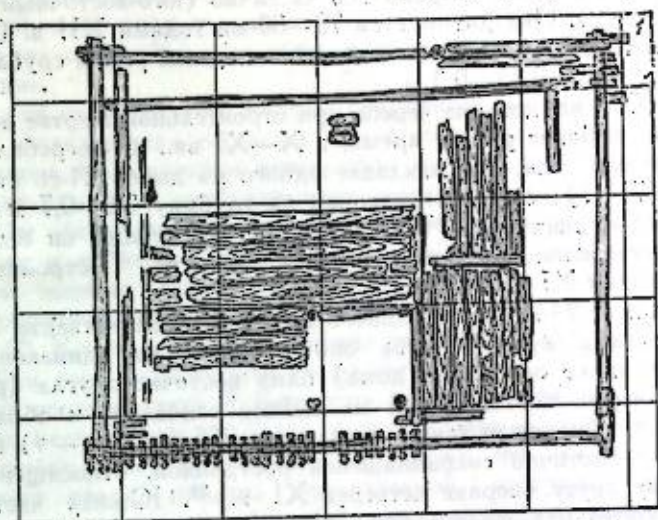

Рис. 7. Расположение конских черепов под остатками срубов.
 1 — постройка 21-го яруса; 2 — постройка 24-го яруса; 3 — постройка № 15 14-го яруса; 4 — постройка на раскопе XIV (XII в.); а — конский череп; б — деревянный ковш.

торой относится жертва, сохранилась частично (юго-восточный угол и подкладка под сруб): Она датируется 70—80-ми годами XII в. (рис. 7—4). Строительная жертва заложена под юго-западным углом сруба. Череп был закопан на глубину 0,25—0,3 м.

В XII—XIV вв. конские черепа при строительной жертве закапывались неглубоко, но в более раннее время, в X—XI вв., их погребали на значительную глубину. Так, при закладке одного из домов 21-го строительного яруса (рис. 7—1) череп был закопан на глубину 0,6—0,7 м под северо-западной частью постройки²⁶. Как и в других случаях, он был поставлен на шейное основание и лишен нижней челюсти. Постройка относится к 70—80-м годам XI в.

С постройкой 24-го строительного яруса (вторая четверть XI в.) связаны два конских черепа²⁷. Оба они открыты на одинаковой глубине (около 0,9 м ниже основания дома) близ восточного угла (рис. 7—2).

Конский череп, поставленный на шейное основание и обращенный на юго-юго-запад, обнаружен также в квадрате 958 (рис. 6—4) и, очевидно, был связан с частично сохранившейся постройкой, относящейся к 25-му строительному ярусу (первая четверть XI в.)²⁸. Южная часть дома не уцелела; строительная жертва была совершена, по-видимому, под юго-западным углом сруба и, таким образом, определяет его границы.

К X в. относится конский череп, закопанный около западного угла постройки 26-го строительного яруса на глубину около 0,8 м (рис. 6—5)²⁹. Как и в других случаях, череп поставлен на шейное основание.

При раскопках в Новгороде, кроме перечисленных, найдено около трех десятков конских черепов. Абсолютное большинство их происходит из самых нижних горизонтов культурного слоя Неревского раскопа³⁰. К сожалению, как уже отмечено, они собраны вместе с прочим костным материалом, без индивидуальной фиксации. Несколько черепов зарегистрировано на планах, однако они не могут быть связаны с какой-либо постройкой отчасти из-за того, что в нижних горизонтах культурного слоя дерево сохраняется очень плохо и многие постройки не уцелели, отчасти же, конечно, потому, что некоторые конские черепа не были остатками строительных жертв.

Заканчивая наш обзор, нужно отметить ряд особенностей погребения конских черепов при строительной жертве. Все они ставились на шейное основание и закапывались близко от какого-либо угла постройки: в 5 случаях — от юго-западного, в 3 случаях — под северо-восточным, в 1 случае — под северо-западным. Чем же руководствовались строители дома при выборе места для жертвоприношения? Есть основание предполагать, что строительная жертва связана с входом в постройку (напомним, что скелет жертвенного петуха был открыт под порогом сербской церкви XII в.). Об этом свидетельствует следующее. Во-первых, во всех описанных выше постройках в тех случаях, где сохранился пол, доски настланы в направлении от стенки сруба, под которой совершено жертвоприношение, т. е. от предполагаемого входа, так как доски пола обычно стлались именно таким образом (рис. 6—1, 3; рис. 7—1—3). Во-вторых, во всех срубах, где обнаружены остатки печей, последние расположены справа от предпола-

²⁶ Отчет о раскопках в Новгороде в 1955 г. (см. планы 21-го яруса и 27-го пласта раскопа XIV).

²⁷ Отчет о раскопках в Новгороде в 1953 г. (см. планы 24-го яруса и 34-го пласта раскопа II).

²⁸ Отчет о раскопках в Новгороде в 1955 г. (см. план 26-го пласта раскопа XIII).

²⁹ Отчет о раскопках в Новгороде в 1953 г. (см. планы 26-го яруса и 35-го пласта раскопа I).

³⁰ В. И. Цалкин, изучив новгородский остеологический материал, отмечает, что все конские черепа принадлежали взрослым особям и характеризуются широкой изменчивостью — происходят от лошадей разных пород.

гаемого входа в дом (рис. 6—1; рис. 7—1, 2). Это не случайно. По-видимому, конский череп (или голова коня), по представлениям древних новгородцев, охранял постройку и ее обитателей от злых духов, находясь возле входа в здание.

О сущности строительной жертвы существует несколько точек зрения. Однако все исследователи согласны, что этот обычай связан с языческим мировоззрением. Большинство этнографов считает, что в основе обычая лежит представление о необходимости жертвы при сооружении всякого здания, чтобы обеспечить его прочность, охранить и постройку, и ее обитателей от влияния злых духов³¹. Э. Тейлор писал, что в основе обычая строительной жертвы лежит вера в необходимость умиловить духов земли или обратить душу самой жертвы в покровителя новой постройки³². По мнению Ф. Краусса, южнославянские племена прежде верили, что место для постройки дома надо купить у «земного духа»³³.

Польский исследователь Я. Быстрой, особо подчеркивая существование у некоторых первобытных народов представления о том, что всякая постройка, подобно всему живому, живет, считал, что обычай строительной жертвы имеет целью придать воздвигаемой постройке живой вид³⁴. Д. К. Зеленин, используя большой этнографический материал, пришел к выводу, что строительные жертвы «служили в идеологии раннего родового общества компенсацией древесным духам за срубленные деревья»³⁵.

Кажется, можно согласиться с Д. К. Зелениным относительно происхождения обряда строительной жертвы. Впоследствии первоначальный смысл жертвы был утрачен либо в той или иной степени расширен. У разных народов и племен он получил, как об этом ярко свидетельствуют этнографические материалы, различные значения: приобретение духа—защитника нового дома и его обитателей, обеспечение прочности постройки, средство против враждебных сил, жертва духам земли по поводу повреждения строителями матери-земли, обеспечение «жизни» дома, передача дому той силы, которой, по представлениям людей, обладает культовое, жертвуемое животное, и т. п.

Судя по сохранившимся во многих областях Восточной Европы поверьям, что всякая постройка сооружается «на чью-либо голову», т. е., что в скором времени после вселения кто-либо из вселившихся должен умереть или тяжело заболеть, — можно полагать, что древние новгородцы, как и другие восточные славяне, строительной жертве прежде всего придавали значение охранителя дома и его жителей от злых духов.

Несколько слов о культовом, жертвенном животном при строительной жертве. Выбор его не случаен. В большинстве это магическое, наиболее почитаемое животное. Например, у гяляков культовым животным является собака, что, по-видимому, связано с ее большой ролью в хозяйстве³⁶. В Средиземноморье и Дунайско-Днестровском бассейне во II тысячелетии н. э. объектом культа был бык, имевший в хозяйстве населения перво-степенное значение. В северных областях Восточной Европы почитался медведь, с культом которого связаны погребения глиняных медвежьих лап и другие обряды³⁷, у славянских народов — петух и конь. Этнографические и археологические материалы позволяют в общих чертах наметить области,

³¹ W. Jescse. Bauopfer und Totenopfer. Niederdeutsche Zeitschrift für Volkskunde. Bremen, 1930, Bd. VIII, № 1, стр. 3.

³² Э. Тейлор. Первобытная культура. СПб., 1896, стр. 96.

³³ Fr. Krauss. Указ. соч., стр. 21.

³⁴ Jan St. Bystryj. Указ. соч., стр. 1—24.

³⁵ Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 20.

³⁶ Ю. А. Крейнович. Собаководство гяляков и его отражение в религиозной идеологии. «Этнография», 1930, № 4, стр. 41—54.

³⁷ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. МИА, № 6, 1941, стр. 149—190.

где объектом культа был петух, и области, где почитался конь. Такое разграничение не должно быть случайным и представляет большой интерес при изучении древнейшей истории населения Центральной и Восточной Европы.

2. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫЧЕСКОЙ БРАТЧИНЕ

В небольшой нашей заметке было описано жертвоприношение, связанное с языческой пчеловодческой братчиной, открытое в 1953 г. в Новгороде в предматериковом слое Неревского раскопа³⁸. Летом 1955 г., также

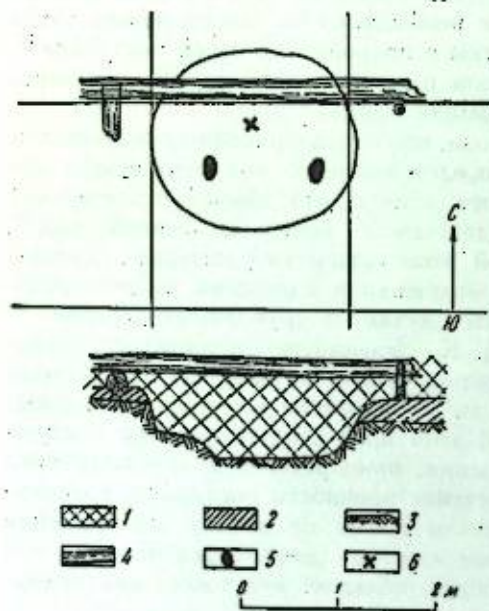

Рис. 8. План и разрез ямы с остатками жертвоприношения.

1 — черно-коричневый слой; 2 — предматриковый слой; 3 — матрикс; 4 — брыня; 5 — черепа быков; 6 — место нахождения деревянного ковши. (Разрез сделан вдоль брыни).

в жертвоприношении, открытом в 1953 г.) вверх дном.

Вне всякого сомнения, перед нами — жертвоприношение языческого времени. Этнографические материалы, изложенные ниже, позволяют связывать его с другим видом древнерусской языческой братчины — скотоводческой.

Как и многие другие обряды и поверья, связанные с языческим мировоззрением, братчина бытовала у восточных славян также после принятия христианства, в отдельных местах даже до недавнего времени. После принятия христианства этот общинный праздник, состоявший из пиршества, игр, хороводов и пр., был приурочен церковью к одному из христианских праздников и справлялся, освященный ею. Так, в северных губерниях России общинные пиры-братчины устраивались в Ильин день. Они неоднократно были описаны этнографами прошлого столетия. Обязательной частью братчинного пира северных губерний России было жертвоприношение быка³⁹. Н. Н. Харузин, вслед за А. Ефименко, отмечая широкое

в самом нижнем горизонте новгородского культурного слоя (середина X в.), обнаружено еще одно жертвоприношение, но несколько иного вида.

В предматериковом слое (раскоп XIII, квадраты 940 и 950) обозначилась круглая в плане яма диаметром (с запада на восток), равным 2 м; перпендикулярный диаметр ее — 1,75 м, глубина — 0,45—0,5 м (рис. 8). Яма продолжалась также в материке и имела крутые, близкие к отвесным, стенки. На всю глубину она была заполнена черно-коричневым культурным слоем. Дно ее горизонтальное, за исключением небольшого подъема в северо-западной части. В южной части ямы, на дне, обнаружены 2 бычьих черепа с рогами, но без нижних челюстей, поставленные на шейные основания на расстоянии 1 м друг от друга, носовыми костями на юг. Недалеко от черепов в середине ямы, также на дне ее, лежал деревянный ковш, перевернутый (как и

распространение общественных пиров, носивших несомненные следы языческих братчин, в Олонецкой, Архангельской и некоторых других северных губерниях, полагает, что общественные пиры-братчины были особенно известны в древнем Новгороде. А. Ефименко пишет, что в Новгороде для таких пиршеств соединялись улицы, а за пределами города — несколько деревень, как это делалось в то время в некоторых местностях Архангельской губернии. В северные губернии России обряд братчины, по мнению этих исследователей, был занесен из Новгорода⁴⁰.

На основании многочисленных описаний этнографов скотоводческая братчина представляется в следующем виде. В распоряжение общины поступало жертвенное животное. В одних местах крестьяне задолго до праздника сообща покупали быка и откармливали его на общих лугах⁴¹, в других — обетный бык выделялся одним из поселян, также задолго до праздника, и сообща выкармливался⁴². В Орловской губернии существовал такой обычай: если корова первый раз отелилась бычком, то хозяин обязан пожертвовать его миру. Бык вырастал на воле, и считалось, что до братчинного мира он мог гулять по полям и хлебам; никто не мог обижаться на потрапу⁴³. На Отовозере (б. Олонецкая губерния) жертвенный бык должен был быть обязательно красного цвета; по представлениям крестьян, только такой бык мог обеспечить (через пророка Илью) ясную погоду в период сенокоса и уборки хлебов⁴⁴. Когда приходило время братчинного пира, мясо жертвенного быка варилось в общинных котлах, которые хранились в церковных приходах. В распоряжение прихода поступали лучшие части обетного быка. Это лишнее раз подчеркивает связь пиршеств с язычеством, но роль жречества теперь исполнял церковный причт. Остальное мясо делилось между участниками братчины.

Обязательными для всякой братчины, в том числе и скотоводческой, являлись медовый напиток, брага или пиво, которые варили также сообща накануне праздника. Напиток и мясо освящались духовенством. После пира начинались игры, пляски, хороводы. На основе ряда письменных памятников можно полагать, что в XIII—XVI вв. на братчинные пиры приезжали скоморохи, пиры сопровождались музыкой, плясками, песнями, гаданиями и какими-то представлениями в масках⁴⁵.

Связь скотоводческой братчины, описанной этнографами, с древними языческими братчинами ярко проявляется также в следующем поверье, до недавнего времени распространенном в некоторых местах Олонецкой и Орловской губерний⁴⁶. Согласно этому поверью, кости жертвенного или, как его иногда называют, «ильинского» быка имеют магическую силу. В Олонецкой губернии все участники пира стремились захватить кусок мяса с костью, веря, что эти кости приносят счастье; кто имеет «ильин-

³⁸ А. Ефименко. Артели в Архангельской губернии. Сборник материалов об артелях в России, вып. 2. СПб., 1874, стр. 172; Н. Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. Олонецкий сборник, вып. 3. Петрозаводск, 1894, стр. 339—341.

³⁹ А. Ефименко. Указ. соч., стр. 173; Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 340; Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. 1. Пгр., 1914, стр. 247.

⁴⁰ «Из обычаев обонежского народа». Этнографические заметки. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867, стр. 131 (часть третья).

⁴¹ А. Н. Трунов. Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной. Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 2. СПб., 1869, стр. 32.

⁴² Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 344.

⁴³ А. Попов. Пир и братчина. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Кн. 2, пол. 2, М., 1854, стр. 19—41.

⁴⁴ Помимо северных губерний России, скотоводческая братчина описана этнографами в Горьковской (Д. К. Зеленин. Описание рукописей... стр. 762), Пензенской (там же, стр. 986) и Орловской областях (А. Н. Трунов. Указ. соч.).

³⁸ См. В. В. Седов. Языческая братчина в древнем Новгороде. КСИИМК, вып. 65, 1956.

³⁹ Жертвенное животное (бык или — в других областях — баран) является обязательным элементом всякой скотоводческой братчины.

скую кость», говорили они, тому нечего бояться, с ним всегда Илья⁴⁷. В Орловской губернии кости жертвенного быка после пира собирались и закапывались в землю в присутствии всех участников, которые при этом молились⁴⁸. Обычай «хоронить» остатки священной ритуальной трапезы был, по-видимому, широко распространен среди славян-язычников. Этот обычай сохранился в обряде «троецуплатницы» в Вятской губернии⁴⁹ и ряде мест Восточной Европы — в обряде новогоднего «кесарецкого порося»⁵⁰. Обычай зарывать остатки обрядовых трапез был некогда широко распространен и в Чехословакии, и в Германии, о чем можно судить по археологическим находкам⁵¹.

Два бычьих черепа, открытых в языческом жертвоприношении новгородцев, свидетельствуют о распространении в древнем Новгороде веры в магическую силу костей жертвенных животных и обычая зарывать в землю остатки обрядовой трапезы. Деревянный ковш позволяет связывать жертвоприношение с братчиной, ибо напиток был неотъемлемой частью всякого братчинного пира. В жертвоприношении, открытом в 1953 г., найдено 9 ковшей. Такие ковши широко известны и по этнографическим материалам. Среди них наиболее интересны братчинные ковши, ручки которых завершаются резной головой культового животного. В Белорусском музее до Великой Отечественной войны хранилась, например, серия таких ковшей; у шести из них на ручках были резные изображения петушиных головок, у других ручки были вырезаны в виде петушиных хвостов, у третьих — в виде петушиных гребней. Петух был наиболее почитаем белорусскими крестьянами⁵². Известны ковши, ручки которых завершаются изображениями конской головы, утки, символическими знаками. Все эти ковши, пишет Н. М. Никольский, служили на братчинных пирах для зачерпывания пива или медка из братин⁵³.

В. Л. ЯНИН

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ЛОПАСТИЦКОГО КРЕСТА

Лопастницкий или Витбинский каменный крест хорошо известен в литературе. Изданный впервые А. К. Жизневским¹, он затем неоднократно привлекался исследователями тверских древностей и был объектом специальных публикаций². Памятник принадлежит к числу межевых или пограничных камней, нередких на водных путях центральной Руси. Можно думать, что такие камни ставились для обозначения таможенных пунктов на границах русских княжеств. Лопастницкий крест поставлен в такой местности, где в XII—XIII вв. был устойчивый стык границ Смоленского княжества, земель Великого Новгорода и Новоторжской волости, входившей в состав Великого Новгорода, но пользовавшейся самостоятельностью, которая нередко подчеркивалась новоторжцами и в достаточной степени демонстративно. Из района бывшего местонахождения Лопастницкого креста известен ряд памятников такого же характера; наиболее замечателен из них широко известный Стерженский крест³.

В отличие от последнего, Лопастницкий крест аэпиграфен. Поэтому наибольшие трудности представляет его датировка. Можно датировать крест по форме, но в этом случае период времени будет растянутым и не позволит сделать какие-либо конкретные выводы об обстоятельствах сооружения памятника. Однако существуют возможности для более точного определения даты Лопастницкого креста.

На обеих сторонах креста помещены изображения. Одна сторона (рис. 9-а) содержит изображение процарапанного или высеченного четырехконечного креста с оконечностями, завершенными точками. Под крестом помещена точка. Наверху — знак «в виде опрокинутой скобы» (по определению А. К. Жизневского). Смысл изображения креста бесспорен, а знак над ним А. К. Жизневский определил как монограмму «Иисус». По-видимому, истолковать весь рисунок можно значительно проще, если в точке под крестом усматривать схематическое изображение «адамовой головы», а в знаке «в виде скобы» — такое же схематическое изображение «святого духа», которое в виде голубя встречается иногда на русских домонгольских крестах (энколпионах и плоских тельниках).

¹ А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888, стр. 38—40, № 53. Крест стоял на берегу пролива, соединяющего озеро Лопастницы и Витбино, на мысу, в одной версте от деревни Загородье б. Осташковского уезда. Памятник высечен из красноватого песчаника; высота креста — 1,35 м, длина горизонтальной перекаладины — 1,07 м, ширина концов креста — 0,35—0,44 м, толщина — до 0,24 м.

² См. В. И. Колосов. Стерженский и Лопастницкий кресты в связи с древними водными путями в Верхнем Поволжье. Тверь, 1890.

³ С. Н. Ильин. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 179—181.

⁴⁷ «Из обычаев обонежского народа...», стр. 132.

⁴⁸ А. Н. Трунов. Указ. соч., стр. 32.

⁴⁹ Д. К. Зеленин. Троецуплатница. Вятка, 1906; В. В. Богданов. Древние и современные обряды погребения животных в России. «Этнографическое обозрение», кн. CXI—CXII, М., 1916, № 3—4, стр. 108.

⁵⁰ D. Zelenin. Russische Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 357 и 359.

⁵¹ W. Jesse. Указ. соч.

⁵² Н. М. Никольский. Указ. соч., стр. 19 и рис. 29—33.

⁵³ Там же, стр. 19.

На другой стороне памятника (рис. 9-б) помещено высеченное изображение такого же четырехконечного креста с оконечностями в виде точек, а справа от него, на лопасти креста — знака, прочтенного А. К. Жизневским как монограмма «Христос». Разрывая предположенную им надпись на две части, помещенные на разных сторонах, А. К. Жизневский выдвинул в высшей степени спорное толкование их, тем более что обе «монограммы» имеют очень отдаленное сходство с обычными на Руси способами изображения имени Христа.

В действительности знак в виде буквы Т с вертикальными крыльями по сторонам верхней перекладины и изогнутым отрогом влево является бесспорным вариантом хорошо известных знаков суздальских князей и принадлежит к наиболее поздней группе, датированной нами концом XII—первой половиной XIII в.⁴

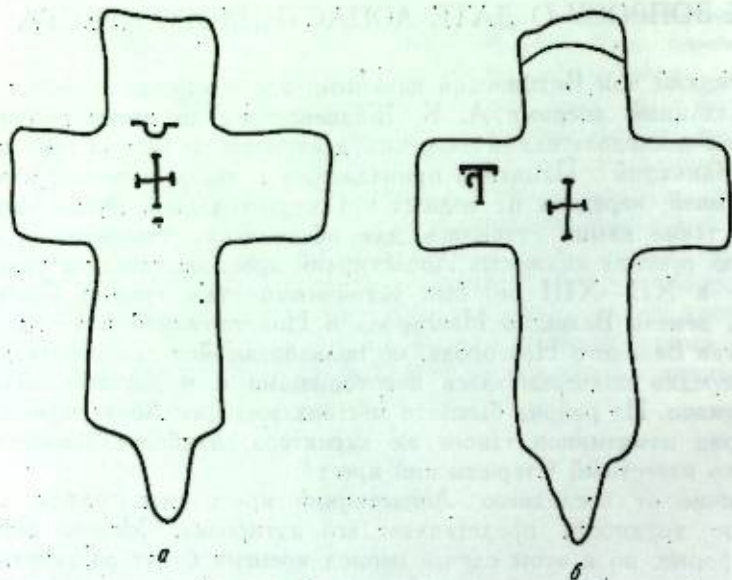

Рис. 9. Лопастницкий крест.

В опубликованном своде княжеских знаков суздальских Рюриковичей нет точной аналогии помещенному на Лопастницком кресте; он пополняет таблицу таких знаков, и вполне возможно указать место, которое должен занимать в ней в силу особенностей своей конструкции, имеющих генетический смысл.

Знак не может принадлежать ни одному из сыновей Юрия Долгорукого в силу простоты конструкции и производности ее от тех знаков, которые были признаны принадлежащими Юрьевичам. Не может он принадлежать и ни одному из князей старшей линии Юрьевичей, так как все знаки этой линии нам уже известны. Со знаком Андрея Боголюбского он не имеет прямой генетической связи и поэтому Андреевичам и их потомкам принадлежать не может. Вряд ли его можно отнести и к потомству Глеба Юрьевича. Оба бездетных сына Глеба — Изяслав и Владимир — были деятелями 50—80-х годов XII в., тогда как знак Лопастницкого креста производит впечатление более позднего. Знаки всех сыновей Всеволода III Большое Гнездо нам известны, поэтому владельца следует искать только среди внуков Всеволода III. Опираясь на конструкцию знака, мы можем с достаточным основанием предполагать, что его владельцем был один из

⁴ В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИМК, вып. 62, 1956, стр. 16.

сыновей или Константина Всеволодовича, или Георгия Всеволодовича, знаки которых снабжены отрогом влево, тогда как принадлежащие остальным Всеволодовичам имеют отрог вправо. Что касается Ивана Всеволодовича, которому мы приписали знак с отрогом влево, то некоторые соображения по этому поводу будут высказаны ниже. К тому же единственный сын Ивана Всеволодовича — Михаил был деятелем последней четверти XIII в., когда обычай употребления геральдических знаков прекратился⁵.

Рассматривая летописные сведения о детях Константина Всеволодовича, мы обнаружим, что деятельность ни одного из его трех сыновей (Василько, Всеволод-Иоани, Владимир-Дмитрий) не связана с областью волжского верховья, откуда происходит Лопастницкий крест. Правда, Всеволод и Василько появлялись со своими войсками в Торжке, первый — в 1215 г., второй — в 1224 г., но не в качестве новоторжских князей, а оказывая помощь другим князьям в их военных и политических делах.

Из трех сыновей Георгия Всеволодовича Мстислав и Владимир не успели начать политической карьеры. Владимир в возрасте 19 лет был захвачен татарами в Москве и убит под стенами Владимира в 1237 г.; Мстислав, ровесник Владимира, погиб в один день с братом. Старший сын Георгия Всеволодовича Всеволод был убит татарами в тот же день, но, в отличие от братьев, жизненный путь его, — искушенного политического деятеля, — был полон важными событиями. В связи с нашей темой его личность для нас наиболее интересна.

Всеволод родился 23 октября 1212 г., а в 1221 г. в возрасте восьми лет уже был послан отцом на княжение в Новгород. Призвание Всеволода в Новгород совершилось в обстановке очень тяжелой и сложной политической борьбы новгородцев за свои политические права против сторонников суздальской ориентации и подчинения новгородских земель суздальским великим князьям. Нет ничего неожиданного в том, что уже в том же году малолетний Всеволод тайно бежал, благодаря чему отношения Новгорода с Суздаlem еще более обострились. В 1224 г. Всеволод снова княжил в Новгороде и снова «понеде из Новагорода ночью, утаивъся, со всем двором своим»⁶. Бежав из Новгорода, Всеволод сел на новоторжский княжеский стол, избрав Торжок, где всегда высказывались наиболее открытые симпатии к Суздаlem. По-видимому, бегство Всеволода было обусловлено с Георгием Всеволодовичем, так как сразу же по водворении Всеволода в Торжке сюда сошлись полки Георгия и его союзников — Ярослава, Василько и Михаила Черниговского. Георгий в ответ на просьбу новгородцев «пустить к ним деля, а самому сойти с Торжку», предъявил новгородцам ультиматум о выдаче враждебных ему бояр: «Не выдадите ли, тоже пакы поил есмь конь Тферью, а еще к тому хошу Волховом напоити»⁷. Распря кончилась тем, что Георгий отступил, взяв с новгородцев контрибуцию и навязав им в князья своего шурина Михаила Черниговского. Дальнейшая судьба Всеволода связана с Суздальской землей. В 1232 г. он послан своим отцом воевать с мордвой, в 1237 г. потерпел поражение от татар под Коломной, после чего бежал во Владимир, где ему 7 февраля 1237 г. пришлось разделить с братьями их трагическую судьбу.

Связывая знак Лопастницкого креста с именем Всеволода Георгиевича, мы можем, таким образом, правомерность помещения его геральдического знака на пограничном камне Новоторжской волости объяснить действительными событиями политической истории Торжка и Новгорода. Датируя знак, мы не можем, разумеется, настаивать на том, что и сам крест был воздвигнут в 1224 г. Он мог находиться у Лопастницкого озера и с более

⁵ См. В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 8 (генеалогическая таблица суздальских Рюриковичей) и стр. 16 (таблица княжеских знаков суздальских Рюриковичей).

⁶ ПСРЛ, т. III, стр. 41; т. IV, стр. 27.

⁷ ПСРЛ, т. III, стр. 41; т. IV, стр. 27, 28.

раннего времени. Во всяком случае, он уже стоял в 1224 г., когда на нем был высечен княжеский знак, и более поздним временем не может быть датирован.

Помещение княжеского знака на пограничном камне — случай не единственный. На камне из района с. Волго-Верховье также помещено схематическое изображение княжеского знака, которому Н. Н. Воронин нашел близкую аналогию в серии смоленских знаков, опубликованных И. М. Хозеровым⁸.

Знак Лопастницкого креста не только пополняет таблицу суздальских княжеских знаков, но и позволяет высказать сомнение по поводу атрибуции одного из них, приписанного нами ранее Ивану Всеволодовичу⁹ и

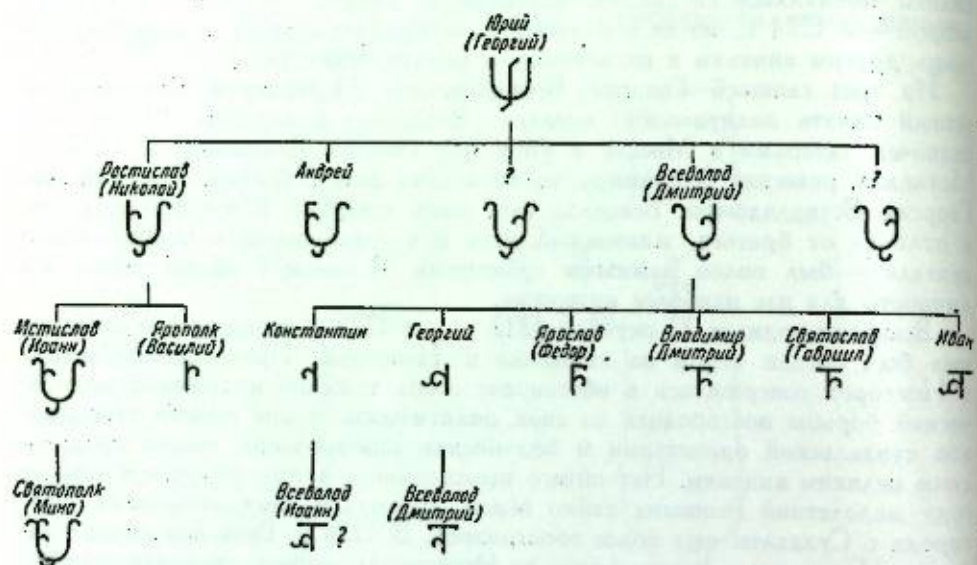

Рис. 10. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей.

имеющего отрог влево, подобно знакам старших Всеволодовичей. Он вполне может принадлежать Всеволоду-Иоанну — среднему сыну Константина Всеволодовича (рис. 10). Однако настаивать на точном его определении мы пока не можем. Отметим только, что Иван Всеволодович мог вообще не иметь знака, так как владетельным князем он стал очень поздно, в 1238 г., получив в удел Стародуб, тогда как его племянник Всеволод Константинович уже в 1218 г. владел самостоятельным ярославским уделом. Если знак присваивался не при рождении, а при получении удела, то эти даты могут говорить в пользу Всеволода Константиновича, поскольку на 30—40-е годы XIII в. падает отказ от княжеских знаков. У Ярославичей, занимавших уделы в это время, знаков уже не было¹⁰.

⁸ С. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 180.

⁹ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 5, 11.

¹⁰ Пользуемся случаем, чтобы исправить досадную оговорку в статье «Княжеские знаки суздальских Рюриковичей» (КСИИМК, вып. 62): на стр. 7 сын Шимона Георгий назван сыном Всеволода.

В. В. КРОПОТКИН

О ПРОИЗВОДСТВЕ СТЕКЛА И СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И НА РУСИ

Новые археологические исследования средневековых городов Восточной Европы позволяют более детально изучить возникновение и развитие различных ремесел, конкретнее представить сложный и длительный процесс отделения ремесла от земледелия.

Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют, что тесные экономические связи древнерусских городов с византийскими городами Северного Причерноморья устанавливаются не раньше X в. н. э. Ускоренное развитие русских городов в X—XII вв. как центров ремесла и торговли было бы трудно объяснить, исходя только из внутренних социально-экономических предпосылок и не учитывая культурные связи древней Руси с Византией, странами Западной Европы, Хозарским каганатом и Средней Азией. Экономические и культурные связи древней Руси имели большое значение в развитии русского ремесла, архитектуры, строительного дела и искусства.

Накопленные за последние годы археологические материалы позволяют уточнить некоторые вопросы о производстве стекла в городах Восточной Европы, в частности — о времени распространения и характере производства стеклянных браслетов¹.

Стеклянные браслеты были излюбленным украшением средневековых горожанок в Закавказье, городах Северного Причерноморья и на Руси. По-видимому, в Таврику и на Северный Кавказ до X в., когда там появилось местное стеклоделательное производство, стеклянные браслеты завозились из византийских городов Малой Азии или Сирии; как известно, производство стекла в Римской империи в первые века нашей эры достигло высокого технического уровня.

Среди восточноевропейских находок известны прекрасные стеклянные кубки, которые изготовлялись в средиземноморских и рейнских мастерских².

¹ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 21—25.

² H. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien, Bd. I—II, Hamburg, 1951; K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949; его же. Les importations romaines dans les territoires slaves. Wrocław, 1953, табл. VI; В. К. Гончаров. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслав-Хмельницкий. КСИИМК, вып. 4, 1955, стр. 37, 38, рис. 8; Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 303 и рис. 11, 5 и 16; его же. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 68, рис. 20—1; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 167; В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 21, рис. 36; Max Ebert. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dniepr. Gouv. Cherson. Prähistorische Zeitschrift, V, № 1—2, 1913, стр. 86, рис. 96, и; М. А. Артамонов. Некоторые

Вопрос о производстве стекла в городах Северного Причерноморья в античное время еще не разработан, так как до сих пор не обнаружены печи для варки стекла и эмали и стеклоделательные мастерские, хотя гончарные печи открыты во многих античных городах (Фанагория, Паитикапей, Херсонес, Ольвия)³.

В инвентаре средневековых могильников V—IX вв. н. э. в Крыму и на Северном Кавказе стеклянные изделия встречаются сравнительно редко. Стаканчики, рюмки, косметические сосуды и другие изделия, изготовленные из прозрачного белого или зеленоватого стекла, найдены в Агойском⁴ и Михайловском⁵ могильниках на Кавказе, в могильнике Суук-Су⁶ на южном берегу Таврики, в погребениях Эски-Кермена⁷ и Чуфут-Кале⁸ в Крымском нагорье и в средневековых могилах на горе Митридата в Керчи⁹. По-видимому, эти немногочисленные стеклянные сосуды грубой работы, как и стеклянные бусы, привозились в Таврику и другие области Северного Причерноморья из византийских городов Малой Азии или из Константинополя, так как ремесло Херсона и Боспора (Корчев—Керчь) в VII—VIII вв. н. э. находилось в глубоком упадке¹⁰.

Очевидно, к византийскому импорту принадлежали и некоторые стеклянные браслеты ранних типов, изредка встречающиеся в Таврике и на Северном Кавказе, например круглые золотистые прозрачные браслеты и плоские овальные без следов спайки, изготовленные из синего прозрачного стекла (Гилячский и Новомихайловский могильники, Херсонес)¹¹.

Рост ремесла и торговли в городах Северного Причерноморья в VIII—X вв. н. э. содействовал развитию местного стеклоделательного производства, в частности и производства стеклянных браслетов.

Археологические исследования средневековых городов в Крыму и на Таманском полуострове показали, что стеклянные браслеты в Причерноморье распространяются около середины X в. Повсеместное бытование этих украшений в X—XIV вв. дает твердое основание полагать, что Фанагория и некоторые средневековые поселения восточной Таврики, где не обнаружено ни одного обломка стеклянных браслетов, прекратили свое

итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 86; М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 94, рис. 35; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 63, рис. 8; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1907, вып. IV, табл. XIX, № 504, а; ДАК, 1897, № 143, лл. 1—25; В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Поднепровья. Киев, 1913, стр. 45; П. С. Молочев. Археологічні дослідження в околицях м. Заатопля на Черкащині року 1926. Коротке звідомлення за 1926 р., стор. 164; М. Рудинський. Кантемирівські могили римської доби. Записки ВУАК, I, 1931, стор. 141; К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра—Днестра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 268, 269.

³ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. Известия ГАИМК, вып. 80, 1934.

⁴ А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа. ИАК, вып. 33, 1909, стр. 91, рис. 19, 2. Погребение 12, обломки бокала из зеленоватого стекла.

⁵ Госуд. Эрмитаж, инв. № 907/1 и 907/3. ДАК, 1906, № 93, л. 46; А. Спицын. Могильник VI—VII вв. в Черноморской области. ИАК, вып. 25, 1907, стр. 189, рис. 6 и 7.

⁶ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ЗООИД, XXVII, 1907, стр. 112, рис. 136 (склеп 131).

⁷ Н. И. Репников. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. Известия ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 168, рис. 36, (склеп 65).

⁸ Раскопки В. В. Кропоткина в 1954—1955 гг. (склепы 37, 38 и подобная могила 42). Отчеты — в Архиве ИИМК, ф. 1, д. № 1030, 1184. Материалы хранятся в Бахчисарайском историко-археологическом музее.

⁹ Раскопки В. Д. Блаватского. Материал в ГМИИ (не опубликован).

¹⁰ Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса. МИА, № 34, 1953, стр. 25. Херсонес Таврический, назывался с III в. н. э. Херсоном. В этом смысле мы и употребляем это название.

¹¹ ИАК, вып. 42, 1911, стр. 15.

существование до середины X в. А. Л. Якобсон высказывает предположение, что средневековая Фанагория, поселение на месте античной Тиритакки и средневековое поселение на плато Тепсень у с. Планерского перестали существовать в конце IX—начале X в. в результате вторжения печенегов в Крым и на Таманский полуостров¹². Однако исследователь не приводит никаких доказательств в пользу своей гипотезы и, к сожалению, игнорирует прямые свидетельства византийских авторов о политической обстановке в районе Керченского пролива и восточной Таврике в IX—X вв.¹³ Археологические данные также не позволяют относить гибель указанных городов и поселений к рубежу IX—X вв., как это произвольно полагает А. Л. Якобсон.

Для уточнения этого важного вопроса интересно сопоставить материалы из культурных слоев Фанагории и Тмутаракани, расположенных на берегу Таманского залива недалеко друг от друга. Верхний культурный слой Фанагории содержит остатки каменных фундаментов небольших жилых и хозяйственных построек. Стены сооружений были выведены из сырца: перекрытия делались, очевидно, из дерева. Все фундаменты выложены характерной для средневековых памятников Северо-Восточного Причерноморья и Подонья кладкой «в елочку».

В жилищах обнаружены круглые каменные жернова и другие орудия сельскохозяйственного производства, в частности железный сошник. Некоторые постройки были покрыты черепицей. При раскопках И. Е. Забелина в 1872 г. на верхнем плато городища найдено 7 обломков от больших черепиц с греческим клеймом: ΘΕΟΔΩΡΑΚΗΝ¹⁴. Обломки с аналогичным клеймом найдены в Фанагории в 1940 г. при раскопках В. Д. Блаватского в западной части городища (город А)¹⁵, на поселении у с. Планерского на плато Тепсень¹⁶, при раскопках могильника в Алуште¹⁷ около старого маяка в 1950—1951 гг.

Кувшины тмутараканского типа, с высоким горлом и плоской ручкой (или двумя ручками) в Фанагории встречаются редко, причем только ранние разновидности этих сосудов — с более раздутым туловом и более коротким горлом. Амфоры XI—XII вв., характерные для верхнего слоя Тмутаракани, в раскопках Фанагории найдены в единичных экземплярах. На западном раскопе в 1940 г. (город А) обнаружено горло подобной амфоры с высоко поднятыми ручками. Амфоры с массивными плоскими ручками и «отложным воротничком» на горле в Фанагории не встречены. В культурном слое города отсутствуют шиферные пряслица, стеклянные браслеты и обломки поливной посуды XI—XIV вв.

В 1954 г. на северном береговом раскопе исследован интересный хозяйственный комплекс, состоящий из каменной ступки и 3 пифосов различной величины. Один из них был накрыт небольшим круглым жерновом, второй — плоским камнем. Внутри одного из пифосов найдены обломки светлоголиняного византийского поливного сосуда желтого цвета, без орна-

¹² А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики. СА, XXI, 1954, стр. 159.

¹³ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы в X веке. Исторические записки, т. 6, 1940, стр. 86, 87. В своей работе «Средневековый Херсонес» (МИА, № 17, 1950) А. Л. Якобсон рисует совершенно иную картину политических и экономических отношений в Таврике в IX—X вв., чем в своей последующей статье «Византия в истории раннесредневековой Таврики», опубликованной в 1954 г. (СА, XXI).

¹⁴ ДАК, 1872, № 15, л. 6; К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 78.

¹⁵ В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1940 г. ВДИ, 1941, № 1, стр. 220.

¹⁶ В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ села Планерское. (Раскопки 1949—1951 гг.). КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 112, рис. 38—3.

¹⁷ Сообщение Ю. В. Кухаренко. Материал не опубликован.

мента. В хорошо датированных комплексах в Херсоне аналогичная поливная посуда относится к IX—X вв.¹⁸ Около пифосов встречены фрагменты красноглиняной амфоры VIII—X вв. и дно сероглиняного лощеного сосуда салтовского типа. По-видимому, Фанагория была оставлена жителями в середине X в. в результате военных действий. Обитатели Фанагории покинули город очень поспешно; многие вещи брошены и остались лежать в жилищах и хозяйственных помещениях.

Таким образом, массовый археологический материал свидетельствует о том, что в середине X в. Фанагория уже прекратила свое существование как поселение городского типа. Город был заброшен, и на его территории в позднейшее время существовал, очевидно, небольшой земледельческий или рыбацкий поселок. На поверхности Фанагорийского городища находят медные монеты татарского времени и обломки поливной посуды XV—XVIII вв.

Письменные источники сохранили известия о том, что в Тмутаракани около середины X в. появилась русский князь и в Приазовье возникло русское Тмутараканское княжество¹⁹. Культурные слои Тмутаракани второй половины X в. и последующих веков содержат многочисленные обломки стеклянных браслетов. Эти слои датированы византийскими и херсоно-византийскими медными монетами. Среди последних, найденных при раскопках в 1952—1955 гг., преобладают монеты византийского императора Романа II (959—963 гг.)²⁰.

Стеклянные браслеты различной формы и расцветки обнаружены также в Херсоне²¹, Мангупе²², Партенитах²³, Гурауфе²⁴, Алуште²⁵, Инкермане²⁶, Сугдее²⁷, Планерском, Корчеве²⁸, Белой Веже²⁹, на поселениях Тамани, Прикубанья и Дагестана. Наряду с круглыми — гладкими и витыми — браслетами в причерноморских городах встречаются овальные, уплощенные с орнаментом на внешней стороне или без него. Наиболее распространены в Причерноморье браслеты из синего прозрачного стекла, но бывает и иная расцветка: черные, фиолетовые, желтые, зеленые, красные и разноцветные, изготовленные из стекла и пасты в различных сочетаниях.

До последнего времени датировка стеклянных браслетов в Причерноморье не была разработана; поэтому появление их в Крыму и на Северном Кавказе относили то к IX, то к X или даже XI в. Так, например, синие и черные стеклянные браслеты из Агач-Калинского могильника К. Ф. Смирнов считал позднейшими находками и относил к IX—X вв. и. в.³⁰ Синие и фиолетовые браслеты из Судака, найденные в плитовых

могилах на горе Болван, датированы X в.³¹, а синие уплощенные, обнаруженные в плитовых могилах в Мангупе, М. А. Тиханова относил к IX—X вв.³²

Археологические исследования, проведенные советскими археологами в Фанагории и Тмутаракани, позволяют, как мы указывали выше, считать, что стеклянные браслеты в городах Северного Причерноморья широко распространяются только с середины X в. и. в.

Перечислю основные находки стеклянных браслетов в средневековых могильниках Северного Кавказа и Крыма.

Кроме могильника в Агач-Кале, стеклянные браслеты найдены в погребении у с. Ладза³³, в Змейском, Акушинском³⁴ и Кудинском³⁵ могильниках, в погребениях у сел. Дергавс³⁶, в Гилячском³⁷ и Новомихайлов-

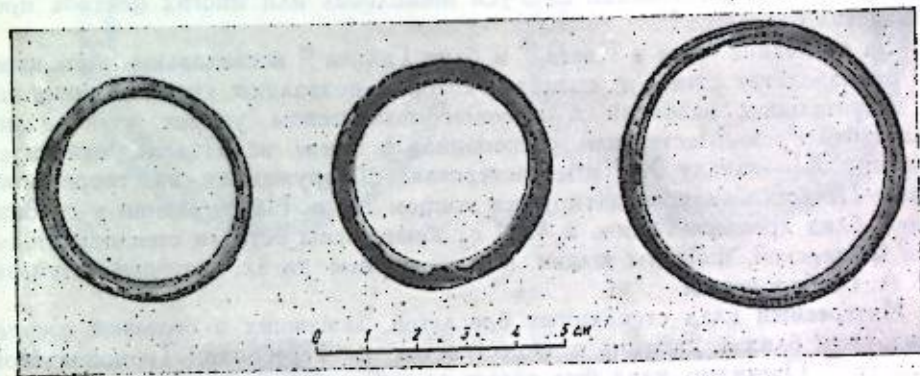

Рис. 11. Стеклянные браслеты из Тмутаракани и Керчи.

Два — из погребений в Тмутаракани (западный некрополь); третий (правый) — из разрушенного погребения в Керчи.

ском³⁸ могильниках. Два синих плоско-овальных стеклянных браслета встречены в 1955 г. в разрушенном детском погребении на западном некрополе Тмутаракани (рис. 11—1, 2)³⁹. Синий ребристый прозрачный стеклянный браслет обнаружен в разрушенном погребении во время строительных работ в Керчи на б. Предтеченской площади⁴⁰ (рис. 11—3). Темно-фиолетовые и синие стеклянные браслеты часто встречаются в плитовых могилах в Судаке (средневековой Сугдее)⁴¹. Синие прозрачные плоские браслеты найдены в плитовых могилах около базилики в Мангупе, а также в одном из склепов (разведки Е. В. Веймарна в 1938 г.)⁴².

³¹ Л. Н. Новикова. Указ. соч., стр. 136, 137.

³² М. А. Тиханова. Мангуп. Базилика, стр. 374, 375, прим. 1.

³³ МАК, т. VIII, М., 1900, стр. 164.

³⁴ В. И. Маркович и А. М. Твердохлебов. Акушинский могильник. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 152, 153.

³⁵ Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане в 1947 и 1950 гг. Сборник МАЭ, т. XIV, 1953, стр. 257, рис. 2.

³⁶ МАК, т. VIII, стр. 105, табл. LII, 5.

³⁷ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 279 (могилы 3, 12), рис. 22, 5 и 6.

³⁸ А. Спицын. Могильник VI—VII вв. в Черноморской области. ИАК, вып. 25, 1907, стр. 189, рис. 9.

³⁹ Раскопки Н. П. Сорокиной. ГИМ, инв. № 86964. Диаметр браслетов — 4,5 и 4,3 см.

⁴⁰ ГИМ, инв. № 49471, № 180. Диаметр браслета — 5,6 см, ширина — 0,8 см.

⁴¹ Л. Н. Новикова. Указ. соч., стр. 136, 137. Сборы В. И. Мошинской и В. Н. Чернецова в 1954—1955 гг. Браслеты из раскопок 1928 г. поступили в ГИМ, инв. № 79191.

⁴² М. А. Тиханова. Мангуп. Базилика, стр. 374, 375, рис. 45; Е. В. Веймарн. Разведки оборонительных стен и некрополя. МИА, № 34, 1953, стр. 424, рис. 4, 3 (склеп 2).

¹⁸ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 14.

¹⁹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 90, 91.

²⁰ Раскопки Б. А. Рыбакова. Материалы хранятся в ИИМК. См. отчет о раскопках — Архив ИИМК, ф. 1, д. № 918, 1051.

²¹ ГИМ, III отдел (без инв. номера).

²² М. А. Тиханова. Мангуп. Базилика. МИА, № 34, 1953, стр. 374, 375, рис. 45.

²³ Н. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, 1909, стр. 116.

²⁴ А. Бобринский. Несколько слов о местности, прилегающей к развалинам замка в Гурауфе. ИТУАК, № 21, 1894, стр. 56—58.

²⁵ Раскопки Н. В. Пятшевой и Ю. В. Кухаренко в 1950—1951 гг. Архив ИИМК, № 557.

²⁶ В. Н. Юревич. Новейшие археологические открытия в Крыму. ЗООИД, т. IX, 1879, стр. 409.

²⁷ Л. Н. Новикова. Могильник на горе Болван в Судаке. Изв. Тавр. о-ва истории, археологии и этнографии, т. III (60), 1929, стр. 136, 137.

²⁸ В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 74, № 180.

²⁹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Известия ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 17, рис. 7; его же. Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 66 и сл.

³⁰ К. Ф. Смирнов. Агач-Калинский могильник — памятник хозарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 114 и сл.

Фрагмент разноцветного стеклянного браслета обнаружен в верхнем намывном слое в могильнике в Чуфут-Кале близ Успенского монастыря⁴³. Обломки синих стеклянных браслетов встречались при раскопках средневековой базилики VIII в. в Партенитах⁴⁴.

Приведенные факты о распространении стеклянных браслетов в Причерноморье и на Северном Кавказе свидетельствуют, что браслеты носили не только горожанки, но и крестьянки (браслеты из могильников Северного Кавказа).

Как уже отмечал А. В. Арциховский⁴⁵, стеклянные браслеты встречаются не только в городах и городских могильниках древней Руси, но и в деревенских курганах, в особенности в пригородных районах. В статье, посвященной древнерусским стеклянным браслетам, было высказано предположение о существовании на Руси нескольких или многих центров производства браслетов⁴⁶.

За последние годы в Киеве⁴⁷ и близ Галича⁴⁸ исследованы мастерские по производству стекла и смальты, которые позволяют уверенно говорить о значительном развитии и высоком техническом уровне стеклоделия в древней Руси. Мастерская, раскопанная в Киеве на Подоле, относится к концу XI—началу XII в.; мастерская, обнаруженная на территории Киево-Печерской лавры, датируется концом XI в. На поселении у с. Викторов близ древнего Галича в 1951 г. обнаружены остатки стеклоделательной мастерской, найдены шлаки и огнеупорные тигли, которые изучены М. А. Безбородовым.

Интересный клад стеклянных браслетов, лежавших в большом сосуде, обнаружен близ с. Зеленча в окрестностях г. Теревовля, Тернопольской области⁴⁹. Очевидно, клад был зарыт ремесленником-стеклоделом или торговцем стеклянными браслетами.

Следы производства стеклянных браслетов известны также в Колодыжине⁵⁰, Старой Рязани⁵¹ и Костроме⁵². При раскопках Старой Рязани в одном из жилищ обнаружен производственный брак — сильно деформированный витой браслет.

В Смоленске среди обычных оказались редкие на Руси браслеты из красного стекла, которые, надо думать, изготовлялись в самом Смоленске⁵³.

Важные наблюдения о времени появления и бытования стеклянных браслетов в Новгороде сделаны при раскопках на Неревском раскопе в 1951—1955 гг.⁵⁴ В точно датированных слоях X в. найдены обломки стеклянных браслетов причерноморского типа, которые привозились в Новгород из византийских городов Северного Причерноморья.

⁴³ Раскопки В. В. Кропоткина в 1952 г. Обломок браслета поступил в Бахчисарайский историко-археологический музей.

⁴⁴ Н. Репников. Партенитская базилика, стр. 116.

⁴⁵ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 18, 19.

⁴⁶ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 23.

⁴⁷ В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. КСИА, вып. 3, Киев, 1954, стр. 14—20.

⁴⁸ В. И. Довженко. Селища и городища в окрестностях древнего Галича. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 12, 13.

⁴⁹ О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957, стор. 64.

⁵⁰ В. К. Гончаров. Работы Волынской экспедиции 1948 г. Археологические памятники УРСР, II, Київ, 1952, стор. 180.

⁵¹ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 131, рис. 94.

⁵² М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 106.

⁵³ Сообщение Д. А. Адусина. Материалы хранятся в Смоленском музее. При раскопках Соколова в Гнездове в кургане № 63 найден синий витой стеклянный браслет. Указатель ГИМ за 1893 г.

⁵⁴ Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, стр. 120—123, рис. 50.

Привозные браслеты византийского производства известны также в Киеве, Белгородке, Белой Веже, Смоленске и в одном из курганов мерянской земли у дер. Шокшова, б. Суздальского уезда, Владимирской губернии⁵⁵. При раскопках А. С. Уварова в 1852 г. у дер. Шокшова в кургане № 94 найдено женское погребение, в инвентаре которого оказался широкий пластинчатый ребристый браслет из черного непрозрачного стекла

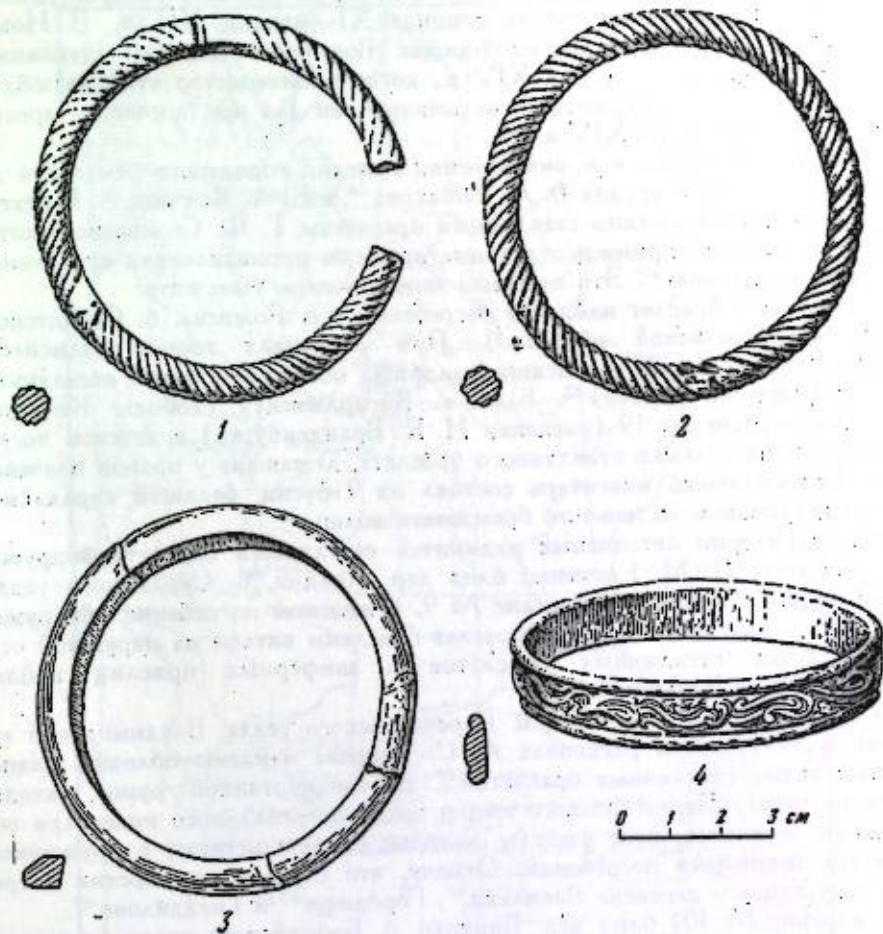

Рис. 12. Стеклянные браслеты из курганов.

1—3 — из кургана у дер. Вирново, б. Вобруйского уезда; 4 — из кургана у дер. Шокшова, б. Суздальского уезда.

(рис. 12—4). На внешней стороне его золотистой, голубой и красной эмалью нанесен растительный орнамент. Диаметр браслета — 7,5 см, ширина — 1,2 см; ширина центральной полосы, где находится орнамент, — 0,7 см. Внутренняя сторона браслета плоская, наружная — выпуклая. Место соединения концов не заметно, но в двух местах браслет несколько расширен⁵⁶. В погребении найдены ожерелье из сердоликовых бус, подвеска (амулет из зуба) и серебряная привеска. Около черепа обнаружены 2 больших кольца из серебряной проволоки, у пояса — 2 серебряные при-

⁵⁵ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды I АС, т. II, М., 1871, стр. 778 и 813, № 459. Браслет находится в собрании ГИМ, инв. № 54746; А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 149, рис. 274.
⁵⁶ ГИМ, инв. № 54746. Орнамент на браслете сохранился плохо.

вески в виде бубенчиков (?), у левой ноги — железный нож. Стекланный браслет был надет на левую руку погребенной женщины.

В конце XI в. в Новгороде появились браслеты круглые и витые различных цветов, характерные для русских городов XI—XIII вв. Есть основания считать, что в Новгороде возникло местное производство таких браслетов, как и в других городах древней Руси. Новгородские горожанки начали носить стекланные браслеты еще в X в., но широкое распространение эти украшения получили только с конца XI—начала XII в. В Новгороде, как и в некоторых других городах Восточной Европы, стекланные браслеты бытовали до начала XIV в., когда производство этих излюбленных прежде женских украшений, по непонятным для нас причинам, прекратилось (20—30-е годы XIV в.)⁵⁷.

Интересный вопрос о проникновении изделий городского ремесла в деревню разработан в трудах Б. А. Рыбакова⁵⁸ и Б. А. Колчина⁵⁹. В статье, посвященной древнерусским стекланным браслетам, Г. Ф. Соловьева и автор настоящей заметки привели отдельные примеры проникновения стекланных браслетов в деревню⁶⁰. Эти примеры можно теперь умножить.

Стекланный браслет найден в погребении у с. Рожиска, б. Скалатского уезда, Тернопольской области⁶¹. При раскопках города Плиснеска в одном из погребений городского кладбища обнаружен витой стекланный браслет (цвет не указан)⁶². Близ с. Кагарлыкская слобода, Киевской области в кургане № 19 (раскопки Н. Е. Бранденбурга) в детском погребении найдены обломки стеклнного браслета, лежавшие у правой плечевой кости. Погребальный инвентарь состоял из 9 бусин, большой коралловой привески, гривны и маленького бронзового кольца⁶³.

На территории летописных радимичей стекланный браслет обнаружен при раскопках П. М. Еременко близ дер. Ляличи, б. Суражского уезда, Черниговской губернии. В кургане № 9, в женском погребении обнаружен темно-синий круглый в сечении браслет с мелким витьем на наружной стороне⁶⁴. Клад стекланных браслетов и шиферных пряслиц найден у с. Збранка на Волыни⁶⁵.

В кургане у дер. Васильки, б. Переяславского уезда, Владимирской губернии в 1851 г. при раскопках А. С. Уварова найдены обломки разноцветных витых стекланных браслетов⁶⁶. В этой курганной группе, находящейся на берегу Переяславского озера, среди погребального инвентаря обнаружены черепаховидные фибулы, которые свидетельствуют о дружинном характере некоторых погребений. Отмечу, что стекланные перстни встречены в курганах у деревень Васильки⁶⁷, Городище⁶⁸ и Гнездилово⁶⁹.

В кургане № 104 близ дер. Вирково, б. Бобрыйского уезда (раскопки В. З. Завитневича в 1892 г.) найдены 4 браслета, из которых в собрании ГИМ сохранились три: синий витой, диаметр — 7,5 см (разбит на 3 части),

синий прозрачный, в сечении трехгранный, диаметр — 8 см (разбит на 3 части), черный витой, непрозрачный, место спайки расширено, диаметр — около 7 см (рис. 12—1—3)⁷⁰.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что в городских могильниках стекланные браслеты встречаются в большем количестве, чем в курганых деревенских погребениях (см. рис. 13).

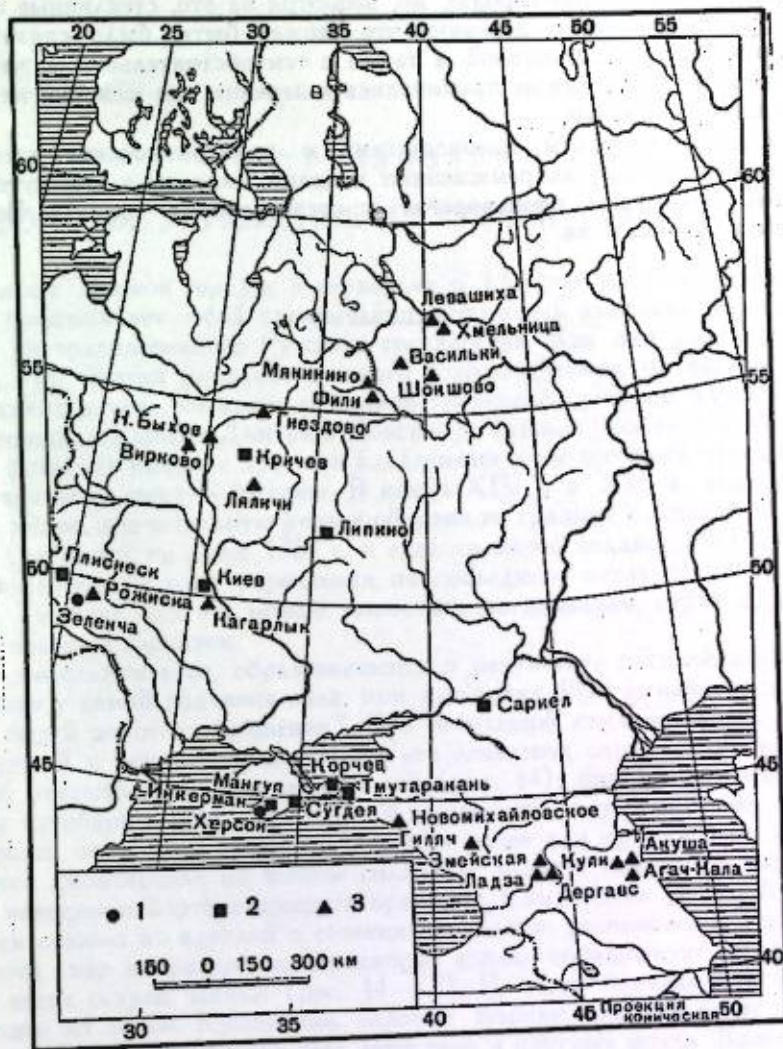

Рис. 13. Карта распространения находок стекланных браслетов в курганах и городских погребениях Восточной Европы VI—XIV вв.
1 — клад; 2 — находки в городских погребениях; 3 — находки в курганах и могильниках.

Дальнейшее изучение стекланных браслетов в городах Северного Причерноморья и древней Руси, картографирование различных типов браслетов, изучение химического состава стекла, статистическая обработка в увязке со стратиграфией и типологией браслетов позволят со временем конкретизировать наши знания о производстве, распространении и датировке стекланных браслетов в Причерноморье и городах древней Руси.

⁷⁰ ГИМ, инв. № 35127. ДАК, 1892, № 69, л. 21; А. В. Успенская. Курганы южной Белоруссии X—XIII веков. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 118.

⁵⁷ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 123.

⁵⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 434 и сл.

⁵⁹ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 203 и сл.

⁶⁰ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 21, рис. 1.

⁶¹ Записки Научного товариства ім. Шевченка, т. CLII, вып. 2, Львов, 1933, стр. 128, № 194.

⁶² І. Д. Старчук. Розкопки городища Плиснеська в 1947—1948 рр. Археологічні пам'ятки УРСР, III, Київ, 1952, стор. 390, 391, табл. II, 13.

⁶³ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 15.

⁶⁴ ДАК, 1894, № 103; П. М. Еременко и А. А. Сплицын. Радимичские курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, новая серия, 1896, стр. 102.

⁶⁵ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 469.

⁶⁶ А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 118, № 460.

⁶⁷ Там же, № 461.

⁶⁸ Там же, № 462.

⁶⁹ Там же, стр. 785, № 888.

Раздробленный, замкнутый, мелкотоварный характер производства в феодальных городах, когда городские ремесленники снабжали своими изделиями только ближайшую городскую округу, конечно, совершенно несовместим с представлениями о широком сбыте изделий городского ремесла в X—XIII вв.

Производство стеклянных браслетов в древней Руси, очевидно, существовало во всех крупных городах, но, несмотря на это, стеклянные браслеты почти не проникали в деревню, что, может быть, было связано с их непрочностью и дороговизной, а также с тем обстоятельством, что городские моды и украшения не прививались в деревне, где женский наряд был очень консервативным.

Локальные варианты древнерусских и причерноморских стеклянных браслетов, как и других ремесленных изделий, связаны с замкнутым, феодальным характером производства в средневековых городах Восточной Европы в X—XIV вв.⁷¹

⁷¹ В дополнение к перечисленным в статье находкам стеклянных изделий можно указать еще следующие: в Крыму в раскопках П. В. Бабенчикова в 1947 г. (склеп № 8) и Е. В. Веймарна в 1948 г. (склеп № 12) найдены обломки стеклянных сосудов; в 1948 г. в раскопках В. Д. Блаватского в Керчи на Эспланадном раскопе в слое III—IV вв. н. э. найден обломок стеклянного полуовального кубка с зашлифованными кругами [Фонды ГМИИИ, инв. № 601]; стеклянный кубок был найден также в Молдавии (см. Г. Б. Федоров. Итоги полевых работ советских археологов в 1955 г. ВАН СССР, № 7, 1956, стр. 37; его же. Древние славяне и их соседи в Молдавии. Уч. Зап. Ин-та истории языка и литературы Молдавского ФАН СССР, т. VI, 1957, Кишинев, стр. 241). В 1954 г. в с. Кули (Дагестан), по сообщению Р. М. Мунчаева, найден черный плоско-овальный стеклянный браслет с орнаментом из бело-розовых узоров на внешней стороне. Диаметр браслета 9,3 см, ширина 1 см.

М. Г. РАБИНОВИЧ

ЗОЛОТОЕ УКРАШЕНИЕ ИЗ ТУШКОВА ГОРОДКА

Городище Тушков городок в верховьях р. Москвы, на 25 км выше Можайска, представляет собой чрезвычайно интересный памятник эпохи образования централизованного Русского государства. Как нам уже случалось писать¹, это остатки довольно важного города-крепости на западном рубеже русских земель, бывшего и административным центром одной из волостей, принадлежавших Дмитрию Донскому. Тушков упомянут в духовной грамоте Дмитрия вместе с другими владениями и имуществом, завещанным князем третьему сыну — Андрею. В конце XIV и в XV в. городок играл, как видно, значительную роль в обороне на границе с Литвой. В конце XIV в. (вероятно, не ранее 1387 г. и едва ли много позднее 1395 г.) здесь были возведены мощные укрепления по последнему слову тогдашней техники. В Тушкове, как это можно заключить по находкам, стоял до начала XVI в. военный гарнизон.

В строительном слое, образовавшемся в результате постройки укреплений, почти у самой подошвы вала, при раскопках 1954 г. найдено в числе других вещей золотое украшение². Это небольшой стилизованный цветок, выполненный в технике скани. Шесть его лепестков симметрично расположены по отношению к вертикальной оси (рис. 14); они изящно изогнуты, и между изгибами в центре цветка, и в верхней его части помещены 4 круглые оправы, возможно, предназначавшиеся ранее для драгоценных камней.

Цветок смонтирован на тонкой сплошной золотой пластинке, над которой на невысоком бортике помещен орнамент. Сам бортик (высотой 4 мм) выполнен сканью из круглой в сечении проволоки, расположенной так, что получается узор из фигур, напоминающих каплю, обращенную попеременно вниз и вверх острой частью (рис. 14—2). По краю бортика идет сплошной ободок из зерни. Крошечные золотые шарики диаметром от 0,2 до 0,4 мм напаяны по периметру всех лепестков и круглых оправ. Каждый лепесток в наиболее широкой части достигает 4,5 мм. Центральная круглая оправа — диаметром 5 мм, остальные три — по 3,5—4 мм.

Оправы в настоящее время ничем не заполнены; внутри них видна золотая пластинка — основа. Но лепестки цветка на уровне бортика прикрыты узором, выполненным в технике ложной скани; на всех шести он однотипен, хотя в деталях узора лепестки различаются между собой. Это — несколько стилизованное изображение прожилок листка с центральной, более толстой линией и отходящими от нее симметрично в обе стороны тонкими завитками.

¹ «Очерки истории СССР». (Конец XV—начало XVII в.). М., 1955, стр. 81.
² Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность Б. А. Рыбакову, А. П. Смирнову, В. П. Левашовой, Н. Р. Левинсону, М. М. Постниковой-Лосевой и Т. Г. Гольдбергу, оказавшим большую помощь в определении находки. Украшение хранится в Музее истории и реконструкции г. Москвы.

Таким образом, орнамент из ложной скани покрывает всю поверхность цветка на расстоянии примерно 4 мм от основной пластинки. Над ним вышатаются только шарики зерни, окаймляющие борт украшения. Вещь была задумана как ажурное, пронизанное светом украшение. Оно должно было прикрепляться (вернее всего, — пришиваться ниткой, судя по двум отверстиям в основной пластине; диаметром они — не более 0,4 мм каждое)

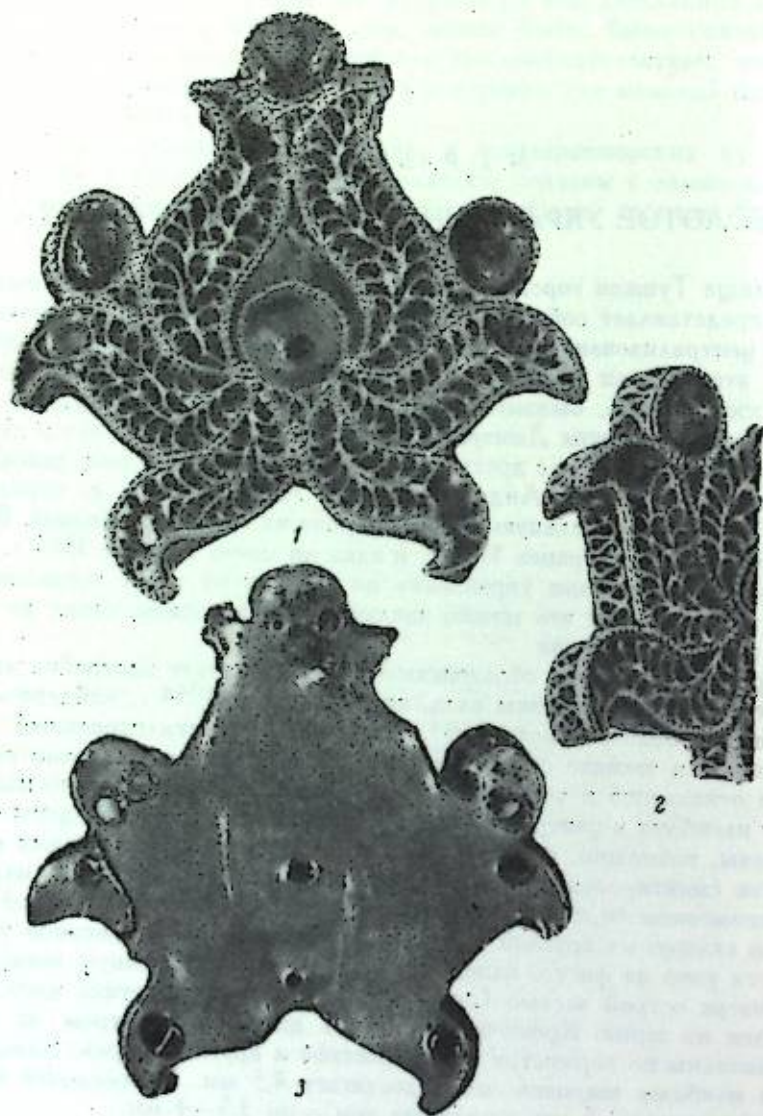

Рис. 14. Украшение из Тушкова городка.

1 — вид спереди; 2 — вид сбоку (деталь); 3 — оборотная сторона.
(Увеличено в 2,6 раза).

к какой-то поверхности, например, к передней части шапки, к вороту одежды или к какой-либо перевязи из материи. Но до тех пор как украшение попало в культурный слой, оно пережило много превратностей, оставивших заметные следы. Украшение было спорото с первоначального места и прибито двенадцатью довольно толстыми (толщиной до 1—1,5 мм) гвоздями к твердой (вероятно, деревянной) поверхности. Если

в оправках были драгоценные камни, они при этом были вынуты, и в каждую оправку забито по гвоздю или по два. Но этого показалось мало и в концы 5 лепестков из шести также вогнали по гвоздю, причем испорчена скань, составлявшая ажурную поверхность (см. рис. 14 — 3). Возможно, что тогда же сплющены и края некоторых лепестков.

К какому предмету было прибито украшение, когда и при каких обстоятельствах снято, — мы не знаем. Но в культурный слой Тушкова городка оно попало уже без фона. Возле украшения не найдено ни остатков дерева или кожи, ни гвоздей. Горизонт, в котором обнаружена эта интересная находка, датируется концом XIV в. Это украшение могло попасть туда, по всей вероятности, во время сооружения вала, т. е. в конце княжения Дмитрия Донского или в начале княжения его сына — Василия Дмитриевича.

Вещи, похожие на описанное выше украшение не по форме, но по технике выделки (т. е. ажурные, украшенные сканью и зернью), встречаются среди изделий ремесленников Средней Азии и Причерноморья XIII—XV вв. В коллекциях Государственного Исторического музея³ хранится золотая цепочка, составленная из миниатюрных медаллонов и колец, по технике выполнения весьма близких украшению из Тушкова городка. Она происходит из Закаспийской области и датируется XIV—XV вв.⁴

В той же витрине музея помещена круглая золотая бляха, по размеру и форме несколько напоминающая публикуемое украшение и тоже сканая. Она найдена в кочевнических курганах у станицы Вороная (раскопки Д. Я. Самоквасова), датируется XIII—XIV вв.⁵ и выставлена как образец продукции крымских мастеров.

Ближе всего описываемой нами находке по размеру, технике выполнения и назначению два ажурных золотых украшения, обнаруженные в 1955 г. при раскопках И. В. Синицына в курганах кочевников у с. Молчановка (Николаевский район Сталинградской области) на левом берегу Волги, в низовьях р. Еруслана (южная группа, курган № 3). По форме эти украшения напоминают пятиконечную звезду в центре, а в каждом из ее лучей помещены круглые оправы. На одной из «звездочек» в оправках сохранились совершенно разложившиеся остатки каких-то белых камней (возможно, небольших жемчужин). Бортик «звездочек» такой же, как и на украшении из Тушкова; поверхность покрыта сканью (но натуральной, не ложной), а край — зернью. На оборотной стороне видны 27 миниатюрных отверстий для пришивания, расположенных большей частью группами, по три на концах «лучей» и в местах их соединений. Одно отверстие — в центре. Возможно, что и на украшении из Тушкова первоначально было больше таких отверстий, на месте которых сейчас дырки от гвоздей.

«Звездочки» обнаружены под челюстью захороненного, в области груди; без сомнения, они были нашиты на одежду или на какое-то украшение из материи, которое носили на шее. Вместе с ними найдены 2 бронзовые фигурки «божков», очевидно, составлявшие единый комплекс. И. В. Синицын датирует курган XIV в.⁵

Ажурные украшения из серебра и золота, нашивавшиеся на материю, были распространены у казанских татар до начала нашего столетия. П. Дульский описывает среди украшений женского наряда богатых татарок пряжки, состоявшие из парных бляшек, нашивавшихся на воротник (джиака), пояс-перевязь, которую носили через плечо и тоже украшали множеством нашитых бляшек (хаситэ), и нагрудное украшение, состоявшее

³ Зал 12, витрина 8.

⁴ Коллекция Щукина, № 180 по описи золота.

⁵ Опись № 666.

⁶ Приношу глубокую благодарность И. В. Синицыну, любезно предоставившему в мое распоряжение неопубликованные материалы своих раскопок.

также из матерчатой основы с нашитыми на нее бляхами (изю)⁷. О золотых и серебряных украшениях, нашитых на женский наряд, исследователь пишет, что «некоторые привозились из Бухары, Кавказа и Константинополя».

По форме украшение из Тушкова городка представляет собой так наз. «арабский цветок», широко распространенный в орнаменте стран Востока, в частности в Средней Азии, с XIII—XIV вв. А. А. Спицын считает, что образцом для такого орнамента служило стилизованное изображение

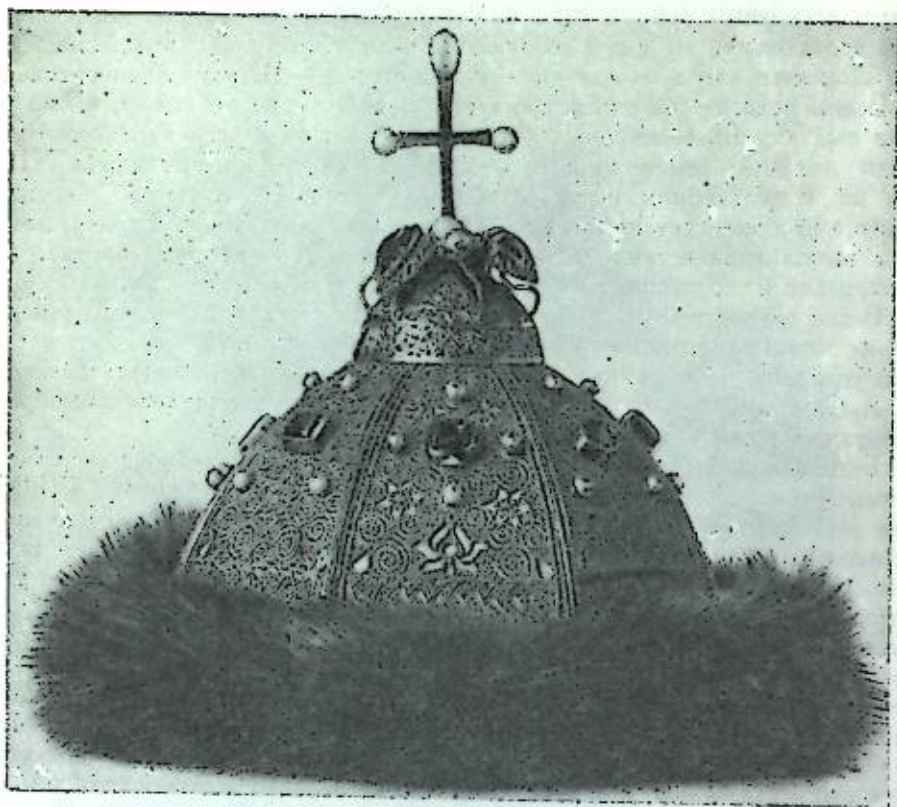

Рис. 15. «Шапка Мономаха».

цветка лотоса, известное в Китае и Индии и в гораздо более ранний период⁸.

Среди известных нам русских древностей ближайшей аналогией украшению из Тушкова городка является такой же цветок на некоторых пластинах «шапки Мономаха» (рис. 15). Он помещен среди сканого узора в центральной части пяти из 8 пластин, причем положение цветка не стабильно: на одних пластинах он находится несколько выше, чем на других. Форма цветка и его размер у обоих украшений одинаковы. Так, ширина цветка из Тушкова, измеренная между концами крайних лепестков, — 28 мм, у двух из цветков на шапке Мономаха — 27 и 28 мм⁹; ширина лепестка —

⁷ П. Дульский. Искусство казанских татар. М., 1925, стр. 14—16, табл. V, VI, VII.

⁸ А. А. Спицын. К вопросу о мономаховой шапке. ЗОРСА, VIII, вып. 1, 1906, стр. 156—157.

⁹ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность заместителю директора Оружейной палаты Н. Н. Захарову, любезно предоставившему возможность обмерить украшения на шапке Мономаха.

4,5 мм, у цветка на шапке Мономаха — такая же; диаметр центрального круга («оправы») — 5 мм, у цветка на шапке Мономаха — 5,5 мм.

Однако в конструкции и технике выполнения есть существенные отличия, обусловленные назначением украшения. Поверхность цветка на шапке Мономаха не покрыта сканью, и бортик не сканный, а сделан из сплошной золотой пластинки высотой 2,5 мм, ибо на шапке Мономаха только край цветка находится на уровне окружающего сканого узора, а вся площадь цветка как бы утоплена в этом узоре. Украшение же из Тушкова должно было быть выпуклым. Поверхность цветка на шапке Мономаха не прикрыта сканью, что вполне понятно, так как тогда цветок терялся бы в общем ковре сканого узора шапки, а задачей мастера было как раз выделить цветок. Из этих же соображений контур лепестков цветка покрыт гораздо более крупной зернью, чем на украшении из Тушкова городка; диаметр шариков зерни достигает здесь 1 мм. Наконец, количество, форма и расположение дополняющих цветок «оправ» (мы их называем так лишь условно, поскольку на шапке Мономаха они не должны были, по замыслу мастера, включать какие-либо камни) иные. Совпадает только центральная круглая оправа; остальных трех на шапке Мономаха вообще нет, но по вертикальной оси цветка, между лепестками сверху и внизу его, помещены также окаймленные зернью фигурки в виде небольших «сердечек».

Мы видим, что отличия между двумя украшениями диктуются в основном разницей в их назначении. Сходство же общей композиции и даже размеров таково, что заставляет поставить вопрос; — не являются ли оба украшения произведениями если не одного мастера, то одной школы мастеров?

Давно уже миновали те времена, когда ученые с полной серьезностью стремились доказать византийское происхождение шапки Мономаха и ее значение как реликвии, утверждающей преемственность власти русских царей от византийских императоров¹⁰. Еще в конце прошлого столетия В. Регель и Г. Д. Филимонов предположили восточное происхождение этой шапки. В начале нашего столетия А. А. Спицын, сопоставив сканный орнамент шапки Мономаха с орнаментом китайской «пайцзе» — шитка в виде стилизованной головы тигра (найдена в Бухаре, в Шахризьбском бекстве в 1902 г.), убедительно доказал, что шапка Мономаха является, по всей вероятности, подражанием китайской работе и сделана бухарским мастером в XIV в.¹¹

На среднеазиатское происхождение указывает, помимо орнамента, и сама форма. Шапка, если отбросить позднее приделанные соболью опушку и навершие с крестом, представляет собой не что иное, как золотую тибетейку.

Большинство исследователей соглашается с мыслью, высказанной впервые К. В. Базилевичем, что в Москву шапка Мономаха попала в качестве подарка татарского хана (всего вероятнее, — хана Узбека Ивану Калите)¹². В духовной грамоте Ивана Калиты она и упоминается впервые, причем до конца XV в. никто не связывал эту шапку с именем Владимира Мономаха.

Большое сходство украшения, найденного в Тушковом городке в слое конца XIV в., с некоторыми деталями шапки Мономаха позволяет предположить одно и то же время и место производства, а вернее всего, — и одну школу мастеров. Не было ли в числе ханских подарков и другого украшения, выполненного теми же мастерами и для того же заказчика, что и золотая шапка? На эту мысль наводит необычайное совпадение формы и размера цветка.

¹⁰ Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 75.

¹¹ А. А. Спицын. Бухарский клад и Мономахова шапка. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 73—81.

¹² К. В. Базилевич. Имущество московских князей в XIV—XVI вв. Труды ГИМ, вып. III, 1926, стр. 19—21.

Как говорилось выше, Тушков был в числе других волостей завещан Дмитрием Донским третьему сыну — Андрею. Из фамильных драгоценностей этому князю достались «снасть золота» и «пояс золот. старый новгородский»¹³.

Обычное толкование слова «снасть» как «доспех», «вооружение»¹⁴ в данном случае неприменимо, так как мы не знаем в числе имущества московских князей золотого доспеха. Но И. И. Срезневский, переводя в данном случае «снасть» как «доспех», дает и еще несколько значений слова «снасть», встречающихся в древнерусских письменных памятниках¹⁵. Толкование слова «снасть» как «орудие», «снаряд» также трудно принять для данного документа, ибо мало вероятно, чтобы князь получил в наследство какой-либо золотой инструмент. Гораздо правдоподобнее, что в духовной грамоте Дмитрия Донского слово «снасть» употребляется либо в значении «обивка», как, например, в описях имущества Бориса Годунова в 1589 г., либо в значении «конский убор», «сбруя», как употребляет его Афанасий Никитин, либо, наконец, в значении украшения вообще, как это делалось иногда в образных выражениях.

Может быть, описанное выше украшение было в числе «золотой снасти»? Оно могло быть и в составе обивки какого-либо драгоценного предмета (вспомним пробитые гвоздями отверстия). Могло оно быть и в составе богатого конского убора (например, оголовья)¹⁶, хотя последнее менее вероятно, так как в XIV в. на Руси еще не было такого пышного придворного «чина», как в XVI—XVII вв., когда в торжественных случаях выводили множество лошадей в драгоценной сбруе.

Во всяком случае, судя по выделке, украшение из Тушкова городка могло принадлежать к фамильным драгоценностям московских князей.

¹³ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв.», М., 1950, № 12, стр. 36.

¹⁴ Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стр. 331.

¹⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, б. г., стр. 452, 453.

¹⁶ См. М. М. Денисова. «Конюшенная казна». Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, стр. 288, 289, рис. 29, 30.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Б. ФЕДОРОВ

ЛУКАШЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Наиболее поздние памятники скифского времени на территории Днестровско-Прутского междуречья относятся к III в. до н. э. Памятники последних веков до нашей эры на этой территории стали известны лишь недавно — это Лукашевский могильник и селище Лукашевка 2. Лукашевский могильник находится под жилым слоем молдавского средневекового селища XVI—XVII вв., славянского городища IX—XI вв. и селища эпохи «полей погребений» II—IV вв., открытых нами еще в 1950 г. Во время раскопок могильника в 1953—1954 гг. вскрыто 20 погребений (рис. 16; в 1953 г. — десять и в 1954 г. — десять).

Могильник находится в лесостепной части Молдавии, в Кодрах, на расстоянии 80 м к югу от шоссе Оргеев—Кирка, в 2 км восточнее с. Манна на земле Лукашевского колхоза и в 6 км западнее с. Лукашевка. Расположен он на пологом склоне надпойменной террасы, у небольшого, ныне заболоченного водоема, питаемого ключами. Из водоема вытекает ручей, впадающий на расстоянии 8 км восточнее могильника (у г. Оргеева) в р. Реут — крупнейший правый приток Днестра. С севера и с запада у подножья мысового склона террасы находится заболоченный водоем. С юго-запада на расстоянии 2 м от предполагаемой границы могильника (проходящей примерно по краю рва городища) есть колодец, второй колодец — в 50 м к югу от могильника.

Расположен могильник среди пахотных черноземных земель; в 50—60 м к северу начинается смешанный лиственный лес. Погребения находились в жилом слое селища II—IV вв. и более древнего селища эпохи раннего железного века и скифского времени, а также вне его, в предматериковом суглинке на глубине 0,65—1,35 м (чаще всего — на глубине 0,8—0,85 м от современной поверхности). Раскопанная часть могильника находилась в центре плато городища. Погребения расположены на расстоянии 0,3—3,5 м друг от друга. Обряд — трупосожжение. Кости ссыпались в горшки или — реже — просто в ямки и накрывались сверху мисками или камнями. Трупосожжение совершалось, по-видимому, на стороне, так как в районе могильника нет следов кострищ.

Погребение 1 обнаружено на глубине 0,8 м (раскоп 4, квадрат 18в) в перекопанном темно-сером крупнозернистом суглинке селища скифского времени. Мелкие кальцинированные кости помещены в широкогорлый лепной чернолощенный горшок со слабо отогнутым граненым венчиком. Обжиг сосуда неравномерный. В изломе черепка отчетливо видна центральная темно-серая полоска. Глина хорошо отмученная, с примесью крупной

древесы. Сверху горшок был накрыт фрагментированной лепной чернолощенной миской (рис. 17—1, 2). Вместе с костями в горшке найдены кругло-проволочная железная пряжка с несомкнутыми концами и плоским язычком (рис. 18—1) и мелкие фрагменты различных железных предметов. Погребение 2 открыто на расстоянии 3 м к юго-западу от погребения 1 (раскоп 4, квадрат 19е), на глубине 0,85 м. В большом горшке с кальцинированными пережеванными костями найдены фрагменты неопределимого железного предмета. Сверху горшок накрыт меньшим горшком такого же типа, но более приземистым. Оба сосуда лепные, чернолощенные, широкогорлые, с хорошо заглаженной поверхностью, довольно сильно отогнутыми венчиками и слабо профилированными стенками (рис. 17—3, 4).

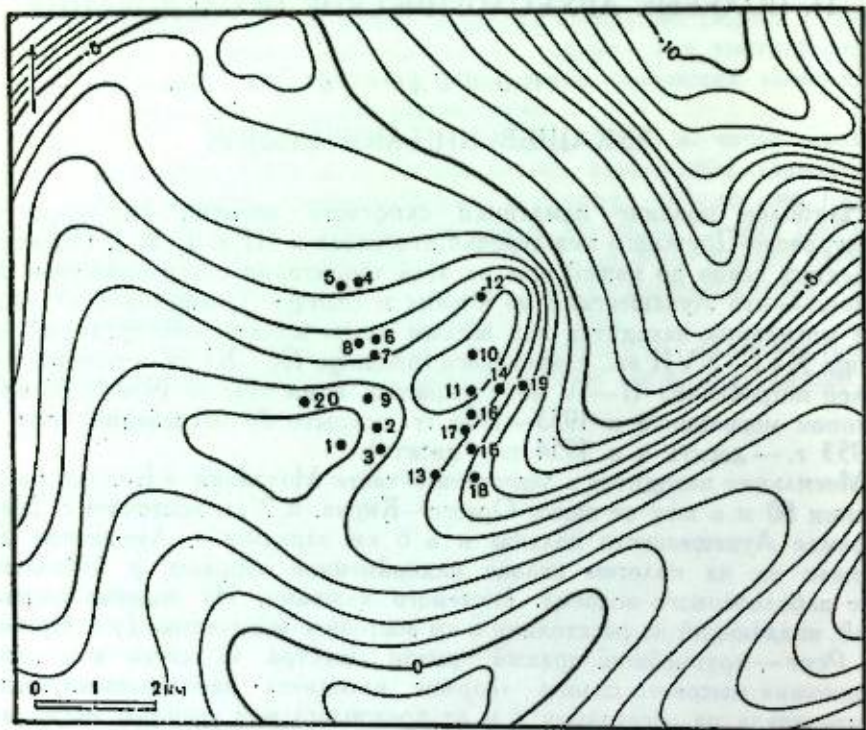

Рис. 16. План Лукашевского могильника.

Погребение 3 найдено неподалеку от погребения 2 (раскоп 4, квадрат 18е) на глубине 1 м. Широкогорлый лепной чернолощенный горшок с граненым венчиком был накрыт фрагментированной чернолощенной лепной миской (рис. 17—5, 6). В горшке, кроме пережеванных костей, обнаружены 2 фрагментированных железных стержня. Вероятно, погребения 1, 2 и 3 — мужские, на что указывает бедность инвентаря.

Погребение 4 (раскоп 10, квадрат 24з) находилось на глубине 1,1 м, в ямке, прикрытой чернолощенной лепной миской, от которой осталось лишь несколько обломков. Среди пережеванных костей найдено несколько фрагментов железного предмета (возможно, остатки фибулы) и бронзовый, спирально закрученный в неполных два оборота браслет диаметром 10 см. Средняя часть его — утолщенная и полая, с орнаментом из трех углубленных параллельных линий. Толщина браслета по направлению к концам уменьшается. Концы завершаются 3 шариками, следующими один за другим (рис. 18—2).

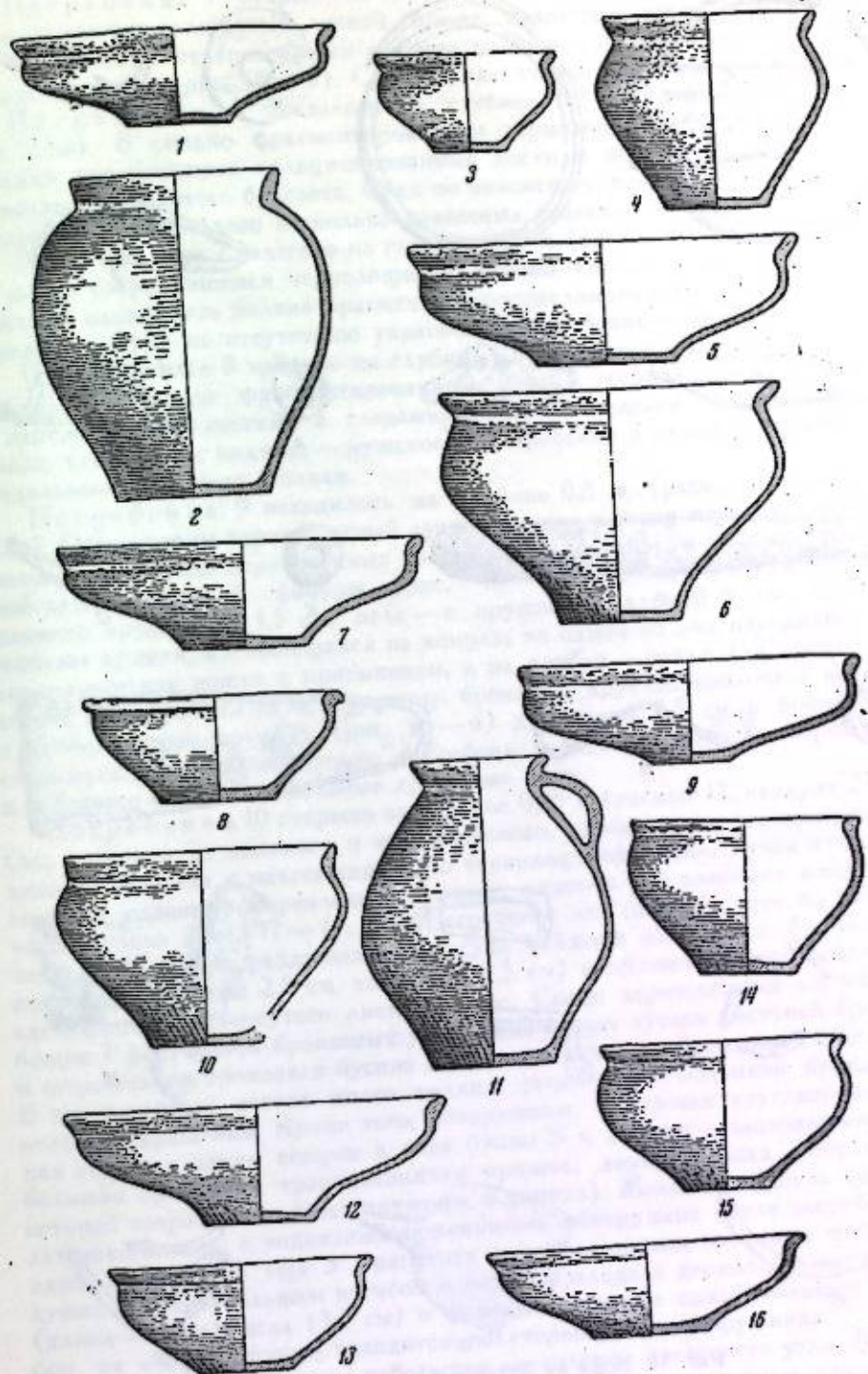

Рис. 17. Сосуды из Лукашевского могильника.

1, 2 — из погребения 1; 3, 4 — из погребения 2; 5, 6 — из погребения 3; 7 — миска из погребения 16; 8 — миска из погребения 17; 9, 10 — из погребения 5; 11, 12 — из погребения 10; 13, 14 — из погребения 11; 15, 16 — из погребения 12.

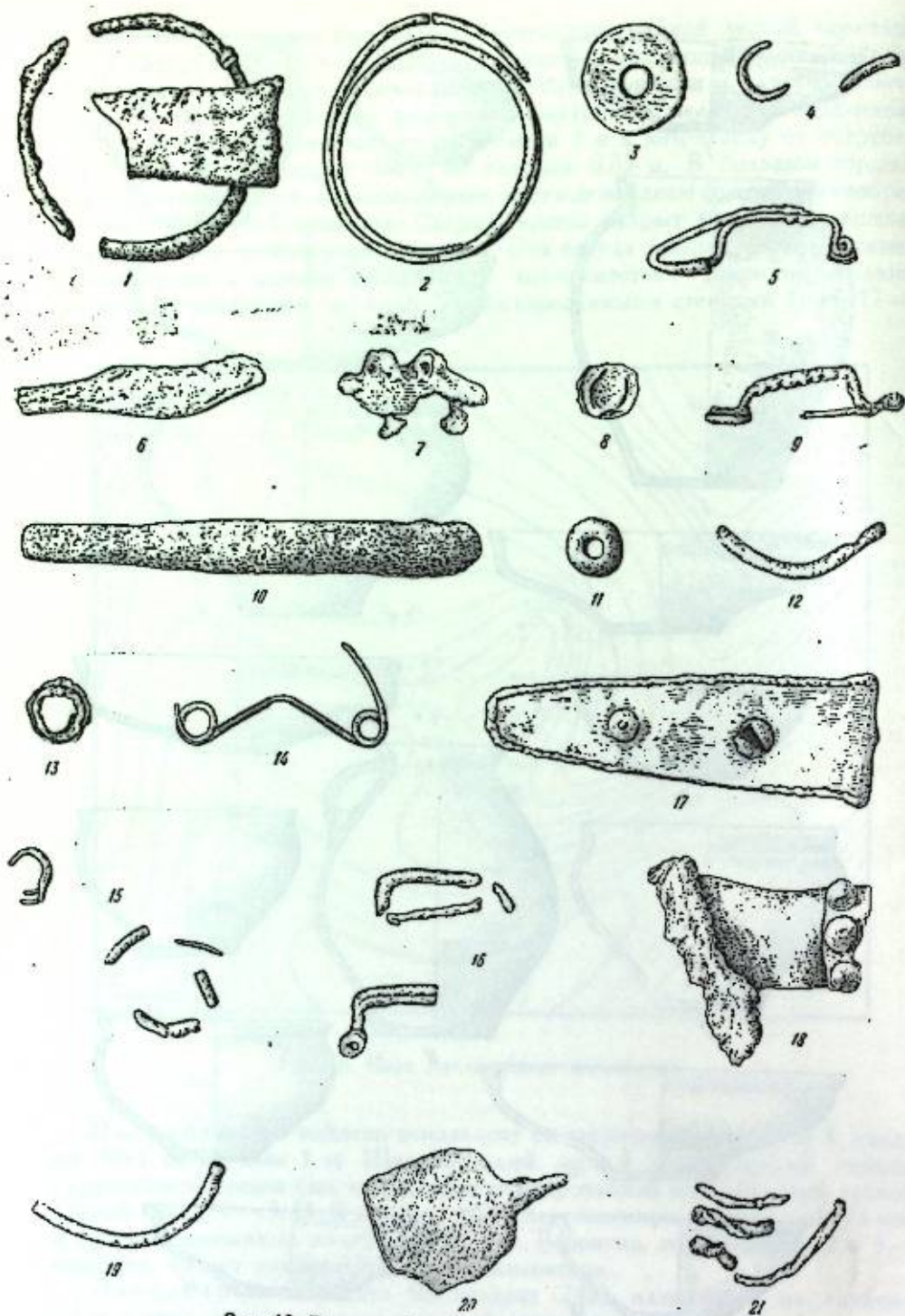

Рис. 18. Вещи из Лукашевского могильника.

1 — железный браслет и пластинка из погребения 1; 2 — бронзовый браслет из погребения 4; 3 — глиняное пряслице из погребения 5; 4, 5 — фрагменты бронзовых колец и железная фибула из погребения 9; 6 — железная игла; 7 — железная накладка с заклепками; 8 — костяная поделка (6—8 — из погребения 9); 9 — железная фибула; 10 — медная монета с заклепками; 11, 12 — из погребения 11; 13 — железная фибула; 14 — бронзовая накладка; 15 — обломки бронзовых браслетов и колец; 16 — фрагменты железных фибул; 17, 18 — бронзовые накладки; 19 — фрагмент бронзового браслета (13—19 — из погребения 10); 20 — бронзовая лопатка из погребения 15; 21 — фрагменты бронзовых надел из погребения 17.

Погребение 5¹ открыто на глубине 0,8 м (раскоп 10, квадрат 23ж). Обнаружен чернолощенный лепной горшок, накрытый миской (рис. 17—9, 10). Вместе с пережженными костями найдено круглое уплощенное глиняное пряслице (рис. 18—3). Судя по инвентарю, погребение — женское.

Погребение 6 оказалось на глубине 0,8 м (раскоп 10, квадрат 23ж). В сильно фрагментированном чернолощеном лепном горшке лежали пережженные кальцинированные кости и обломок проволочного спирального золотого браслета. Судя по инвентарю, погребение — женское. Вокруг горшка найдено несколько древесных угольков.

Погребение 7 залегало на глубине 0,85 м (раскоп 10, квадрат 23ж). В плохо сохранившемся чернолощеном лепном сосуде с пережженными костями находились мелкие фрагменты неопределимого железного кованого предмета. Судя по отсутствию украшений, погребение — мужское.

Погребение 8 найдено на глубине 0,9 м (раскоп 10, квадрат 21ж). Обнаружен сильно фрагментированный лепной чернолощенный горшок с пережженными костями и следами железных поделок. Украшений не было: погребение, видимо, — мужское. В погребении и около него найдены отдельные древесные угольки.

Погребение 9 находилось на глубине 0,8 м (раскоп 11, квадрат 22в). Обнаружены чернолощенный лепной горшок и такая же миска, покрывавшая его. Среди пережженных костей и вне их найдены обломки железной среднелатенской фибулы (рис. 18—5). Длина фибулы — 8 см, диаметр пружины — 1,5 см; игла — с пружинкой длиной 9 см. Спинка фибулы прямая, изгибающаяся на концах; на одном из них находились не сохранившаяся ножка с приемником, а на другом — петля для крепления иглы с пружинкой. Там же встречены: бронзовое круглопроволочное кольцо с несомкнутыми концами (рис. 18—4) диаметром 2,5 см и бронзовый стерженек. Судя по инвентарю, погребение — женское. Вокруг погребения и в горшке найдены отдельные древесные угли.

Погребение 10 открыто на глубине 0,85 м (раскоп 11, квадрат 21в). Оно состояло из высокого и выпуклобокого, одноручного, чернолощеного лепного кувшина и накрывавшей его чернолощеной миски. Ручка кувшина верхним концом прикреплена к венчику, нижним — к наиболее выпуклой части тулова (рис. 17—11, 12). Погребение это самое богатое по инвентарю. В 10 см от раздавленного сосуда найдены небольшой бронзовый стерженек (длиной 2,5 см, толщиной 0,5 см) и обломок полого браслета, сделанного из свернутого листа бронзы. Среди пережженных костей собраны 7 фрагментов бронзовых украшений в виде кусков листовой бронзы и стерженьков, бронзовая бусина и еще один обломок бронзового браслета. В пережженных костях много мелких, окисленных обломков бронзы — остатков украшений. Кроме того, обнаружены: бронзовая круглопроволочная серьга с одним концом в виде буквы S и другим — завязанным; небольшая бронзовая трапециевидная пряжка; двупружинная фибула (от которой сохранились лишь пружины и спинка). Железная фибула среднелатенского типа, с подвижным приемником, обнаружена возле погребения; здесь же найдены еще 3 фрагмента позднелатенских железных фибул — дужка с прямоугольным изгибом в месте перехода к держателю пружинки (длина — 4 см), игла (3,5 см) и фрагмент дужки с прямоугольным изгибом, на конце которого находится полутораоборотная пружинка.

Возле сосуда отмечены небольшие вкрапления древесного угля. Внутри сосуда, кроме перечисленных целых и фрагментированных предметов, собрано 8 кусочков от плоских и длинных бронзовых пластин, украшенных по краям зигзаговым орнаментом. По ширине пластины орнаментированы

¹ Погребение 5 и последующие (№ 6 и 7) находились на расстоянии 0,5 м друг от друга.

бронзовыми полусферическими бляшками (диаметром 1 см каждая), приклепанными по три и по одной. К одной из пластин прилипли большие фрагменты неопределимого железного предмета. Видимо, пластины являются поясными накладками. Кроме того, среди находок оказались: 3 фрагмента неопределимого железного предмета; круглопроволочное железное спиральное трехоборотное кольцо с незамкнутыми концами (внутренний диаметр — 2 см); 5 фрагментов браслетов (диаметр — 0,6 см) из серебряной спирально закрученной проволоки; бронзовый фрагментированный круглопроволочный браслет (сечение проволоки — 0,5 см); полусферическое костяное пряслице; шаровидная полая бронзовая бусина. Погребение, судя по инвентарю (рис. 18—13—19), — женское.

Погребение 11 залегало на глубине 0,8 м (раскоп 13, квадрат 256) в мелком серо-коричневом перекопанном суглинке. Под кальцинированными костями обнаружена тонкая (1—1,5 см) прослойка древесного угля

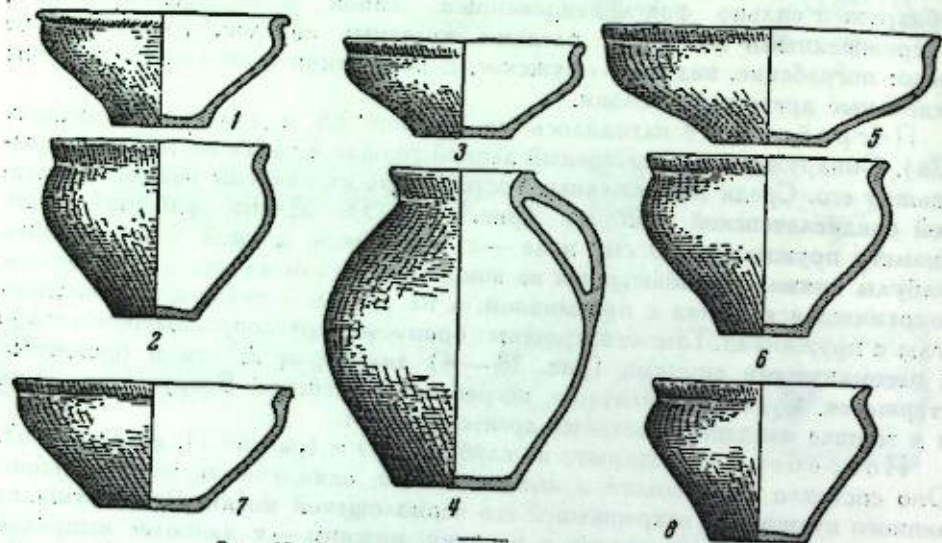

Рис. 19. Сосуды из Лукашевского могильника.

1, 2 — на погребении 14; 3, 4 — на погребении 13; 5, 6 — на погребении 15; 7, 8 — на погребении 19.

(диаметр пятна — 0,5—0,6 м). Пережженные кальцинированные кости были сыпаны в лепной чернолощенный широкогорлый горшок. Обжиг сосуда неравномерный; глина хорошо отмучена, но с примесью дресвы, черепок в изломе — серо-черного цвета. Горшок накрыт был чернолощенной широкой миской с плавным изгибом тулова и маленьким донцем (рис. 17—13, 14). Помимо костей, в горшке найдены: железный нож с изогнутой спинкой и криволинейным лезвием (рис. 18—6); фрагментированная железная позднелатенская фибула, от которой сохранилась игла с пружинкой; костяная поделка округлой формы с наколотым орнаментом в виде двух несомкнутых полуокружностей (рис. 18—8), фрагменты железных и бронзовых украшений (браслеты и др.). Возле горшка обнаружена железная фигурная пластинка с двумя приклепанными к ней четырехугольными петлями и двумя шипиками (рис. 18—7). Погребение, видимо, — женское.

Погребение 12 найдено на глубине 0,78 м в коричневом мелкозернистом суглинке (раскоп 12, квадрат 16г). Горшок и покрывавшая его миска сильно фрагментированы; горшок, четко профилированный, со слабо отогнутым венчиком (рис. 17—15, 16). В погребении обнаружена железная среднелатенская фибула. Дужка прямая, с прямоугольным изгибом для

приемника и пружинки на концах (рис. 18—9). Игла, приемник и пружинка не сохранились. В 18 см к северу от сосуда найдена узкая бронзовая гладкая пластинка (рис. 18—10). Погребение, вероятно, — мужское.

Погребение 13 обнаружено на глубине 1,1 м (раскоп 13, квадрат 21а) в предматериковом темном суглинке, в специально сделанной ямке (диаметр — 0,5 м, глубина — 0,15 м), засыпанной черной землей с примесью древесного угля. Трупосожжение было помещено в кувшинообразном сосуде с ручкой; покрывавшая его миска сильно фрагментирована (рис. 19—3, 4). Среди пережженных кальцинированных костей найден бронзовый браслет из тянутой проволоки с утолщенными, закругленными, несомкнутыми концами (рис. 18—12). Под сосудом обнаружены круглое керамическое пряслице из хорошо отмученной глины (рис. 18—11), обломок костяной рукоятки и фрагменты железного предмета, сильно подвергшегося коррозии. Погребение, очевидно, — женское.

Погребение 14 залегало на глубине 0,95 м (раскоп 12, квадрат 13а) в темном суглинке, в перерытом слое селища раннего железного века. Кости сыпаны в широкогорлый чернолощенный лепной горшок со слабо отогнутым венчиком и нечетко профилированным туловом (рис. 19—2). Обжиг сосуда неравномерный, глина хорошо отмучена и содержит примесь дресвы. Покрывавшая горшок миска — обычного для этого могильника типа (рис. 19—1). Вокруг погребения найдены отдельные древесные угольки. Судя по отсутствию инвентаря, погребение — мужское.

Погребение 15 вскрыто на глубине 1,17 м (раскоп 12, квадрат 19в) на расстоянии 0,4 м к югу от погребения 14. Горшок и покрывавшая его миска сильно фрагментированы (рис. 19—5, 6). Среди кальцинированных пережженных костей найдена железная лопаточка прямоугольной формы с ручкой в виде выступа. Возможно, что эта лопаточка применялась для размешивания углей в очаге или костре (рис. 18—20). Вокруг сосуда и под ним — мелкие древесные угли. В погребении обнаружены 2 фрагмента неопределимых железных предметов.

Погребение 16 оказалось на глубине 1,32 м (раскоп 12, квадрат 18в). Горшок, в котором заключено трупосожжение, широкогорлый со слабо отогнутым граненым венчиком, сильно фрагментированный. Миска того же типа, что и в других погребениях (рис. 17—7). Погребение найдено в предматериковом суглинке. Инвентаря нет; погребение, вероятно, — мужское.

Погребение 17 обнаружено на глубине 0,78 м (раскоп 14, квадрат 17а) в черноземе, в жилом слое селища раннего железного века. Горшок фрагментирован и был покрыт, как и остальные погребения, миской (рис. 17—8). Среди пережженных костей найдены обломки литого браслета из железной проволоки и 3 фрагмента железного стержня, вероятно, — от фибулы. Часть костей плохо обожжена (например, кости черепной крышки) и затем раздроблена на мелкие куски. Судя по инвентарю, погребение — женское. Возле погребения найден фрагмент железной фибулы — часть прямой дужки с изгибами на концах.

Погребение 18 находилось на глубине 1,05 м, на границе чернозема и суглинки (раскоп 19, квадраты 17, 18а). Горшок и покрывавшая его миска сильно фрагментированы. Урна — кувшины с ручкой (сохранился фрагмент венчика с ручкой) — аналогична кувшину из погребения 13. Среди кальцинированных костей найдены обломок железного ножа с ножнами (длина — 6,5 см, ширина лезвия — 1,8 см) и 2 фрагмента браслета из железной проволоки. Вокруг сосуда и под ним много древесных угольков. Погребение, видимо, — женское.

Погребение 19 открыто на глубине 1,1 м, на границе чернозема и суглинки (раскоп 14, квадрат 176). Покрывавшая сосуд миска — обычного типа; горшок с пережженными костями — широкогорлый, со слабо отогну-

тым венчиком (рис. 19—7, 8). Среди костей—фрагменты железного кольца и куски неопределимого железного предмета, возможно, иглы и дужки железной фибулы; сохранилась и пружинка от нее. Около погребения найдено несколько мелких древесных угольков.

Погребение 20 обнаружено на глубине 1,0—1,1 м (раскоп 4, квадрат 18с) в перекопанном слое селища скифского времени. Среди фрагментов лепных чернолощенных горшков и мисок найдены кальцинированные кости, две железные прямоугольные позднелатенские фибулы, железная пластинка и медная скоба от поясного набора.

Из 20 вскрытых погребений 3—в горшках без покрытия мисками, 1—в ямке, накрытой миской, и 16—в горшках, накрытых мисками. Всего найдено 20 горшков и кувшинов и 17 мисок. В числе погребений 10 мужских (1—3, 7, 8, 11, 12, 14, 15 и 16) и 10 женских, судя по наличию в них украшений и пряслиц (4—6, 9, 10, 13, 17, 18—20). По количеству сосудов и обряду погребений мужские погребения не отличаются от женских.

Обряд погребения, по-видимому, был таков: покойников сжигали где-то на стороне (кострищ на месте захоронения нет), после чего обугленные кости ссыпали в горшки или, реже, просто в ямки, причем плохо обожженные кости дробили на мелкие кусочки. Горшки опускали в предварительно выкопанные неглубокие ямки и, как правило, накрывали мисками. Древесные угли от костра, не попавшие в горшок, ссыпали в ямку. Из-за плохой сохранности многих вещей трудно сказать, клали ли их просто в урну или сжигали вместе с трупом. Во всяком случае, часть лучше сохранившихся вещей (нож, бронзовые, серебряные и золотые браслеты, пряслица и т. д.) не имеют следов действия огня и явно были положены в урну после сожжения.

Все погребальные сосуды лепные, лощеные черные и черно-коричневые. Лощение достигалось при помощи талька или порошкообразного ракушечника, который в изобилии имеется всюду в Поднестровье. Сосуды часто не очень четко профилированы, но изящны; поверхность тщательно заглажена. Венчик чаще граненый, реже закругленный. Глина хорошо отмучена, с примесью дресвы; в изломе черепок—серого цвета. Обжиг доброкачественный, но не горновой, а печной, о чем свидетельствует темно-серая полоска в центре излома стенок.

Погребальные урны—двух видов: преобладают невысокие, широкогорлые и выпуклобокие простые горшки со слабо отогнутым, но в большинстве граненым венчиком; реже (4 экземпляра) встречаются невысокие узкогорлые кувшины, из них три—с одной ручкой. Все сосуды—без поддонов и не орнаментированы. Накрывающие миски—широкие, низкие, с плавным и мягким изгибом тулова и небольшим донцем.

Кроме керамики, в погребениях обнаружено довольно значительное количество изделий из глины (пряслица), железа, бронзы, кости, серебра и золота. В их числе—железные ножи, железные поздне- и среднелатенские фибулы с прямой и изогнутой дужкой, аналогичные фибулам, найденным в Ольвии и датированным II—I вв. до н. э.² Такие же фибулы встречены в Зарубинецком³, Корчеватовском и других могильниках Поднепровья, в Поянштском могильнике в Румынии и в Белгороде-Днестровском. Из железа делались круглопроволочные браслеты и кольца, из бронзы—браслеты круглопроволочные с нарезным линейным орнаментом, полые из листовидной свернутой бронзы, а также серьги, кольца, ножевидные пластины, поясные накладки с наклепанными на них полушариями и т. д.; из

² См. А. Фурманська. Фибулы в розкопках Ольвії. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, табл. I, фиг. 5—10.

³ В. Хвойко. Поля погребальных урн Среднего Поднепровья. ЗРАО, т. XII, 1901, табл. 23, рис. 22.

серебра и золота—браслеты из спирально закрученной тонкой проволоки (рис. 20).

Судя по находкам, люди, оставившие Лукашевский могильник, знали керамическое дело, ткачество и умели изготавливать украшения, а также подерживали меновые сношения с причерноморскими и придунайскими областями, о чем свидетельствуют находки серебряных, золотых и отчасти бронзовых изделий. Большое количество железных изделий заставляет предполагать существование железоплавильного и кузнечного дела, однако остатки производства не найдены, и вывод этот только предположителен.

Формы сосудов и обряд погребения аналогичны тем, которые встречаются в Зарубинецком, Корчеватовском и других могильниках. Это обстоятельство, а также форма фибул и другие особенности позволяют датировать Лукашевский могильник II—I вв. до н. э.

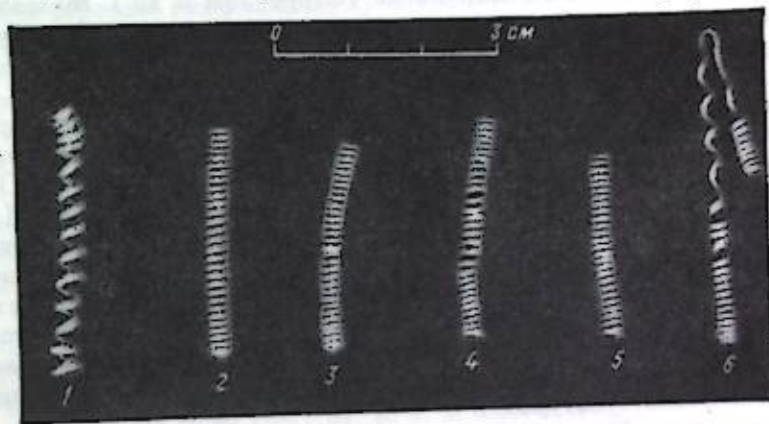

Рис. 20. Золотая (1) и серебряные спирали (2—6) из Лукашевского могильника.

К Лукашевскому примыкают еще два подобных могильника Поднестровья. Один из них открыт в XIX в. у с. Пуркары, ныне Олонештского района МССР, на правом берегу Днестра севернее Олонешт, в саду Манжа. Там, на склоне горы найдены «на глубине одной сажени большие широкие горшки с пелом»⁴. У горшков были ушки и крышки (видимо, это миски). Около них обнаружены кости и орудие, похожее на долото из красной меди. Описание могильника и находок не очень точное; так, например, долото из красной меди—вещь, невозможная из-за мягкости этого металла, да и выплавлять красную медь до XIX в. не умели. Однако, судя по отдельным данным, могильник аналогичен Лукашевскому.

Второй подобный могильник обнаружен тоже в XIX в. у с. Слободзея, ныне Тираспольского района. В. Ястребов нашел там два кувшина «с ушками» и другую посуду, наполненную пережженными костями⁵. Описание могильника также весьма краткое и неопределенное, но если судить даже по этому описанию, он аналогичен Лукашевскому.

Таким образом, могильники лукашевского типа существовали не только на севере, но и на юге Днестровско-Прутского междуречья и, видимо, типичны для этой территории в последние века до нашей эры. Какова же их этническая принадлежность? Вопрос сложный, так как в могильниках

⁴ А. А. Кочубинский. Тира (Тирас)—Белгород—Аккерман и его новая лавидарная надпись от 1454 г. ЗООИД, т. XXIII, 1901, стр. 103; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948.

⁵ В. Ястребов. Опыт топографического обозрения Херсонской губернии. ЗООИД, т. XVII, 1894, стр. 87

лукашевского типа встречаются изделия и отмечены особенности, не обнаруженные в каких-либо других могильниках. По обряду погребения — трупосожжение; по большей части погребального инвентаря, наличие двух основных форм сосудов — горшков и накрывающих их мисок, технике выделки сосудов (лепные, серо- и чернолощенные с гранеными венчиками) Лукашевский могильник похож на синхронные могильники зарубинецкого типа в Поднепровье, в частности — на Зарубинецкий и частично на Чаплинский и Воронинский. Однако наряду с общим сходством с поднепровскими могильниками имеются и некоторые различия. Для большинства горшков и мисок из могильников зарубинецкого типа в Верхнем Поднепровье характерен резкий изгиб верхней части тулова, чего нет у лукашевских сосудов, отличающихся мягким и плавным профилем тулова. Впрочем, как было отмечено, встречаются также сосуды, тождественные по форме сосудам из Лукашевского могильника (Зарубинцы и др.). Железные фибулы, найденные в Лукашевском могильнике, аналогичны фибулам из поднепровских могильников зарубинецкого типа, например, — из Чаплинского (погребение 25).

В связи с этим важно отметить местонахождение керамики зарубинецкого типа в Нижнем Поднепровье. Во время работ Измаильской археологической экспедиции Института археологии Академии наук УССР (под руководством Л. Д. Дмитрова) в Белгороде-Днестровском (1947—1952 гг.) обнаружены в нижних горизонтах раскопа А лепные сосуды зарубинецкого типа — одноручные чашки и горшки из черной и коричневой глины, с лощеной поверхностью, хранящиеся ныне в экспозиции Института. Судя по особенностям обряда, керамике и другим изделиям, Лукашевский могильник ближе всего к памятникам пшеворской культуры и появление его в Поднепровье, видимо, результат миграции из области распространения пшеворской культуры.⁵

В материалах Лукашевского могильника можно отметить черты сходства и с могильником II—I вв. до н. э. у с. Поянешты, где трупосожжения также находились в лепных чернолощенных горшках и накрывались мисками.⁷ Однако сосуды Лукашевского могильника отличаются от поянештских. Ни одна из мисок Лукашевского могильника не имеет ручек, частых для поянештских; профилировка лукашевских сосудов более изящная, тулово более четко профилировано.

Следует отметить, что материалы из Поянештского могильника не являются типичными и широко распространенными на территории Румынии для II—I вв. до н. э. Керамика из Поянештского могильника отличается от типичной гетской керамики (горшки с двумя бугорками, высокие, узкие горшки, кувшины и т. д.)⁸ и других изделий этого времени. Горшки из Поянештского могильника имеют некоторое сходство с горшками, найденными в могильниках II—I вв. до н. э. между Карпатами и Балтикой (особенно в Польше и Восточной Германии), где они довольно хорошо увязываются с предшествующими гальштатскими формами. Правда, поянештские сосуды отличаются от указанных выше более северных отсутствием обычного на польских и восточногерманских сосудах орнамента (Т-образный или меандр). В типичных гетских могильниках чаще встречаются фибулы не такие, как в Поянештах, а с трапецевидной формой ножки. Это дает основание исследователю и автору издания Поянештского могильника Р. Вульпе видеть в его материальной культуре

⁵ См. J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa, 1955, стр. 181—195 и сл.; рис. 512, 536 и др.

⁷ См. Radu Vulpe. Sapaturile dela Poienesti din 1949. Materiale arheologice privind istoria Veche a RPR, vol. I, Bucuresti, 1953, стр. 213—506.

⁸ Radu Vulpe. Указ. соч., стр. 491 и сл.

свидетельство переселения на север от Дуная бастарнов, отошедших в Румынию под натиском кельтов.⁹

Как известно по письменным источникам, бастарны переселились из Галиции и Южной Польши к югу. Страбон отметил, что бастарны с востока граничили с тирагетами, а с запада — с певкинами, также являвшимися одним из бастарнских племен, испытавших кельтское влияние. Птолемей указывает, что бастарны и певкины жили за Дакией на север от Карпат. Первый натиск кельтов на бастарнов, заставивший их двинуться к югу, произошел в III в. до н. э.; к концу III в. до н. э. бастарны перешли на территорию Дакии и дошли до устья Дуная, ведя частые войны с гетами. В III—I вв. до н. э. их пребывание здесь зафиксировано рядом античных авторов, что и делает предположение Р. Вульпе весьма правдоподобным.

Таким образом, материальная культура в районах Нижнего Подунавья, Попрутья и Поднепровья в последние века до нашей эры имела смешанный характер, отражая до известной степени этническую пестроту, существовавшую в этих районах. Сложна и материальная культура Лукашевского могильника, отражающая славянские, гетские и бастарнские черты; вместе с тем лукашевская культура сохраняет и некоторые, только ей присущие, черты в керамике и отдельных изделиях из металла — бронзовых лопаточках, ножевидных пластинах и т. д.

Древнейшие из открытых в Молдавии могильников датируются II—I вв. до н. э. Они имеют и пшеворские, и дако-гетские черты, сближающие их с памятниками Подунавья, Поднепровья, Повисленья, представляя своеобразный локальный вариант материальной культуры. Напомним, что и в предшествующую эпоху — в скифское время материальная культура Днестровско-Прутского междуречья имела те же специфические особенности; хотя форма ее во II—I вв. до н. э. изменилась, но и тогда ей были присущи черты, сближающие ее, с одной стороны, с Подунавьем, а с другой, — с Поднепровьем, причем последние во II—I вв. до н. э. усилились по сравнению со скифским временем.

Эти особенности Лукашевского могильника как бы отражают территориальное положение Поднепровья, находившегося между двумя центрами — славянским и дако-гетским, и свидетельствуют о сосуществовании в тот период в Поднепровье славян, дако-гетов и бастарнов, находившихся в тесном общении друг с другом. Память об этом сосуществовании сохранялась в течение многих столетий и была отмечена различными источниками. Славяне (венеды) упоминаются вместе с даками и гетами еще в так называемых Певтингерых дорожных таблицах. О том, что венеды в I в. н. э. доходили до певкинов, занимавших побережье Черного моря в районе междуречья Прута и Днестра, сообщает римский историк Тацит.

В первые века нашей эры даки и геты частично занимали более западные и южные прибрежные районы рассматриваемой территории, а частично сосуществовали со славянами, чем и объясняется то, что их иногда не различали. Это явствует, например, из сообщения историка VI в. н. э. Аммиана относительно вторжения славян в Византию в конце V в. и начале VI в. н. э., когда склавнины и анты были названы гетами. Византийский историк первой половины VII в. н. э. Феофилакт Симокатта (VII, 2, 5) утверждал, что геты — это древнейшее наименование славян¹⁰. Как показывают археологические данные, в частности факт сосуществования в Днестровско-Прутском междуречье памятников смешанного славяно-бастарно-гетского облика, это утверждение весьма правдоподобно.

⁹ Там же. Характеристику гетской культуры см. Vasile Pârvan. Getica. București, 1926.

¹⁰ «Когда римляне приблизились к гетам, — так в старину называли этих варваров (славян)». ВДИ. 1941, № 1, стр. 265.

Дако-геты сами по себе были конгломератом, в который входили различные по этническому составу и культуре племена — бессы, сабки, костобоки, тирагеты и др. Вполне возможно, что упоминаемые Страбон¹¹ тирагеты, помещаемые им в долине Днестра, и были смешанным в этническом отношении населением, причем их название связано с древним названием Днестра — «Тирас» и с позднейшим летописным названием одного из восточнославянских племен, занимавших Поднестровье, — с тиверцами.

Какова же была судьба дако-гетского, точнее, — гетского (так как даки, видимо, занимали в основном горные области, а геты — долины) населения, сосуществовавшего со славянскими племенами в Днестровско-Прутском междуречье в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры? Согласно указаниям византийских историков VI в. н. э. и археологическим данным ко второй половине I тысячелетия н. э. рассматриваемая территория находилась в самом центре расселения славян, а в X в. Поднестровье уже входило в состав Древнерусского государства. Следовательно, не позже начала второй половины I тысячелетия н. э. произошла полная ассимиляция славянами неславянских племен, в том числе и дако-гетских. Следы этой ассимиляции и близких отношений между древними славянами сохранялись в течение долгого времени. Об этом писал еще В. А. Городцов, отмечая наличие дако-сарматских черт в русском народном орнаменте.

Лукашевский могильник не является для территории Днестровско-Прутского междуречья уникальным памятником. На этой территории известны могильники и поселения, содержащие материалы, аналогичные лукашевским. Так, керамика лукашевского типа найдена на Лукашевском селище № 2, расположенном на склоне холма неподалеку от могильника. Это фрагменты чернолощенных лепных горшков и мисок с граненым, сильно отогнутым венчиком. Обжиг неравномерный; глиняное тесто не очень хорошо отмучено и содержит примесь дресвы. Керамика эта найдена в жилом слое более позднего селища черняховского типа. Вместе с тем важно отметить, что чернолощенная керамика лукашевского типа составляет в слое не более 10% общего количества керамики. Остальная — это фрагменты серых и коричневых лепных горшков обычного для Поднестровья гетского и «скифоидного» типов.

Описанные памятники, находя аналогию и в восточных, и в западных районах, в основе все же сохраняют своеобразный облик и, с нашей точки зрения, отражают тот интересный период истории Поднестровья, когда по этой территории, при преобладании на ней гетского населения, начали продвигаться славяне и германские племена.

И. К. СВЕШНИКОВ

МОГИЛЬНИКИ ЛИПИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(Раскопки у сс. Звенигород и Болотное)

В 1953—1955 гг. Львовский исторический музей провел небольшие раскопки двух могильников, относящихся к памятникам липицкой культуры, в с. Звенигород, Бобркского района, Львовской области и могильника у с. Болотное, Перемышлянского района, той же области¹.

В результате раскопок могильников в с. Звенигород, расположенных в урочищах Загуминки и Гоева Гора, вскрыты погребения разных периодов: бронзового века, скифского периода, первых веков нашей эры и X—XII вв.

Могильник на поле Загуминки (восточная часть с. Звенигород) плохо сохранился: погребения нарушены вспашкой и земляными работами. До начала работ здесь было случайно открыто погребение с трупосожжением в урне, прикрытой каменной плиткой. В нем найдено оружие, из которого Львовскому историческому музею передана шпора (рис. 21—14). Сотрудниками Львовского исторического музея вскрыто еще одно сильно поврежденное вспашкой погребение с труположением. Установлено, что погребенный лежал на спине, вытянуто и был ориентирован головой на север. Возле его колен обнаружены предметы вооружения: умбон щита (рис. 21—6), пара шпор (рис. 21—4, 5), фрагменты бронзовых с прорезным орнаментом ножен меча и бронзовое кольцо от их верхней части (рис. 21—1, 2), железный нож (рис. 21—3), обломки бронзовой оковки пояса (рис. 21—7, 8), каменный брусок (рис. 21—9). Все предметы были сильно пережжены, хотя на костях погребенного следов огня не отмечено. На основании ряда аналогий умбону, ножу, шпорам и ножнам меча² это погребение, а также случайно открытое с трупосожжением следует датировать I—II вв. н. э.

В урочище Гоева Гора (небольшая возвышенность в северо-западной части с. Звенигород) за три раскопочных сезона вскрыта площадь 1384 кв. м, на которой исследовано 12 погребений с трупосожжением и 8 — с труположением, относящихся на основании сопутствовавшего инвентаря к I—III вв. н. э. Не исключена возможность, что этим же периодом датируется детское погребение, в котором найдены три стеклянные цилиндрические бусины.

¹ В раскопках в Звенигороде принимали участие научные сотрудники Львовского исторического музея (И. К. Свешников, В. П. Савич, Г. М. Власова). Дубновского краеведческого музея (Е. Г. Нефедовский и В. Д. Седед) и Э. А. Володченко. Раскопки в Болотном проведены И. К. Свешниковым и В. П. Савичем.

² M. Smiszkó, *Kultura wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej*. Lwów, 1932, табл. I, 13, 18; табл. III, 22—30; табл. V, 3, 4, 16—18.

¹¹ Страбон, VII, 3, 17.

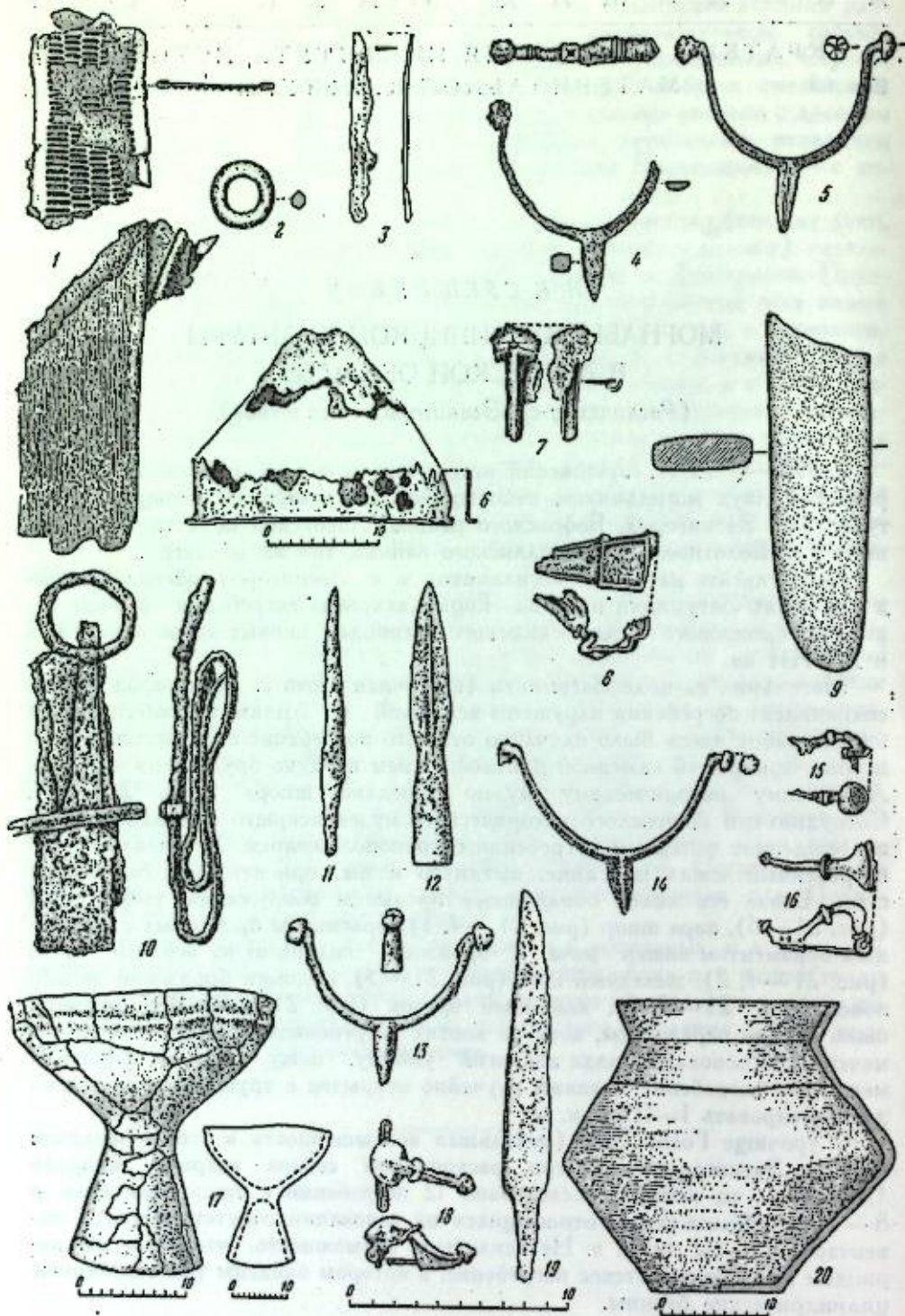

Рис. 21. Вещи из могильников Загуминки и Гоева Гора в с. Звенигород.

1-9 — обломок ножен меча, кольцо, нож, шпора, ушко щита, фрагменты оковки пояса, брусик (1-9 — из погребения 7, Загуминки, 1953 г.); 10-13 — меч, нож, копье и шпора (10-13 — из погребения 8, Гоева Гора, 1953 г.); 14 — шпора из случайно открытого погребения (Загуминки, 1953 г.); 15 — фибула из погребения 7 (Гоева Гора, 1953 г.); 16 — фибула из погребения 5 (Гоева Гора, 1953 г.); 17-19 — урна, нож и фибула (17-19 — из погребения 16, Гоева Гора, 1953 г.); 20 — сосуд из погребения 11 (Гоева Гора, 1953 г.); 1, 2, 7, 8, 16 — бронза; 3-6, 10-15, 18, 19 — железо; 9 — камень; 17, 20 — глина.

Погребения с трупосожжениями представляли собой захоронение праха в урнах, прикрытых чаще всего кусками камней или обломками сосудов. В одном случае кости погребенного были всыпаны в землю без урны. В 3 погребениях в качестве урн использованы сосуды пшеворского типа с черной лощеной поверхностью (рис. 21—20)³. Два из них разрушены поздними ямами; в третьем урна была прикрыта обломками сосуда, относящегося к липицкой культуре. В урне, среди кальцинированных костей, находились согнутый вчетверо меч, железный нож, наконечник копья, пара шпор (рис. 21—10—13) и обломок остро профилированной фибулы, датирующей погребение I—II вв. н. э.

Керамика из других погребений с трупосожжениями представлена сосудами типов, распространенных в липицкой культуре (рис. 21—17; рис. 22—1, 4, 10, 18, 19)⁴. Урнами служили широкогорлые, изготовленные на круге сосуды (рис. 22—1, 19), небольшой кувшин (рис. 23—17) и характерная для липицкой культуры чаша на высокой ножке (рис. 21—17). Инвентарь составляют железные ножи (рис. 21—3, 11, 19; рис. 22—14, 17), поясные пряжки (рис. 22—6, 13), шило, оковка пояса, пряслица (рис. 22—11, 12), бронзовые остро профилированные фибулы (рис. 21—16; рис. 22—5, 15, 16), бронзовая булава (рис. 23—16)⁵ и железная фибула (рис. 21—18)⁶.

В 4 погребениях встречено оружие (мечи, копья, кинжал, шпоры), или вложенное в урну (в одном случае), или находившееся возле нее (в двух случаях) либо под ней (в одном погребении). Оружью можно найти аналоги в комплексах материалов пшеворской культуры⁷; остальные металлические предметы относятся к типам вещей, распространенным в липицкой культуре⁸. Мечу с перекрестием у основания рукоятки и кольцом (рис. 21—10) точных аналогий среди памятников первых веков нашей эры пока отыскать не удалось.

Особо интересны 2 погребения, свидетельствующие о существовании имущественного неравенства (погребения 15 и 21, исследованные в 1953 г.). Урной погребения 15 служил изготовленный на круге сосуд (рис. 22—1), прикрытый обломками зернотерки и разбитой чашей на высокой ножке (рис. 22—4). Под пережженными костями лежали согнутый железный нож с углублениями для инкрустации на лезвии и следами действия огня (рис. 22—14), 2 обломка бронзовой, остро профилированной фибулы (рис. 22—5), мелкие бронзовые и железные фрагменты оковки пояса (рис. 22—7—9) и 2 железные пряжки (рис. 22—6, 13), из которых одна инкрустирована бронзой. Урна помещена над вбитыми в материк железными мечом и копьем (рис. 22—2, 3; рис. 24). Согнутый треугольником меч и край втулки копья образовывали треножник, на котором стояла урна. Недалеко от нее лежали небольшой сосуд, изготовленный на круге, со следами двух отбитых ручек (рис. 22—10), и 2 глиняных плоских пряслица (рис. 22—11, 12).

³ Аналогичный сосуд происходит из погребения пшеворской культуры, раскопанного у Кристинополя (Черногород), Львовской области (M. Smiszek. Указ. соч., табл. I, 5).

⁴ M. Smiszek. Указ. соч., табл. VI, 8; табл. IX, 3, 5, 11; табл. X, 8; табл. XII, 27.

⁵ Аналогичная булава известна из с. Жолтанцы, Львовской области, где были открыты 2 погребения, в которых, между прочим, найдены динарий Адриана и бронзовая пряжка, относящаяся к более позднему времени (B. Janusz. Z prazdiejow ziem Lwowskiej. Lwów, 1913, стр. 58, рис. 5). Отсутствие подробного описания инвентаря каждого из этих погребений в отдельности не дает возможности точно датировать интересующую нас булаву.

⁶ Фибула датируется II—III вв. н. э. и имеет широкий ареал распространения (см. например, близкую аналогию в Моравии — Archeologické rozhledy, III, № 1, стр. 48, рис. 41).

⁷ M. Smiszek. Указ. соч., табл. II, 6; табл. IV, 2, 4; табл. V, 1, 3, 4.

⁸ Там же, табл. XII, 14, 23, 35, 46; табл. XIII, 1, 5, 33; табл. XIV, 7, 13, 15.

Урна погребения 21 (аналогичная описанной выше) была сверху прикрыта небольшими кусками известняка, выступающего в большом количестве на Гоевой Горе. Внутри урны среди пережженных костей находились

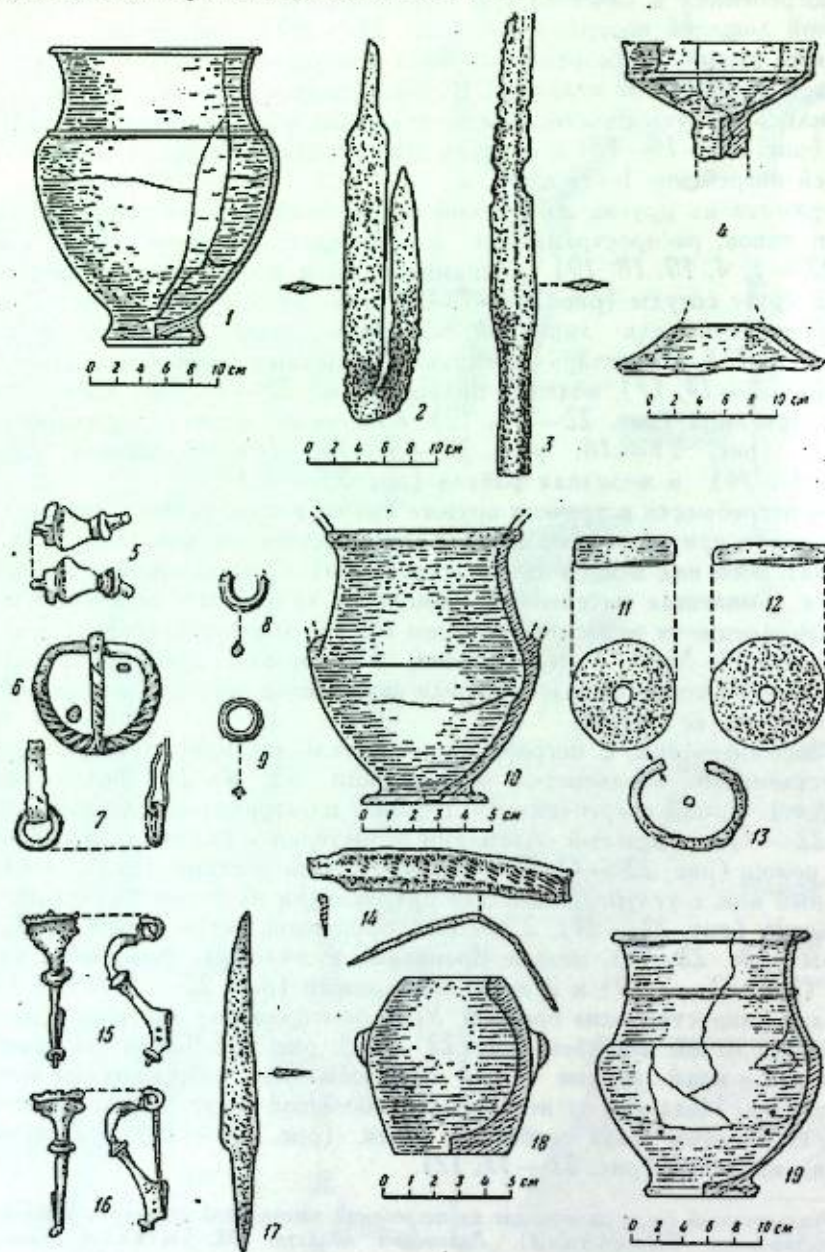

Рис. 22. Вещи из могильника Гоева Гора в с. Звенигород.

1 — урна; 2 — меч; 3 — копье; 4 — чаша на ножке; 5 — фибула; 6, 13 — поясные пряжки; 7—9 — окошка пояса; 10 — кубок; 11, 12 — пряслица; 14 — нож (1—14 — из погребения 15, 1953 г.); 15, 16 — фибулы; 17 — нож; 18 — кубок; 19 — урна (15—19 — из погребения 21, 1953 г.); 1, 4, 10—12, 18, 19 — глина; 2, 3, 6, 13, 14, 17 — железо; 5, 7—9, 15, 16 — бронза.

2 бронзовые остро профилированные фибулы (рис. 22—15, 16) и железный нож (рис. 22—17). Сосуд был разбит в древности, но отдельные его части были вновь скреплены через круглые сверлины в стенках при его вторичном использовании (рис. 22—19). Возле урны лежал небольшой лепной кубок (рис. 22—18), аналогии которому пока отсутствуют.

Рис. 23. Типы погребений и вещи из могильников Гоева Гора (1954 г.) и в с. Болотном.

1 — погребение 15 (Гоева Гора), плахи; 2 — фибула; 3 — нож; 4—6 — бусы (2—6 — из погребения 15); 7 — погребение 17 (Гоева Гора), плахи; 8 — фибула; 9 — сосуд; 10 — пряслица; 11 — игла; 12 — пуговица; 13 — зеркальце; 14 — замок от шкатулки (8—14 — из погребения 17); 15 — пряслица (из погребения 26, Гоева Гора); 16 — булавка (из погребения 23, Гоева Гора); 17, 18 — урна и копье погребения 26, Гоева Гора); 19 — кольцо от окошка пояса (из погребения 6, Гоева Гора); (из погребения 16, Гоева Гора); 20 — кольцо от окошка пояса (из погребения 6, Гоева Гора); (из погребения 2 в с. Болотном); 2, 8, 11, 12, 14, 16 — бронза; 3, 18, 21—23 — железо; 4 — горный хрусталь; 5, 6 — паста; 9, 10, 15, 17, 20, 24 — глина; 13 — белый металл; 19 — цинк. Масштабы рисунков: 1, 7—1: 40; 2—6, 8, 10—16, 19, 23—1: 2; 17, 18, 20—22, 24—1: 4.

При сравнении обоих погребений обращает на себя внимание разница в количестве и качестве сопутствовавшего инвентаря при одинаковом ритуале захоронения: кости сложены в одинаковые сосуды, однако, урна погребения 21 была еще в древности разбита и починена; это указывает на то, что сосуд особо ценился, так как был изготовлен на гончарном круге и являлся некоторого рода редкостью в семье погребенного. Урна погребения 15 была прикрыта разбитой чашей на ножке, фрагментами керамики и обломками зернотерки. Урну погребения 21 прикрывали только куски известняка, взятые тут же, на месте.

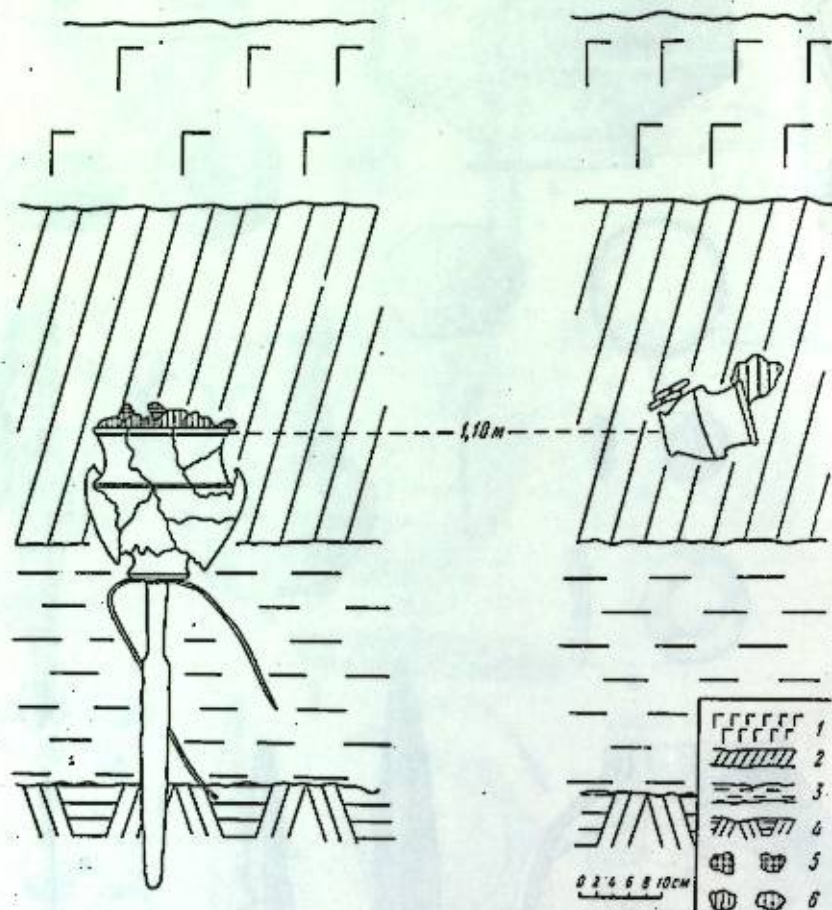

Рис. 24. Могильник Гоева Гора. План и разрез погребения 15 (1953 г.).
1 — пахотный черноземный слой; 2 — чернозем; 3 — слой желтой глин; 4 — материк (глина с известняком); 5 — куски наменной зернотерки; 6 — фрагменты керамики.

Среди костей внутри урны погребения 15 лежали нож, фибула, железная пряжка, фрагменты богатой оковки пояса, инкрустированная пряжка. В захоронении 21 обнаружены только 2 фибулы и нож; оружие совершенно отсутствовало. Урне погребения 15 сопутствовал сосуд, изготовленный на круге. Возле урны погребения 21 лежал лепной кубок.

Ярко выступает разница между обоими погребениями, заключающаяся не в ритуале, а в характере сопутствовавшего материала. Видно также, что изделия развивавшегося в то время гончарного ремесла (керамика, изготовленная на круге) были достоянием в первую очередь воинов — верхушки общества, в обиход которой они уже вошли, оставаясь почти

недоступными для рядового населения. Известные до сих пор погребения, относящиеся к липицкой культуре, не раскрывали имущественной дифференциации среди племен — носителей этой культуры. Исключение составляет только частично разрушенное погребение у с. Колоколин, Станиславской области⁹.

Сравнивая погребения 15 и 21, можно отметить, что количество костей в первом из них значительно превышает по своему объему и весу количество костей во втором (1580 г. против 580 г.); это дает право предположить, что в погребении 15 захоронено не меньше двух человек: мужчины — воина, о чем свидетельствует оружие, и женщины, которой сопутствовали 2 пряслица. Таким образом, по-видимому, устанавливается наличие в липицкой культуре коллективных захоронений, чего до сих пор не удавалось отметить.

Погребения с труположениями на Гоевой Горе представлены двумя разновидностями обряда: захоронениями, ориентированными головами на север, и с ориентировкой на запад (иногда с отклонением к северу). В погребениях первого типа¹⁰ костяки лежали в неправильно-прямоугольных ямах, на спине, ноги были подогнуты (рис. 23—1, 7). В одном из таких погребений, исследованном в 1953 г., сопутствовавшего инвентаря не было; два других сильно разрушены, в них найдены фрагменты липицкой керамики и (в одном случае) отдельные кости собаки. Два женских погребения этого типа (№ 15 и 17, исследованные в 1954 г.) принадлежали представителям общественной верхушки и по инвентарю очень интересны.

В погребении 15 (рис. 23—1) обнаружены обломок металлического зеркала, железная пряжка, нож (рис. 23—3), 2 пастовые и 1 хрустальная бусины (рис. 23—4—6), 2 остро профилированные бронзовые фибулы (рис. 23—2), лежавшие на ключицах. В засыпи могильной ямы, над головой погребенной найдены кости коровы и свиньи¹¹, видимо, — остатки тризны.

В погребении 17 (рис. 23—7) встречены 2 бронзовые остро профилированные фибулы (рис. 23—8), лепная миска коричневого цвета (рис. 23—9), металлическое зеркальце (рис. 23—13), бронзовые игла и небольшая пуговка (рис. 23—11, 12), глиняное пряслице (рис. 23—10), железное шило, железная поясная пряжка. Возле правого локтя лежали 2 бронзовых кольца с находившимся внутри них небольшим цилиндром. Рядом с этим предметом найдены куски розовой и темно-коричневой краски. находку, вероятно, следует рассматривать как замочек от коробки или шкатулки, в которой была краска — румяна¹². В заполненной ямы над ногами погребенной обнаружены большое количество древесного угля и обломок лепного сосуда, видимо, — следы тризны.

Аналогичные найденным пастовые бусины известны из могильника в Верхней Липице¹³, где были также обнаружены обломки двух сходных с приведенными выше металлических зеркал¹⁴. Бусины из горного хрусталя, бронзовой иглы, румянам и замочку от шкатулки аналогии в материалах липицкой культуры пока нет. Эти предметы, видимо, следует

⁹ M. Śmiszko. Stanowisko wczesnorzymskie w Kołokolinie pow. rohatyński. Wiadomości archeologiczne, t. XIII, 1935, str. 155.

¹⁰ За 3 года работ вскрыто 5 погребений первого типа и 5 погребений — второго.

¹¹ Кости определялись на кафедре анатомии домашних животных Львовского ветеринарного института.

¹² Химический анализ краски, проведенный в лаборатории Львовского филиала Академии наук УССР, показал, что она состоит из силикатной глины с примесью жира и органического красителя, т. е. в основном не отличается по своему составу от современных румян.

¹³ M. Śmiszko. Kultury wczesnego... табл. XIII, 24, 28.

¹⁴ Там же, табл. XIII, 23.

рассматривать как импортные из римских провинций. Глиняная миска из погребения 17, которой точные аналоги в липицкой керамике также отсутствуют, напоминает по форме римские сосуды.

Вторую группу погребений с труположениями составляли захоронения в прямоугольных ямах; скелеты, лежавшие вытянуто на спине, ориентированы головами на запад (в одном случае — с отклонением к северу). Керамики и следов тризны не найдено. Крайне бедный инвентарь состоял из одной железной фибулы III в. н. э. (рис. 21—15; погребение 7; 1953 г.), остатков амулета (ладанки из кожи и бересты) на серебряной цепочке, ножа и цинкового кольца от оковки пояса (рис. 23—19; погребение 6, 1954 г.), аналогичного бронзовому кольцу от ножен меча, найденных в погребении на Загуминках (рис. 21—2).

Могильник в с. Болотном открыт случайно в 1953 г. при постройке колхозного хлева. Он находится в урочище Оселища на юго-западном склоне возвышенности Винная Гора в западной части села. Из разрушенных стройкой погребений в Львовский исторический музей поступили следующие материалы: желтая лепная урна (рис. 23—20); 2 железных копыа со следами действия огня (рис. 23—21, 22), поткнутых, по словам раскопавших эти погребения рабочих, остриями в находившиеся внутри урны пережженные человеческие кости, среди которых найдено железное шило (рис. 23—23); обломки серой, изготовленной на круге урны с двумя ручками; фрагменты лепного цилиндрического кубка, украшенного расчлененным валиком; верхняя часть чаши с высокой ножкой и отогнутым краем венчика (рис. 25—1); обломки чаши с прямым венчиком и отбитым основанием ножки (рис. 25—2).

По словам рабочих, здесь находились погребения с трупосожжениями и труположениями, но количества их установить не удалось.

В октябре 1954 г. Львовский исторический музей провел на месте находки небольшие раскопки; вскрыта площадь 57 кв. м и исследовано 6 погребений — 3 труположения и 3 трупосожжения.

Одно трупосожжение (погребение 4), находившееся на небольшой глубине (0,3 м от современного уровня), плохо сохранилось: все сосуды разбиты на мелкие фрагменты, среди которых найдены небольшое количество пережженных человеческих костей и 2 обломка бронзовой остро профилированной фибулы. Из общей массы фрагментов керамики удалось собрать и реставрировать 4 сосуда: лепной кубок, украшенный 4 круглыми налпами и рядом пальцевых вдавлений (рис. 25—3); изготовленные на круге кубок с отбитой ручкой (рис. 25—4) и 2 миски (рис. 25—5, 12).

Урны 2 погребений с трупосожжениями (погребения 3 и 6) были открыты обломками каменных жерновов и черепками. Урна погребения 3 представляла собой лепной коричневый сосуд с ровным венчиком (рис. 25—6). Из прикрывавших ее черепков удалось частично склеить 2 чаши на высоких ножках (рис. 25—8, 9), лепной серо-желтый кубок (рис. 25—7) и нижнюю часть лепного сосуда значительных размеров. Возле урны найдены небольшой фрагмент бронзового предмета и обломок железного ножа. Рядом стояла нижняя часть изготовленного на круге сосуда с пережженными костями птицы или небольшого животного.

Урной погребения 6 служил серый, изготовленный на круге, кувшин с ручкой (рис. 25—10); под венчиком — несколько круглых сверлин, указывающих на то, что сосуд был разбит в древности и затем починен. Из прикрывавших урну и найденных возле нее черепков удалось реставрировать лепной биконический светло-серый кубок, орнаментированный рядом вертикальных нарезков (рис. 25—11).

Большое количество не поддающихся реставрации черепков, найденных в погребениях с трупосожжениями, указывает на то, что сосуды являются остатками тризны, совершённой над погребениями.

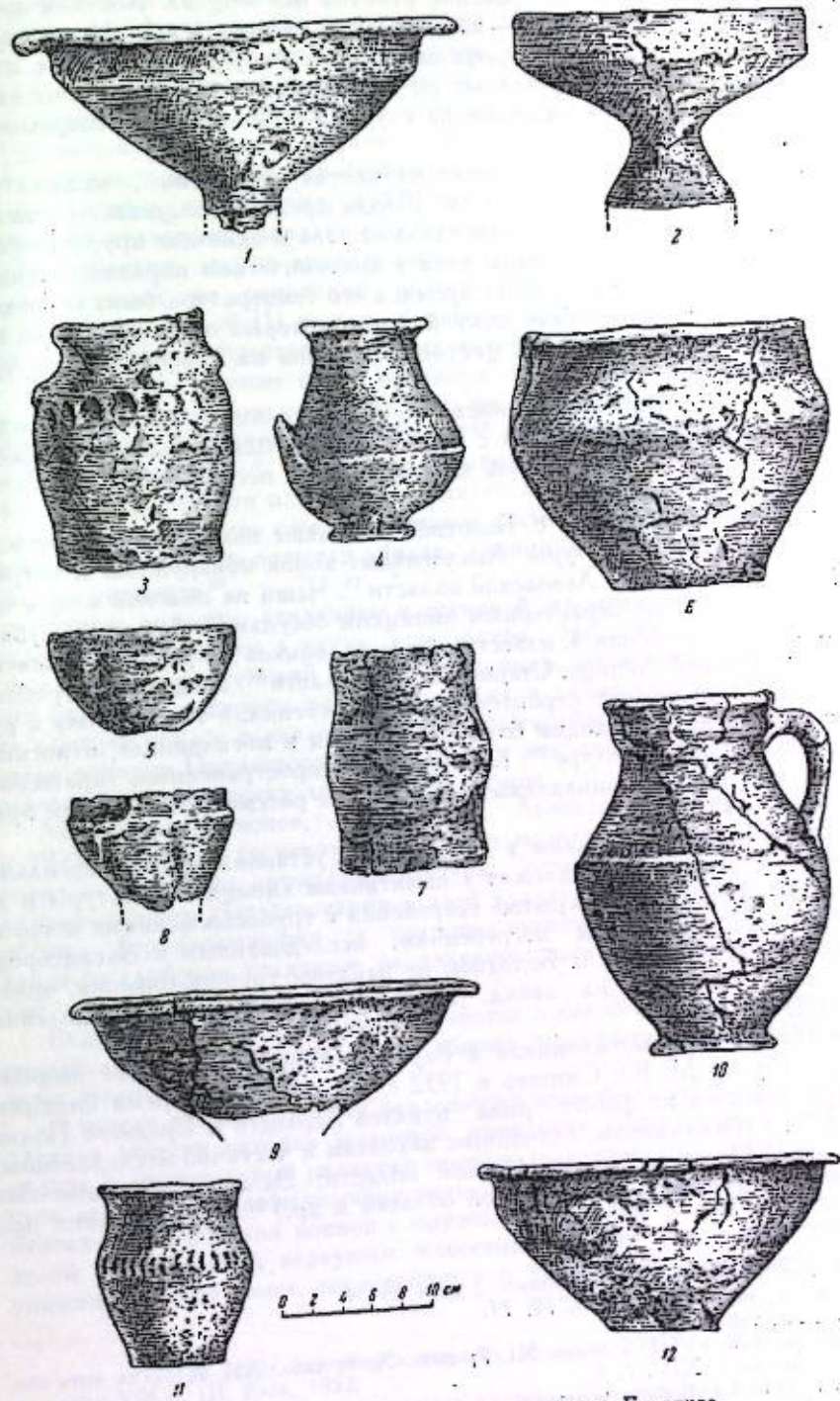

Рис. 25. Сосуды из могильника у с. Болотное.
1, 2 — из разрушенных погребений; 3—5, 12 — из погребения 4; 6—9 — из погребения 3;
10, 11 — из погребения 6.

Погребения с труположениями, вскрытые в урочище Оселища, были ориентированы на северо-восток (погребения 1 и 2) и север (сильно разрушенное поздней ямой погребение ребенка без вещей). Костяки лежали вытянуто. Погребения 1 и 2 — женские; они датируются I—II вв. н. э. на основании бронзовых остро профилированных фибул, лежавших на плечах погребенных. В засыпи могильных ям встречены мелкие фрагменты липицкой керамики. Костяки залегают на глубине 0,55—0,8 м от современного уровня.

В погребении 1 непосредственно на костях погребенной залегал слой древесного угля толщиной до 4 см. Жерди средней толщины, сожженные над погребенной, были положены вдоль ее тела в один-два яруса. Кости не обуглились и лежали под слоем угля в анатомическом порядке; очевидно, костер горел непродолжительное время, а его температура была невысокой. Слой углей прикрыт кусками камней, среди которых оказалась часть жернова с круглым отверстием в центре, лежавшая на правой стороне грудной клетки.

Костяк погребения 2 находился в прямоугольной яме. У его головы стоял небольшой лепной кубок с 4 налестами по максимальному диаметру тулова (рис. 23—24). В засыпи ямы за головой погребенной залегал тонкий слой древесного угля.

Вещам из погребений в с. Болотном мы также находим аналогии в материалах липицкой культуры. Аналогичные копья обнаружены в погребении у с. Перепельники, Львовской области¹⁵. Чаши на высокой ножке принадлежат к наиболее характерным липицким сосудам¹⁶. Аналогии кубкам, найденным в погребении 4, известны из могильников в Гриневе, Львовской области и Верхней Липице, Станиславской области¹⁷. Урнам из погребений 3 и 6 и из разрушенного строителем погребения, а также кубку с ручкой из погребения 4 находим близкие аналогии в могильниках, относимых также к липицкой культуре¹⁸. К наиболее распространенным украшениям из этих могильников принадлежат рассмотренным нами бронзовые фибулы¹⁹.

Разведочными раскопками в с. Болотном установлено, что могильник в урочище Оселища принадлежит к памятникам липицкой культуры и датируется I—II вв. н. э. Вскрытые погребения с трупосождениями и труположениями аналогичны погребениям, исследованным в Звенигороде. Однако на могильнике в с. Болотном не найдены труположения, ориентированные головами на запад, датирующиеся на основании железной фибулы III в. н. э.

Памятники типа могильников в Верхней Липице и Гриневе выделил в особую группу М. Ю. Смишко в 1932 г.²⁰ В настоящее время липицкая культура известна из целого ряда пунктов Верхнего и Среднего Поднестровья²¹ по могильникам, случайным находкам и частично исследованным поселениям (Незвиско, Станиславской области; Залесцы, Дрогобычской области; Голиграды, Тернопольской области и др.)²². На основании про-

¹⁵ М. Смишко, *Kultury wczesnego...*, табл. IV, 4.

¹⁶ Там же, табл. IX, 1, 4, 6, 10, 11.

¹⁷ Там же, табл. XI, 5.

¹⁸ Там же, табл. VIII, 5; табл. XI, 7; табл. X, 9; табл. XII, 9.

¹⁹ Там же, табл. XIV, 1, 7.

²⁰ М. Смишко, *Kultury wczesnego...*

²¹ М. Ю. Смишко, *Доба політ поховань в західних областях УРСР. «Археологія», т. II, Київ, 1948, карта 1 на стр. 125; М. Ю. Смишко, Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР. Доклады на VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР, Киев, 1953.*

²² М. Смишко, *Osady kultury lipickiej. Przyczynki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego w Południowo-Wschodniej Polsce. Lwów, 1934; М. Ю. Смишко, Дослідження*

веденных за последние годы полевых исследований²³ липицкая культура представляется как культура оседлых земледельческих племен, живших на неукрепленных поселениях. Достаточное значение в хозяйстве имело скотоводство, что подтверждено находками на поселениях костей лошади, крупного рогатого скота и свиньи. Керамика представлена большим количеством разнообразных форм лепных и изготовленных на круге сосудов. Последние свидетельствуют о росте гончарного ремесла, а о существовании металлообработки можно судить по большому количеству разнообразных металлических изделий. Многочисленные римские монеты I—III вв. н. э. и их местные подражания, найденные на территории распространения липицкой культуры, позволяют предполагать развитие торговых сношений. Таким образом, можно считать, что в период развития липицкой культуры, который на основании целого ряда данных определяется I в. до н. э. — серединой III в. н. э., у племен, населявших Поднестровье, происходило второе общественное разделение труда.

Тесные родственные связи объединяли племена — носителей липицкой культуры с соседними, обитавшими на молдаво-валахской территории, оставившими памятники типа Пояна²⁴ и принадлежавшими, по мнению ряда исследователей²⁵, к группе дако-гетских племен. Вопрос об этнической принадлежности племен — носителей липицкой культуры в настоящее время следует считать еще нерешенным, несмотря на имеющиеся в археологической литературе попытки увязать липицкую культуру с предками летописных тиверцев²⁶.

Многие вопросы, связанные с историей племен — носителей липицкой культуры, освещены в науке еще слабо. Недостаточной изученностью могильников и поселений следует, например, объяснить тот факт, что до сих пор мало раскрыта роль земледелия в хозяйстве. Должным образом не освещен вопрос о разложении первобытнообщинных отношений на этом этапе истории Поднестровья. Неизвестен антропологический тип человека, оставившего памятники липицкой культуры.

Материалы раскопок, проведенных Львовским историческим музеем в 1953—1955 гг., до некоторой степени пополняют наши сведения о племенах — носителях липицкой культуры. Установленный раскопками факт одновременного существования в этой культуре двух видов погребального обряда (трупосождения и труположения) указывает, видимо, на какие-то глубокие традиции, разделявшие население Поднестровья в первые века нашей эры.

Ведущая роль земледелия в хозяйстве в какой-то мере отразилась в засвидетельствованном раскопками обычае прикрывать погребения обломками жерновых камней.

К новым доказательствам разложения первобытнообщинных отношений следует отнести находки жерновов, появление которых дает возможность судить о значительном развитии производительных сил общества, выходящем за рамки первобытнообщинного строя. К этой же группе материалов относятся погребения воинов с оружием и богатые погребения представителей общественной верхушки, известные до сих пор только по одному, упоминавшемуся выше, погребению у с. Колоколин и свидетельствующие

памяток культуры політ поховань в західних областях УРСР в 1947 р. Археологічні пам'ятки УРСР, III, Київ, 1952.

²³ М. Ю. Смишко, Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 67—82.

²⁴ R. et E. Vulpe, Les fouilles de Tinosul. «Dacia», t. I, 1924; и х же. Les fouilles de Poiana. «Dacia», t. III—IV, 1927—1932.

²⁵ См. ссылку на В. Парвана, И. Нестора, Р. Вульпе в статье М. Ю. Смишко

«Раннеславянская культура Поднестровья...»

²⁶ М. Ю. Смишко, Раннеславянская культура Поднестровья...

о существовании глубокого социального расслоения. В некоторых погребениях найдены новые доказательства того, что развивавшиеся в то время ремесло и торговля с Римской империей обеспечивали в первую очередь верхушку общества.

Исследованные в Звенигороде и Болотном погребения с труположениями дали первый остеологический материал, который позволит восстановить внешний облик человека липицкой культуры и сделать заключения антропологического порядка.

Неясным остается вопрос о соотношении открытых раскопками в Звенигороде двух разновидностей погребений с труположениями. Железная фибула, найденная в одном из ориентированных на запад погребений, датирует его III в. н. э. Учитывая, что захоронения, ориентированные на север и северо-восток, датируются на основании бронзовых фибул I—II вв. н. э., можно предположить, что погребения с ориентировкой на запад характеризуют более поздний этап развития липицкой культуры. Изменения в обряде, возможно, отражают какие-то перемены в этническом составе населения Верхнего Поднестровья, что может иметь очень важное значение при решении вопроса о процессе смены около III в. н. э. липицкой культуры культурой славянских племен.

Э. А. РИКМАН

РАСКОПКИ СЕЛИЩ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В ПОДНЕСТРОВЬЕ

Археологические памятники I тысячелетия н. э., хронологически предшествующие изученной в последние годы древнерусской культуре Среднего Поднестровья, почти не исследованы. Роль, которую сыграли в формировании тиверской культуры племена — носители культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э., не ясна. Мал фонд археологического материала, относящегося к этому времени. Полевые исследования памятников первой половины I тысячелетия н. э. ограничивались до 1953 г. сбором подъемного материала¹.

Рекогносцировочные раскопки памятников первых столетий нашей эры провел в 1953 г. один из отрядов Молдавской археологической экспедиции (отрядом руководил автор настоящего сообщения)².

Задача, поставленная перед отрядом, заключалась в том, чтобы на сравнительно небольших по площади раскопах установить стратиграфию памятников эпохи «полей погребений» южной, центральной и северной Молдавии. Всего вскрыто около 450 кв. м. Исследованные поселения были тонкослойные с прерывистым культурным слоем.

Солонченское селище расположено в Среднем Поднестровье (северная Молдавия) в 3 км к северу от с. Солончены. Находка фибулы (рис. 26—6) датирует его первыми столетиями нашей эры, а скорее, — III—IV вв. н. э. Ни раньше, ни позднее на поселении не жили; это придает особую ценность археологическому комплексу.

Лукашевское селище (центральная Молдавия), расположенное на расстоянии 1 км к западу от с. Лукашевки, — памятник более сложный. Селище было обитаемо (судя по находке фибулы; см. рис. 26—5) в первых столетиях нашей эры, вероятнее, — в III—IV вв. н. э., затем — в IX—XI вв., когда на месте древнего поселения появилось древнерусское село. В XIV—XVII вв. здесь было молдавское село. Основной слой относится к III—IV вв. н. э., а позднейшие предметы найдены в верхних пластах на отдельных участках селища. Неподалеку находится поселение с керамикой, напоминающей посуду Лукашевского могильника первых веков до нашей эры — первых веков нашей эры³.

¹ Археологические коллекции Молдавской экспедиции ИИМК Академии наук СССР и Молдавского филиала Академии наук СССР (разведки Т. С. Пассек и Г. Б. Федорова).

² В работах принимали участие лаборанты Молдавского филиала Академии наук СССР Г. Ф. Чеботаренко, В. К. Попеску, студенты Кишиневского педагогического института.

³ См. статью Г. Б. Федорова в настоящем выпуске.

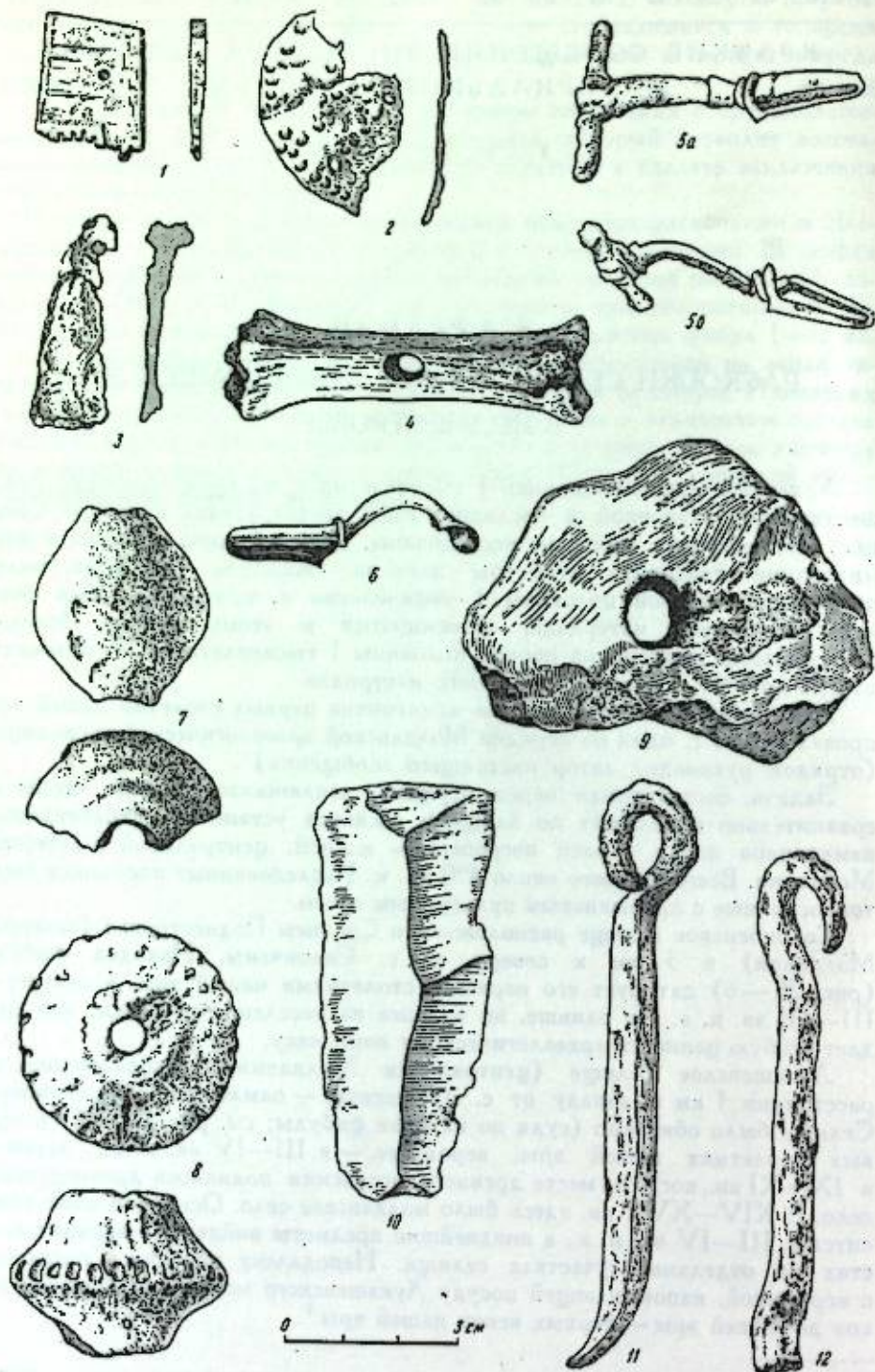

Рис. 26. Находки на Солонченском и Лукашевском селищах.

1 — обломок костяного гребня; 2 — бронзовая бляшка; 3 — железный нож; 4 — кость, принадлежность игры (?); 5, 6 — бронзовые фибулы; 7, 8 — глиняные прясла; 9 — известковый грузило; 10 — кремневый отщеп; 11 — железное прясло; 12 — обломок железного удила; 1, 3, 6, 8, 9, 12 — с Солонченского селища; 2, 4, 5, 7, 10, 11 — с Лукашевского селища.

Расположены селища в условиях, типичных для сельскохозяйственных поселений культуры «полей погребений»: первое — на невысоком, пологом берегу Днестра, второе — на таком же берегу ручья.

На Солонченском поселении вскрыто полуземляничное жилище площадью 13 кв. м, глубиной 0,3—0,6 м. Пол и стены обмазаны глиной; посередине возвышался обложенный крупными плитчатыми камнями, образующими кольцо, очаг, рядом с которым была предочажная яма. Вход находился с южной стороны, к нему вела ступенька. Крыша, вероятнее всего, была двускатной. Сохранились обмазка пола и стен, глиняный под и камни обкладки очага, ступенька входа, ямки (следы жердей, на которые опирались стены и крыша), расположенные по периметру и в центре жилища (рис. 27).

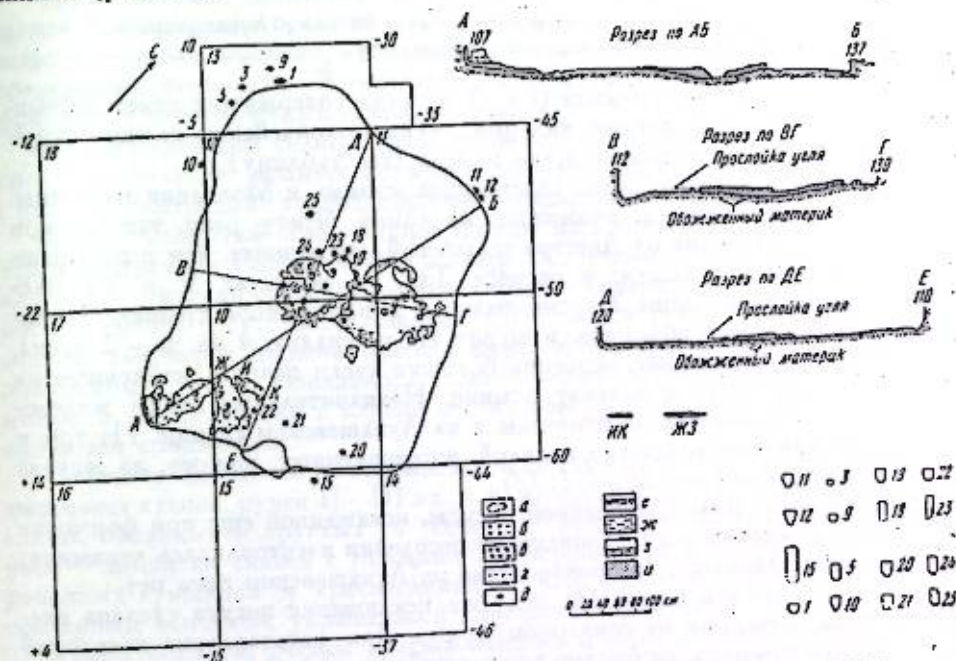

Рис. 27. Солонченское селище. План и разрезы полуземляничного жилища.

а — камень; б — обожженная глина; в — уголь; г — прослойка угля; д — ямки столбов; е — границы материала; ж — зола; з — обожженный материал; и — разрезы глиняных обмазок.

На селищах найдены куски сильно обожженной глины с отпечатками жердей, а также стеблей растений. У некоторых обломков одна из сторон плоская. Эти находки указывают на постройку жилищ иного типа, — очевидно, наземных, — сосуществовавших с полуземлянками (Солонченны).

К хозяйственным сооружениям относятся ямы-хранилища, открытые на Лукашевском поселении. Особенно выразительно хранилище грушевидной формы, глубиной около 1 м.

В первые века нашей эры и вплоть до средневековья для Юго-Восточной и Восточной Европы типичны и углубленные, и полууглубленные жилища. Прослеживается сосуществование углубленных и наземных жилищ. Это наблюдается также в Поднестровье и Поднепровье¹.

Наблюдения при раскопках позволяют определить некоторые виды производств и занятий населения селищ. Судя по находкам кусков типично сыродутного шлака с большим содержанием в одних из них оксидов железа

¹ М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков нашей эры в Лукс-Врублевской. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 73.

Химический анализ шлака

№ образца шлака	SiO ₂	Fe ₂ O ₃	FeO	CaO	MgO	TiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₂	MnO	NiO	CuO	Al ₂ O ₃	K ₂ O, Na ₂ O	Потери при прокаливании, %
1	68,64	1,69	1,18	8,01	1,98	0,46	1,00	0,45	0,06	Нет	Нет	6,75	3,30	6,32
2	26,00	17,16	43,48	5,64	0,97	0,28	0,48	0,32	0,08	"	"	0,60	1,10	3,65
3	21,04	15,33	53,17	4,30	1,19	0,18	0,46	0,28	0,06	"	"	1,46	0,70	1,58
4	37,95	11,15	30,89	6,92	1,45	0,37	0,64	0,32	0,09	"	"	4,72	1,25	3,90

* Образцы № 1—3 — с Солонченского селища, № 4 — с Лукашевского.

** Потери при прокаливании содержит углекислоту.

(до 60%), в других — кремния (69%), а также содержащих окиси алюминия, магния, титана, натрия, кальция⁵, — на Солонченском селище существовало сыродутное производство железа (см. таблицу).

Болотные и луговые руды, содержащие железо, в Молдавии известны. Домницы располагались, возможно, на самом берегу реки, так как при раскопках в отдалении от Днестра шлака найдено меньше, чем в прибрежных разведочных траншеях и раскопе. Так, на объектах V и VI площадью 52 кв. м найдены 2 куски шлака, а в прибрежной траншее I площадью 20 кв. м — 8 обломков, в шурфе III площадью 4 кв. м — 2 куски. Возможно, что некоторые, особенно большие куски печины, найденные на берегу, принадлежат к развалу домниц. Незначительные следы железодельного производства отмечены и на Лукашевском селище. На том и на другом найдено несколько изделий, изготовленных, видимо, из железа местной выплавки (рис. 26 — 11, 12).

Судя по находкам бракованной посуды, искаженной еще при формовке и попорченной огнем, на Солонченском поселении изготовлялась керамика; убедительных данных о ее производстве на Лукашевском пока нет.

На Солонченском поселении вся без исключения посуда сделана специалистами-гончарами на гончарном круге. Для изготовления некоторой части посуды применялся быстро вращавшийся тяжелый круг, о чем можно судить по четкой профилировке изделий (воспроизводящих в глине металл) и резким концентрическим окружностям — следам формовки пальцами. На некоторых сосудах видны признаки ленточной техники формовки, обычно изнутри, но иногда и снаружи. Глина серая, с различными оттенками — бурым, желтым, черным. Изредка встречаются обломки красноглиняных сосудов, по-видимому, амфорных стенок. Среди сероглиняных сосудов различается группа с хорошо отмученным, ровным обожженным тестом без видимых примесей. Тесто других сосудов характеризуется включениями крупного и мелкого песка, кусочков известняка, угольков. Обжиг был восстановительный.

Сосуды делятся на лощеные и нелощеные; встречаются серо-, черно- и краснолощенные. Формы серо- и чернолощенной посуды следующие: реберчатые и округлобкие кувшины с ручками и без них, кубки, низкие широкие миски, крупные вазы с плоскими срезами венчиков и ребром в верхней трети, широкие чаши, горшки округлобкие и остроресберные, иногда с фальшивыми ручками в виде бугорка с надколом. Орнаменты — продолженные линии: волнистые, в виде овалов, треугольников, зигзагов и ромбов. Часто встречается рельефная разделка стенок и венчиков валиками.

⁵ Анализы проведены в лабораториях Московского высшего технического училища имени Баумана. В определении шлака участвовал кандидат технических наук А. А. Мосяк.

Нелощеная посуда подразделяется на два вида. К первому принадлежат сосуды, отличающиеся от серолощенных лишь отсутствием лощения. К второму виду относятся сосуды с шероховатой, пористой поверхностью, с примесью крупного песка в тесте. Формы таких сосудов были разнообразны, но основная — горшок с желобчатым орнаментом. К этой же группе относятся большие горшки с припухлыми венчиками, налипшими валиками, с зашипами и вдавлениями. Для посуды Солонченского селища характерны кольцевые и плитчатые поддоны, плоские днища. Найдено несколько обломков ручек амфор III—IV вв., выделанных из белой глины, вытянуто-овальных в сечении, с едва выраженным валиком посередине⁶.

Керамика Лукашевского селища, относящаяся к первым векам нашей эры, в основном характеризуется теми же данными.

Среди посуды, сделанной на круге, — сероглиняная, лощеная и нелощеная. Серолощенная представлена горшками, кувшинами округлобкими и остроресберными, мисками, кубками и большими мисками (чанами) с плоско срезанными венчиками. Встречены сосуды на кольцевых поддонах. Есть фрагменты чернолощенных мисок и горшков.

На Лукашевском селище (в отличие от Солонченского) найдено относительно большое количество краснолощенной посуды — обломки кубков с ребрами посередине тулова, горшков, кувшинов с ручками.

Среди нелощеной сероглиняной посуды можно выделить те же группы, что и в керамике Солонченского селища. Встречены обломки мисок, горшков и ваз с плоско срезанными венчиками, отличающихся от серолощенной посуды только отсутствием лощения. Выделяются толстостенные сферические на плитчатом поддоне горшки с шероховатой поверхностью и грубыми примесями в тесте. Попадались тонкостенные сероглиняные кувшины, миски, а также горшки с плавно отогнутыми венчиками, украшенные желобчатым орнаментом.

Относительно много на Лукашевском селище обломков красноглиняных амфорных стенок, ручек II—III вв. н. э. из красной или желтовато-красной глины, овальных и круглых в сечении, венчиков, иногда ангобированных, — признаки связей с городами Причерноморья. Есть обломки остроресберных кувшинов и красноглиняного чана (большой миски) с плоско срезанным венчиком, украшенного линейным орнаментом.

Таким образом, формы красноглиняных и сероглиняных сосудов одинаковы. Единством форм связаны серо-, черно- и краснолощенные сосуды. Обилие форм свидетельствует о развитии керамического производства (рис. 28 — 1—3).

Лепная посуда Лукашевского селища сделана из глины буровато-черного цвета, с примесью крупного песка, и неравномерно обожжена. Это горшки с плавно отогнутыми венчиками, миски или чаши, крышки. Изготовители плохо владели техникой гончарного производства. Сосуды асимметричны, с неровной, бугристой поверхностью. Обрезы венчиков неровны. По наблюдениям Е. В. Махио и М. Ю. Смишко над материалами памятников эпохи «полей погребений» Верхнего Поднестровья и Поднепровья (в частности, Правобережья), развитие керамического производства шло по пути полного вытеснения лепной керамики и преобладания сделанной на круге. Исходя из этого, Лукашевское селище следует считать несколько более древним, чем Солонченское, где лепная посуда полностью отсутствует.

Находки свидетельствуют о различных занятиях обитателей Солонченского и Лукашевского поселений: земледелии и обработке камня (обломок цилиндрического жернова из известняка), прядении (пряслица; рис. 26 — 7, 8), рыболовстве (находка грузила; рис. 26 — 9) и скотоводстве (кости

⁶ Определение И. Б. Зеест.

животных). Жители поселений занимались разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней⁷. Состав стада характерен для земле-

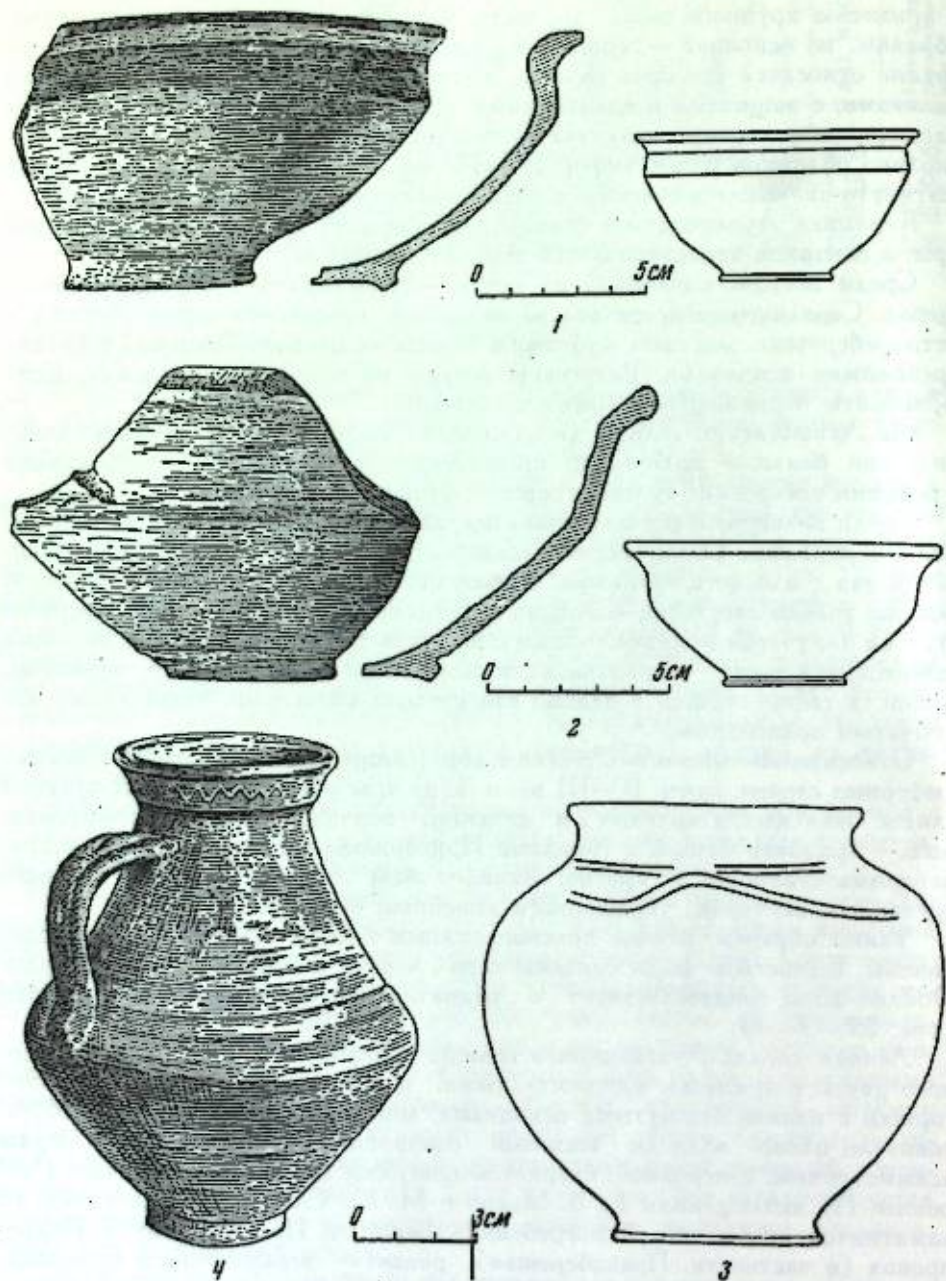

Рис. 28. Сосуды с Лукашевского и Солонченского селищ и из могильника в с. Лапушна.

1 — черлоощеная миска (с Лукашевского селища); 2 — серолоощеная миска (с Солонченского селища); 3 — сероглиняный горшок (с Лукашевского селища); 4 — серолоощеный кувшин из могильника в с. Лапушна.

дельческих поселений. Небольшое место в хозяйстве занимала охота на благородного оленя, кабана, птицу. Найдены кости собаки.

⁷ Определение В. И. Цалкина.

Очень интересна находка на Лукашевском селище стенки сосуда с отпечатком двух сшитых кусков ткани «в елочку» (рис. 29).

Своеобразен набор украшений: изящные фибулы, бронзовые накладки со штампованным орнаментом (рис. 26—2) и вместе с тем примитивные просверленные раковины Улю. Найдены железный нож (рис. 26—3) и обломок костяного гребня (рис. 26—1).

Материал, полученный при раскопках Солонченского и Лукашевского селищ, позволяет поставить вопрос о характере культуры раскопанных поселений, ее отношении к культурам соседних липицкой и черняховской территорий. Облик культуры Солонченского и Лукашевского поселений близок к липицкой и черняховской, но принадлежность памятника к той или иной культурной общности можно установить лишь путем изучения керамики.

По высказанному М. Ю. Смишко мнению, «все Поднепровье» можно включить в территорию распространения так называемой «липицкой» (раннеславянской, по мнению исследователя) культуры, изученной в Верхнем Поднепровье. Особыми формами керамики, характерными для нее, считаются «широкие чаши на высокой ножке и кувшинчики с двумя ручками, изготовленные в большинстве случаев на круге». Эти чаши, «а также лепные сосуды, — пишет М. Ю. Смишко, — вместе с пифосовидными горшками придают липицкому керамическому комплексу своеобразную окраску, так как они не свойственны другим группам памятников «полей погребений» на территории СССР⁸. Однако сосуды выделенных М. Ю. Смишко форм пока не найдены на Лукашевском

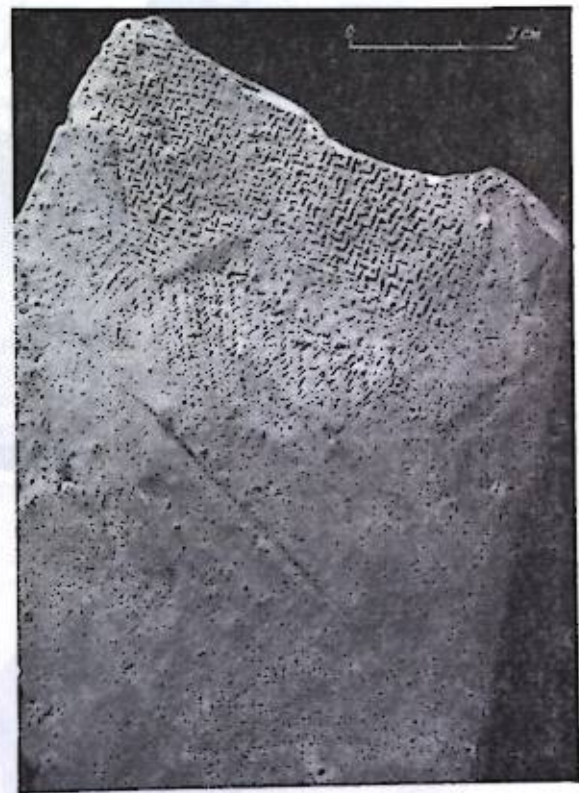

Рис. 29. Отпечаток ткани на стенке сосуда, найденного на Лукашевском селище.

и Солонченском селищах, расположенных на территории Среднего и Нижнего Поднепровья. Следовательно, можно говорить лишь о наличии отдельных липицких элементов в культуре исследуемых нами памятников (сходство кувшинов из Лапушны и из погребения в Городнице).

Керамика Солонченского и Лукашевского поселений наиболее близка к посуде черняховских памятников Поднепровья (могильники близ сел Черняхово, Ромашки, Гавриловка, Каменка). Отметим и тождественные формы: сферические горшки на плитчатом поддоне, вытянутые стройные горшки и горшочки с плоским дном и желобчатым орнаментом, серолоощеные кубки

⁸ М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднепровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 69, 74.

и т. д. Миски серолощенные и черилощенные сходны, но не тождественны. Анализ керамики в целом дает право говорить о том, что в солонченских и лукашевских материалах мы сталкиваемся с проявлениями культуры, весьма близкой, родственной, но не идентичной черняховской.

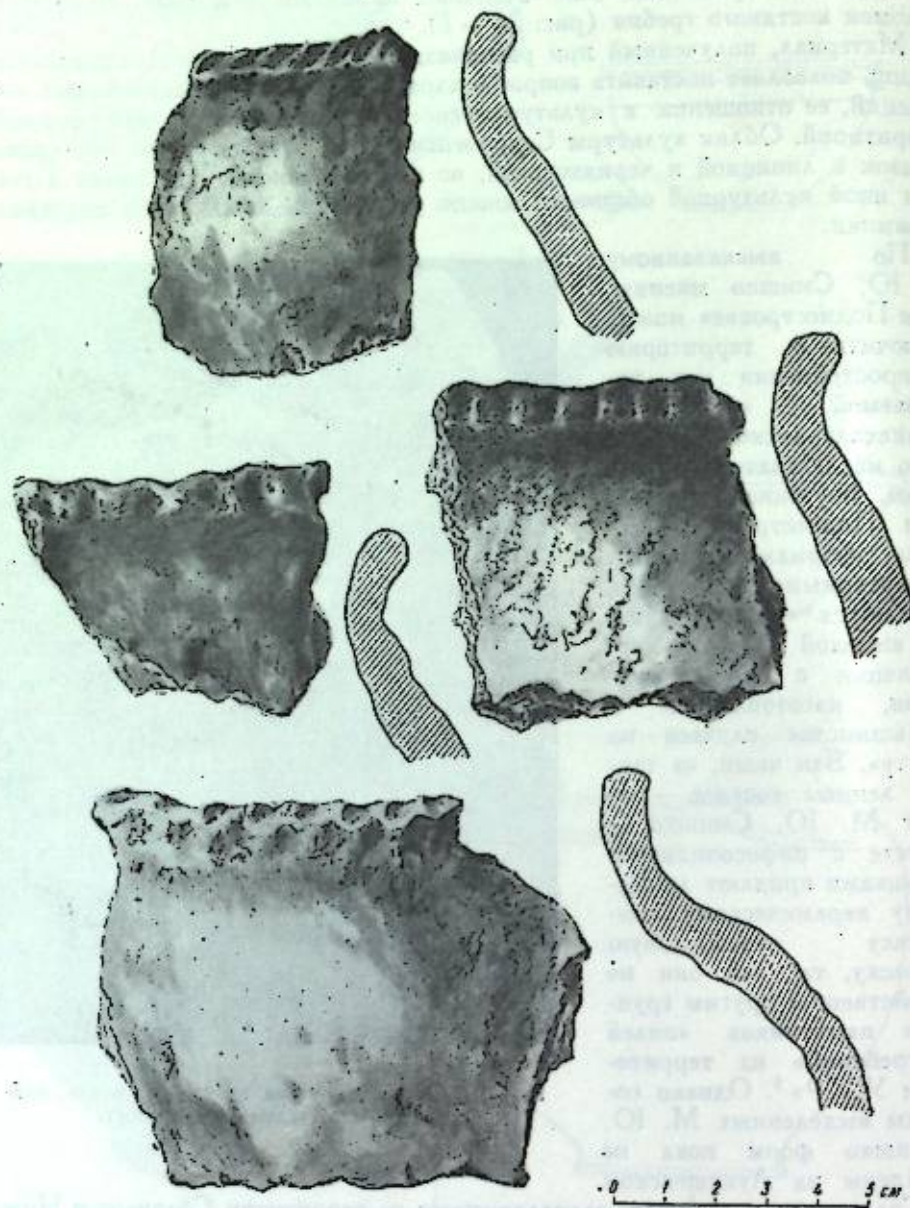

Рис. 30. Лепная керамика с селища Сок.

Нельзя пройти и мимо сходства сферических сосудов, мисок из поднестровских (раскопанных нами) памятников, с одной стороны, и синхронных поселений Подунавья⁹, — с другой. Близость форм керамики служит свидетельством культурных и экономических связей между населением Поднепровья, Поднепрорья и Подунавья в первые века нашей эры.

⁹ «Şantierul Spanşov». Studii şi cercetări de istorie veche, t. IV, № 1—2, 1953, стр. 231, 232, 237.

Жизнь на поселениях Лукашевском, расположенном в кодрах (лесу), и Солонченском, находящемся на днепровском водном пути, прекратилась в IV в. н. э. Однако признаков быстрого, одновременного разрушения — следов пожара, больших скоплений вещей и костей — не обнаружено. Жители успели уйти и унести имущество от неприятеля. Этим неприятелем, по-видимому, были гунны, которые вторглись в Поднепровье в IV в. н. э.

Материал по истории Поднепровья второй половины I тысячелетия н. э. получен при небольших раскопках селища Сок, расположенного на 1,5 км севернее с. Требужены на пойменном мыске, образованном излучиной правого берега р. Реут. Вскрыт прямоугольный очаг из крупных камней, площадью $1,25 \times 0,75$ м, высотой 0,15 м, перекрытый скоплениями древесного угля и золы. Очаг находился вне дома, во дворе. На селище найдены костяная рукоятка ножа с поперечными надрезами орнамента екимауцкого типа и обломок цилиндрического точильного камня с квадратным отверстием для надевания на ось. Наряду с древнерусской керамикой, сделанной на круге, при раскопках обнаружена своеобразная лепная посуда (рис. 30). Это обломки больших толстостенных плоскодонных горшков из грубого серого и бурого теста с примесями крупного песка и дресвы. Для них характерны слабо выраженные плечи и слегка отогнутые венчики с нарезкой или вмятинами. Типологически эта посуда близка и предшествует керамике екимауцкого типа и напоминает в особенности верхнеднепровскую лепную керамику второй половины I тысячелетия н. э. Изучение памятников VI—IX вв. такого типа даст возможность проследить генезис древнерусской культуры Поднепровья.

Важнейшей задачей является изучение взаимоотношений между древнеславянской культурой, характеризующейся лепной керамикой, найденной на селищах Сок и Тарасовском¹⁰, и культурой «полей погребений» солонченского типа (с ее керамикой, сделанной на круге) и, в особенности, лукашевского типа, где сочетается лепная и гончарная посуда.

¹⁰ Селище Тарасовское открыто в 1953 г. на территории с. Тарасово, Резинского района, МССР. В стенке строительной траншеи обнаружены контуры ям, угольки и фрагменты лепной посуды, напоминающей найденную на селище Сок.

Л. В. АРТИШЕВСКАЯ

РАЗВЕДКА В ВЕРХОВЬЯХ ДЕСНЫ

Летом 1954 г.¹ была произведена небольшая разведка по правому берегу р. Десны в пределах Рогнединского района Брянской области, от станции Гобики до станции Рековичи. Соседние с Рогнединским районы Брянской области вниз по течению Десны (Жуковский и Трубчевский) в прошлом обследовались². В Жуковском районе работала экспедиция под руководством Б. А. Рыбакова (в 1949 г.), а в Трубчевском — Деснинская экспедиция под руководством М. В. Воеводского (в 30-е и 40-е годы). Было выявлено, что по правому берегу Десны, на ее среднем течении, располагаются ранние городища, относящиеся к юхновской культуре, которые занимают и правые притоки Десны. Следовало выяснить, есть ли эти городища выше по Десне, где проходит граница распространения памятников юхновской культуры, и каков характер ранних городищ в этом районе.

Первое открытое нами городище на правом берегу Десны ниже станции Гобики — городище Тихая Пристань расположено неподалеку от деревни того же названия (рис. 31—2). Среди поросших лесом, высоких, обрывистых отрогов берега городище занимает наиболее высокую точку, доминирующую над ближайшими окрестностями, на холме с очень крутыми склонами, отдельно стоящем у Десны. Площадка городища округлая (диаметр — около 50 м), с кольцевым валом (рис. 32—1), более высоким с юго-западной стороны; оно сильно поросло лесом и кустарником. На городище был заложен небольшой шурф, показавший, что культурный слой здесь достигает 0,6—0,7 м мощности и не очень насыщен. Наряду с тонкостенной керамикой в небольшом количестве в шурфе встречена толстостенная лепная керамика, близкая роменской.

Недалеко от городища Тихая Пристань в стороне от Десны, на берегу ее маленького притока р. Вороновки, расположено Федоровское городище (у дер. Федоровка). Оно — небольших размеров, треугольной формы и обращено мысом к пойме речки. Площадка его резко наклонна в направлении с востока на запад, т. е. в сторону поймы. Длина площадки от основания вала до мыса — около 30 м, в наиболее широкой части у вала в направлении с юга на север — около 35 м. Городище отделено от плато крутым валом почти четырехметровой высоты и рвом глубиной 2 м. Культурный слой небольшой — 0,4 м и довольно слабо насыщен. В шурфе (1×1 м) собрана сероглиняная лепная, довольно тонкостенная керамика без орнамента, со слабо профилированными венчиками. Она сильно отличается от найденной на городище Тихая Пристань.

На другом притоке Десны между деревнями Снопоть и Балочка расположено городище, известное у местного населения под названием «Пятачок» (рис. 31—3). Площадка его, неправильной округлой формы, наклонна к пойме ручья; склоны крутые, отвесные, а на северном и южном склонах

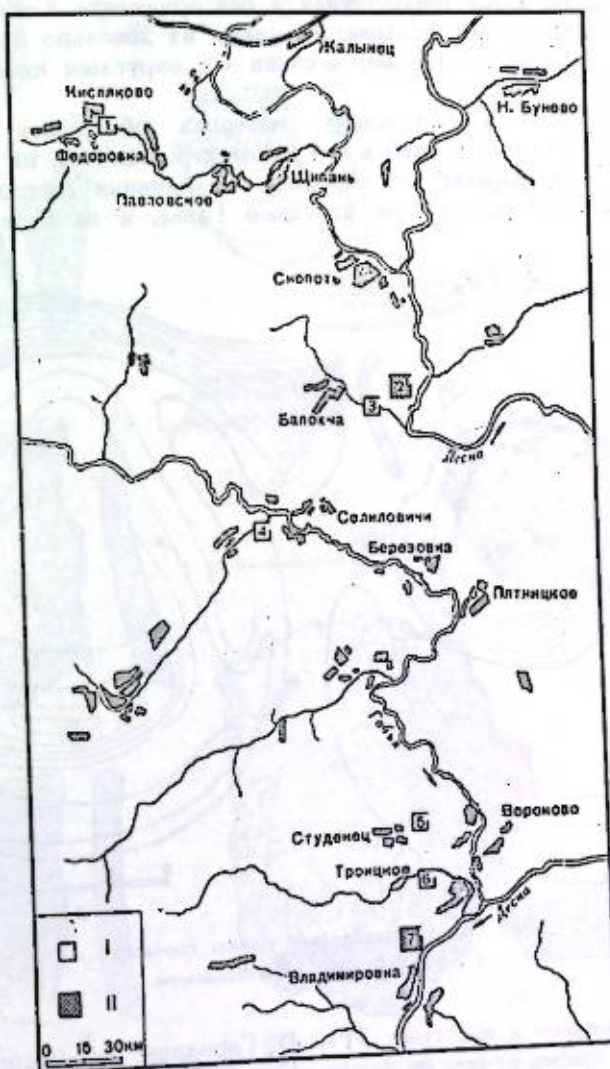

Рис. 31. Карта расположения городищ.

1 — Федоровское; 2 — Тихая Пристань; 3 — Балочка; 4 — Снопоть; 5 — Студенец; 6 — Звезда Кургана; 7 — Владимирское; I — городища по притокам Десны; II — городища по берегу Десны.

прослеживаются дополнительные эскарпы. От плато городище отделено очень невысоким, оплывшим валом; рвы не прослеживаются. Площадка городища сравнительно небольшая; в наиболее широкой части, обращенной к ручью — на юго-запад, ее ширина составляет 40 м. Восточная сторона (длиной 25 м) задернована и в некоторых местах поросла кустарником. Небольшой шурф, заложенный здесь, показал, что культурный слой достигает толщины 0,8—0,9 м. В шурфе обнаружена керамика (рис. 33—1, 2, 4), а на глубине 0,55 м от поверхности найдена бронзовая конусообразная серьга (рис. 33—3). Подобные серьги распространены в Среднем Приднпровье на памятниках скифского времени и датируются

¹ Отрядом Лесостепной экспедиции ИИМК под руководством М. Е. Фосс.

² В обследовании участвовали сотрудники Трубчевского музея В. А. Падин и В. П. Левенок.

VI—V вв. до н. э. Совершенно аналогичная бронзовая серьга встречена в нижних слоях городища Овстуг (раскопки 1954 г.), которые датируются V—VI вв. до н. э.³ Эта находка позволяет датировать городище у д. Балохча и другие памятники с такой же керамикой.

Вся керамика здесь тонкостенная и без орнамента. Сосуды плоскодонные, лепные, серого или желтоватого цвета, из довольно плохо промешанной глины с примесью дресвы; венчики—с округлым краем, слабо профилированы.

Очень близкий к описанному материал обнаружен на городище у дер. Селиловичи, находящейся в 4 км от дер. Балохча, на р. Габье, притоке Десны. Характерно, что городище Селиловичи расположено, как и описанные выше городища, не на самой Габье, а на берегу маленького

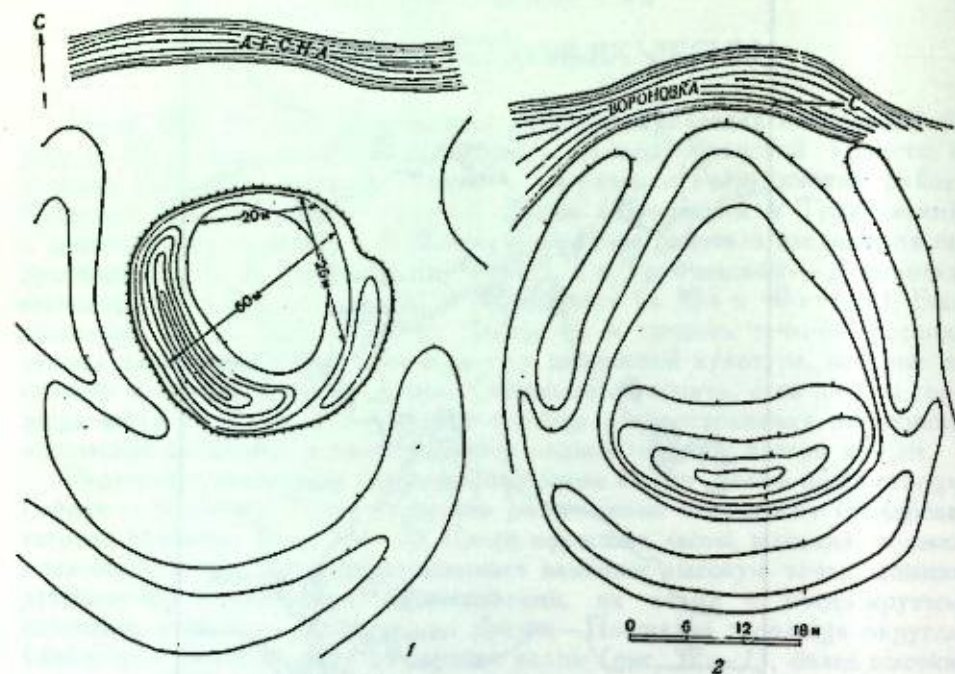

Рис. 32. Схематические планы городищ.
1 — Тихая Пристань; 2 — Федоровское.

ручейка, впадающего в нее (рис. 31—4). Городище небольшое. Площадка его наклонна к пойме ручья, по форме овальная, сужающаяся к мысу, более широкая у основания вала; длина ее от мыса до вершины вала—24 м, ширина у вала—18 м. Большая часть городища занята современным кладбищем. Культурный слой (0,6—0,7 м) насыщен незначительно. В шурфе собрана тонкостенная лепная керамика с примесью дресвы в тесте, красноватого и серого цвета с хорошо заглаженной или шероховатой поверхностью. Она очень похожа на керамику с Федоровского городища.

Близкое по топографии городище находится в урочище Змеев Лог, неподалеку от дер. Владимировка, на северо-запад от нее, справа от дороги Владимировка—Рогнедино. Среди местного населения городище называется «Змеев Курган» (рис. 31—6). Как и описанное выше, оно расположено у маленькой речки Рухли, притоке Десны, на пологом холме. Края площадки резко обрезаны; она—удлиненно-овальной формы, с сильным наклоном к пойме речки и постепенным повышением к валу. За валом

³ Раскопки автора. Материал хранится в ИИМК.

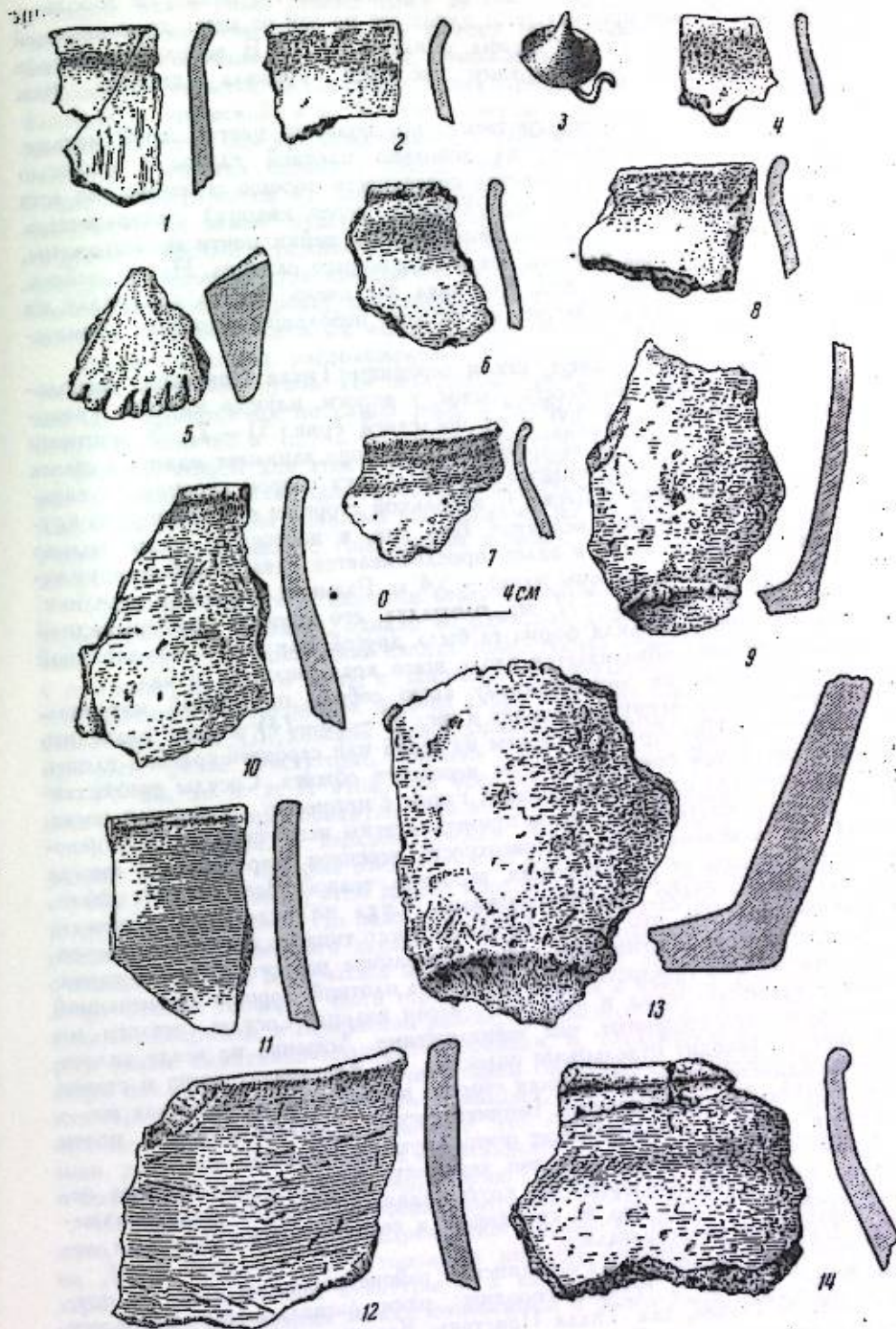

Рис. 33. Находки на деснинских городищах.
1, 2, 4 — фрагменты керамики с городища Балохча; 3 — медная серьга с городища Балохча; 5 — обломок грузила; 6—9 — фрагменты керамики (5—9 — с городища Змеев Курган); 10—14 — фрагменты керамики с Владимировского городища.

городище соединяется с плато узким перешейком. По размерам городище значительно больше предыдущего; длина его по оси от мыса до наивысшей точки вала — около 75 м, ширина у вала — 18 м. В небольшом шурфе собрана керамика и обнаружен обломок грузила дьякова типа (рис. 33 — 5—9).

Керамика лепная, преимущественно красноватого цвета; серой меньше. Сосуды очень тонкостенные, из довольно плотной глины с примесью дресвы. У большинства фрагментов поверхность хорошо сглажена, но есть черепки с шероховатой (от выступающих зерен кварца) поверхностью. Венчики сосудов очень слабо профилированы, шейки почти не выражены, срез округлый. Днища плоские, без выступающего рантика. Ни на шейках, ни на стенках орнамента нет. Керамика эта очень близка материалу из нижних слоев городища Овстуг, на котором небольшие раскопки производились в 1949 и 1954 гг.⁴

Владимировское городище, как и городище Тихая Пристань, расположено непосредственно на берегу Десны, у дороги, идущей из дер. Троицкое во Владимировку, в 500 м от последней (рис. 31 — 7). У местного населения оно называется «Курганом». Городище занимает один из самых высоких отрогов крутого правого берега, с двух сторон ограничено оврагами, мысом обращено к Десне. С напольной стороны оно защищено крутым валом, за которым, вероятно, был ров, в настоящее время сильно заплывший: между плато и валом прослеживается едва заметное понижение. Высота вала со стороны плато — 5,4 м. Размеры городища невелики: длина — 23 м, ширина — 17 м; площадка его теперь трапециевидной формы, но первоначальная форма ее была другой, так как с юго-западной стороны городище обваливается вдоль всего края, включая и вал.

В обнажениях по юго-западному краю собран подъемный материал. Найденную здесь лепную керамику (рис. 33 — 10—14) можно разделить на 2 группы. Одна группа — сосуды из серой или серовато-красной глины, часто с пятнистой поверхностью от неровного обжига. Сосуды тонкостенные, из довольно плохо промешанной глины с примесью дресвы или песка. В тесте большинства фрагментов примесь дресвы незначительна, а у некоторых она заменена песком. Поверхность черепков шероховатая; иногда заметны борозды от заглаживания, вероятно, травой. Все сосуды гладкие, без орнамента, слабо профилированные. Судя по отдельным черепкам, можно предполагать, что сосуды были баночного типа, различных размеров.

К другой группе относятся лощеная керамика черного и светло-коричневого цвета. Она толстостенная, выделана из плотной, хорошо промешанной глины с примесью песка и отдельных зерен кварца. Сосуды светлого лощения более толстостенные, чем чернолощенные. Лощение не везде сплошное, иногда проходит отдельными полосами. На фрагментах днищ и стенок лощение одностороннее, внутренняя сторона не отделана; на венчиках же — более тщательное, двустороннее. Венчики сосудов, светлых и черных, почти прямые в профиле и принадлежат очень крупным горшкам.

Кроме описанной выше лепной керамики, на городище найдено несколько фрагментов сделанной на круге славянской посуды великокняжеского времени. До сих пор на городищах и селищах Десны подобная лощеная керамика не встречалась.

В результате разведки в Рогнединском районе можно выделить по правому берегу Десны 2 группы городищ: одни располагаются по берегу самой Десны (такие, как Тихая Пристань, Владимировское), другие — по ее небольшим притокам. Городища первой группы удалены одно от другого, различны по топографии и вместе с тем отличаются от городищ второй группы, по сравнению с которыми они, пожалуй, более укреплены; очер-

⁴ Раскопки автора.

тания их валов более резкие. Вряд ли оба из названных городищ первой группы можно отнести к одному и тому же времени. Судя по скудному материалу, собранному нами, они одновременны, но разница во времени небольшая. Наличие на городище Тихая Пристань толстостенной керамики, близкой к роменской, а на Владимировском — толстостенной лощеной позволяет отнести оба эти памятника к I тысячелетию н. э., точнее, — к его середине. Лощеная керамика такого типа, как на Владимировском городище, не встречается на ранних, например, юхновских городищах Десны (там имеются только отдельные фрагменты довольно тонкостенной чернолощенной скифской керамики); нет ее и на более поздних памятниках зарубинецкого времени. Она появляется на Десне в послезарубинецкое время. Окончательную датировку памятников можно установить только при проведении раскопок, здесь же мы даем лишь предварительную.

Другие городища, расположенные по притокам Десны, могут быть причислены к одной группе. Их объединяет прежде всего расположение: все они размещаются не по самой реке, а несколько в стороне — на мелких притоках, обычно в 1,5—2 км от места впадения в Десну.

Второй, общей для этих городищ особенностью является резко наклонная к пойме реки площадка городища. Культурный слой на них почти одинаков; он несколько разнится по толщине, но на всех памятниках однороден. По сравнению с городищами юхновской культуры слой насыщен незначительно.

Собранный материал слишком невелик, чтобы можно было дать полную характеристику городищ, однако он одинаков для всех памятников этого типа. Всюду есть однотипная лепная тонкостенная керамика без орнамента, с примесью дресвы в тесте, с одинаковой профилировкой сосудов. Подобная керамика обнаружена в нижних слоях городища Овстуг, находящегося ниже по Десне (Жуковский район Брянской области), на ее небольшом притоке — речке Овстуговке. Нижние слои этого городища датируются V—IV вв. до н. э. К этому же времени, вероятно, следует отнести и остальные городища, обнаруженные во время нашей разведки.

Таким образом, в верхнем течении Десны выявляется новая группа ранних городищ, которые отличаются от юхновских.

На Десне именно в этом районе проходит граница распространения тех и других памятников. Но надо предполагать, что здесь же будут открыты памятники и смешанного характера, т. е. на городищах описанного типа, очевидно, должна встречаться юхновская керамика, как например, на городище Овстуг. Какая-то часть территории занята и теми, и другими памятниками; например, в Жуковском районе, где расположено городище Овстуг, есть также памятники юхновского времени, и, следовательно, резкой границы нет. Синхронны ли эти памятники городищам юхновской культуры, или время их лишь частично совпадает, — выяснит лишь дальнейшее исследование. Можно предположить, что городища, подобные публикуемым, расположены не только в Рогнединском районе, но распространяются и выше по Десне, заходя на территорию Владимировское, где обнару-

жены керамика, вероятно предроманского времени, до сих пор неизвестная на Десне. Раскопки этого городища помогут выяснить его датировку и характер материальной культуры и в какой-то мере заполнить большой хронологический разрыв между юхновскими и роменскими памятниками на Десне.

Ю. В. КУХАРЕНКО

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ И СЕЛИЩЕ ХОТОМЕЛЬ

(Предварительное сообщение)

Среди обширных, местами заболоченных и покрытых кустарником лугов в низовьях р. Горыни нередко встречаются небольшие песчаные возвышенности. На наиболее крупных из них, не заливаемых в половодье, расположены современные полесские хутора и деревни. На этих же возвышенностях находились поселения и в древности. Одно из таких древних поселений возле дер. Хотомель, Давид-Городокского района, Брестской области в последние 2 года исследуется Полесским отрядом Славянской экспедиции ИИМК¹.

Поселение находится в 2 км к юго-западу от дер. Хотомель, на хуторе Городище. Хутор занимает возвышенность, тянущуюся узкой полосой с востока на запад. Поселение находится на ее западной оконечности и состоит из 2 частей — городища и селища. Городище охватывает наиболее узкую часть возвышенности, к которой с севера и с юга вплотную примыкает заболоченный луг. Раньше, по рассказам старожилов, на месте болота протекала небольшая речка, огибавшая всю западную оконечность возвышенности. В настоящее время от речки сохранилась лишь старица, примыкающая к возвышенности с запада. Городище, таким образом, с трех сторон было надежно защищено рекой и болотами, и лишь с восточной к нему можно было подойти по суше. В половодье же, когда вода заливала луга, на городище попадали только на лодках.

Северный и южный склоны возвышенности круто спускались к реке, и, таким образом, с двух сторон городище было надежно защищено; строителям оставалось укрепить лишь две остальные — западную и, особенно, восточную. С этой целью было насыпано по два дугообразных земляных вала с той и другой стороны. Между валами, а также с напольной стороны внешних валов вырыты рвы. Кроме того, северный и южный края площадки городища были подсыпаны. Образовавшаяся при этом площадка в плане имеет форму небольшого овала, слегка вытянутого с запада на восток. Длина ее — около 40 м, ширина — немногим более 30 м. Высота над уровнем луговой поймы — около 7 м. В настоящее время площадка городища распаивается, но сравнительно еще недавно она была покрыта лесом, от которого уцелели лишь несколько кустарников и большой дуб в северной части. Во время распахивки полностью уничтожена подсыпка северного и южного краев площадки и повреждены валы, особенно — внешние.

Сразу же за внешними валами, т. е. с востока и запада, располагается одновременное городище селище. На небольшом отроге возвышенности,

¹ Раскопками руководил автор. Материалы из раскопок поступили в Пинский краеведческий музей. Часть вещей передана в ЛГУ.

примерно в 200 м к юго-востоку от городища, ранее крестьянами случайно был обнаружен бескурганый могильник с трупосожжением.

Раскопки производились нами на городище и на части селища, примыкающей с востока. Вскрыта почти вся площадка городища и более 700 кв. м на селище².

Мощность культурного слоя на площадке городища не везде одинакова. В центральной части она не превышает 0,4 м, к краям же толщина слоя увеличивается и доходит до 1—1,5 м, а местами — до 2 м. На участках, примыкающих к валу, культурный слой отчетливо делится на 2 горизонта мощной зольно-угольной прослойкой, которая как бы окаймляет площадку со всех сторон. Толщина ее достигает 0,2 м, ширина — 4 м и более. Нет сомнения, что прослойка образовалась в результате пожара. Сейчас, когда исследование городища не завершено, трудно сказать, остатки ли это сгоревших и обрушившихся вниз деревянных укреплений вала, или же каких-то сгоревших сооружений, находившихся на самой площадке городища. Последнее предположение более вероятно, так как в материке под зольно-угольным слоем нами обнаружены следы таких построек. Это большие, но неглубокие корытообразные углубления, расположенные по кругу. Возле некоторых из них отмечены небольшие ямки от столбов. Постройки эти не были жилищами. Ни в одной из них не обнаружено остатков печей, очагов или каких-либо вещей, свидетельствовавших о постоянном обитании. По размерам и форме они резко отличаются от жилищ, вскрытых нами на селище рядом с городищем.

В центральной части городища никаких сооружений не оказалось. Их не было здесь ни до пожара, ни после него.

В верхнем горизонте культурного слоя, т. е. в слое, залегающем выше зольно-угольной прослойки, удалось кое-где проследить остатки наземных столбовых сооружений располагавшихся на тех же самых местах, что и первоначальные постройки. Возле некоторых из них обнаружены зольные пятна небольших костров.

Среди находок из культурного слоя, как обычно, преобладают обломки глиняных лепных и гончарных сосудов. Большинство из них группировалось возле отмеченных выше костров. Из других вещей чаще всего встречались предметы вооружения и конского снаряжения, реже — украшения. Орудий труда, если не считать глиняного пряслица, нет. Как и обломки глиняных сосудов, все эти вещи найдены по краям площадки. В центре городища находок не было.

Предметы вооружения представлены, главным образом, железными наконечниками стрел и копий. Из 15 найденных наконечников стрел шесть больших двухшиповых, втульчатых (рис. 34—6, 10), один такой же, но черешковый (рис. 34—9), пять плоскоромбических (рис. 34—1, 8), два трехперных черешковых (рис. 34—2, 3) и один трехгранный желобчатый (рис. 34—7). Встречены также 3 наконечника копий, точнее, — сулиц (рис. 34—4, 5) и наконечник дротика. Особенно интересна находка 3 железных пластинок от панциря (рис. 34—11).

Из предметов конского снаряжения следует отметить железные удила (3 экземпляра). Двое из них — обычного кольчатого типа, с подвижным трензелем (рис. 34—15), третий — такие же, но с неподвижными кольцами.

Сравнительно часто встречались железные ножи с прямой или слегка горбатой спинкой (рис. 35—3). Остальные вещи представлены единицами. Среди них — глиняное биконическое пряслице (рис. 35—13), пастовая красная бусина с желтыми глазками (рис. 34—12), 2 железные поясные пряжки (рис. 35—11, 12), серебряное височное кольцо (рис. 34—14).

² В дальнейшем, наряду с продолжением работ на городище и селище, намечено вести раскопки и на могильнике.

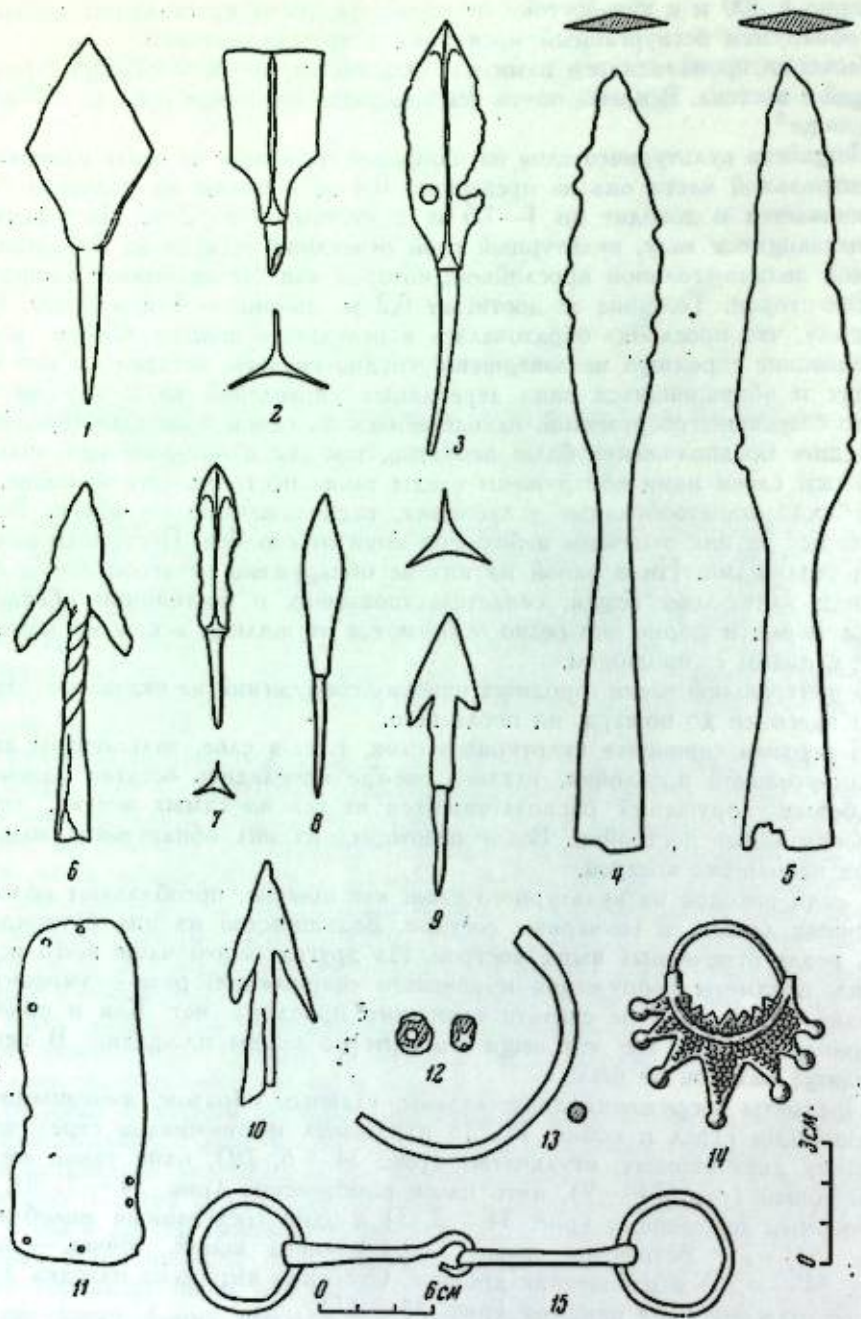

Рис. 34. Вещи с городища Хотомель.

1-3, 6-10 — наконечники стрел; 4, 5 — наконечники копий; 11 — пластинка от панциря; 12 — бусина; 13 — обломок браслета; 14 — писочное кольцо; 15 — ушко.

обломок литого серебряного браслета со слегка утолщенными концами (рис. 34—13), 2 железных кресала (рис. 35—8, 9) и несколько фрагментов каких-то железных поделок.

В отличие от городища, где не было обнаружено постоянных жилищ, во время раскопок селища на сравнительно небольшой площади нами вскрыты остатки 11 жилищ типа полуземлянок. Все они прямоугольные в плане, средний размер их — 6×4 м. В каждом имелась глинобитная

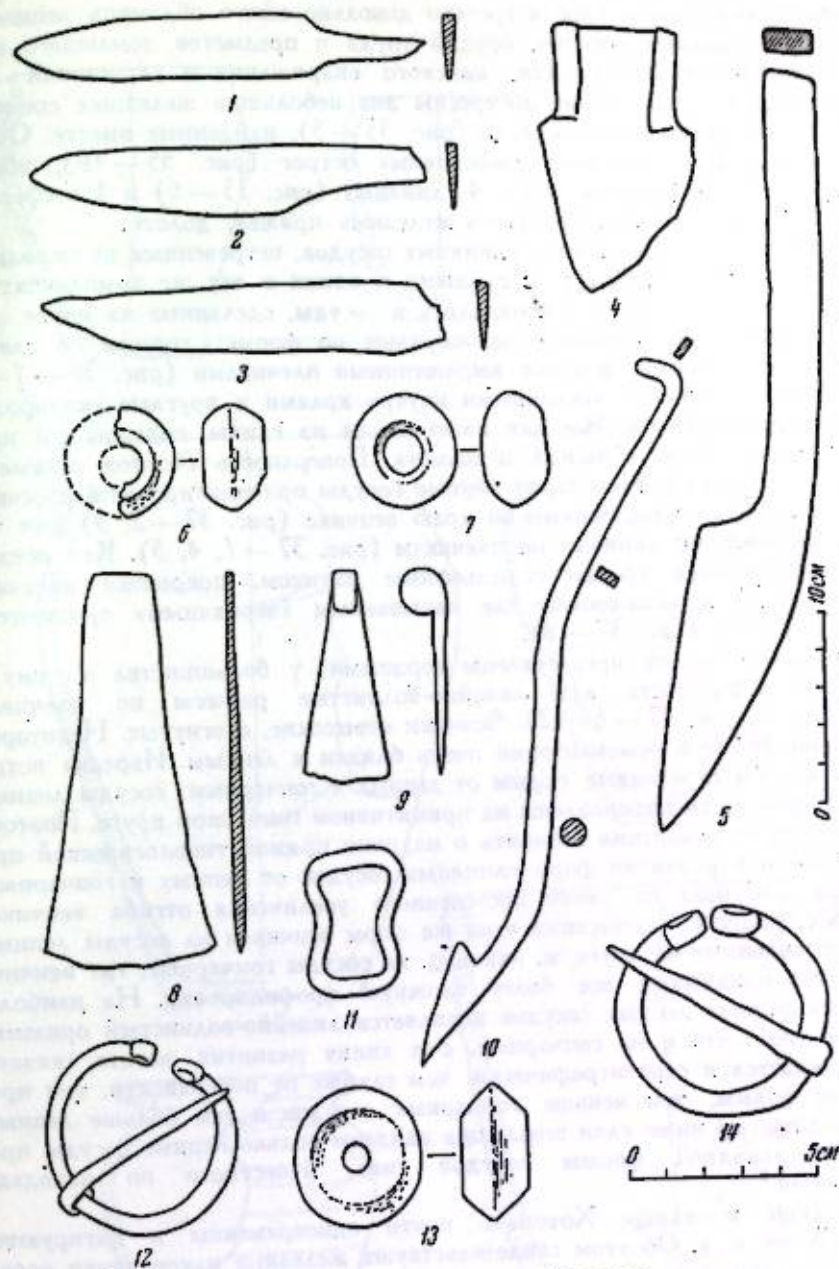

Рис. 35. Вещи с городища Хотомель.

1-3 — ножи; 4 — сошник; 5 — чертало; 6, 7, 13 — пряслица; 8, 9 — кресала; 10 — рыболовная острога; 11, 12, 14 — полевые пряжки.

печка, устроенная на деревянном каркасе. В некоторых полуземлянках обнаружены небольшие погребки. Возле жилищ обычно размещались различные ямы хозяйственного назначения, многочисленные ямки от столбов. Возле одной из полуземлянок оказались остатки надворной глинобитной печи того же устройства, что и печи в жилищах.

Жилища располагались двумя рядами, шедшими почти параллельно внешнему валу. Расстояние между отдельными полуземлянками колебалось от 1 до 4 м, а между рядами не превышало 2 м.

Следов пожара на вскрытой части селища не обнаружено. В жилищах, а также в культурном слое встречено довольно много обломков лепных и гончарных глиняных сосудов, орудий труда и предметов домашнего обихода. Предметов вооружения, конского снаряжения и украшений нет. Среди орудий труда весьма интересны два небольших железных сошника (рис. 35—4) и железное чересло (рис. 35—5), найденные вместе. Обнаружено несколько железных рыболовных острог (рис. 35—10), ножей (рис. 35—1, 2), обломок серпа, 4 глиняных (рис. 35—6) и 1 шиферное (рис. 35—7) пряслица, несколько железных пряжек, долото.

Подавляющее большинство глиняных сосудов, встреченных на городище и селище, — лепные. Вместе с лепными в одних и тех же комплексах, — например в завале печек, — попадались и сосуды, сделанные на круге.

Лепные сосуды довольно однообразны по форме: горшки со слегка отогнутыми венчиками и слабо выраженными плечиками (рис. 36—1—3, 5), ребристые миски с наклонными внутрь краями и круглые сковородки с невысоким бортиком. Все они изготовлены из глины, содержащей примеси дресвы, песка, а иногда и шамота. Поверхность сосудов сглажена, цвет ее коричневый. Некоторые лепные сосуды орнаментированы насечкой либо пальцевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 37—2, 3) или покрыты волнистыми линиями по плечикам (рис. 37—1, 4, 5). Как исключение встречаются сосуды с рельефным валиком, покрытым насечкой (рис. 36—7) и украшенные так называемым «червячным» орнаментом роменского типа (рис. 37—6).

Гончарные сосуды представлены горшками; у большинства из них — рифленая поверхность или линейно-волнистые расчесы по плечикам (рис. 36—6; рис. 37—8—12). Венчики невысокие, отогнутые. Некоторые сосуды по форме и орнаментации очень близки к лепным. Изредка встречаются как бы переходные формы от лепных к гончарным: сосуды лепные, но в верхней части подправленные на примитивном гончарном круге. Поэтому есть некоторые основания говорить о наличии прямой типологической преемственности в развитии форм глиняных сосудов от лепных к гончарным. Развитие это идет по линии постепенного увеличения отгиба венчиков у лепных горшков, перенесения этих же форм венчиков на сосуды лепные, но подправленные на круге, и, наконец, на сосуды гончарные, где венчики постепенно принимают все более сложную профилировку. На наиболее развитых формах лепных сосудов появляется линейно-волнистый орнамент того же типа, что и на гончарных. Эта линия развития, кстати сказать, подтверждается и стратиграфически: чем глубже от поверхности, тем примитивнее формы, тем меньше гончарных сосудов и тем больше лепных. На городище же ниже слоя пожара найдены только лепные сосуды простейшей, исходной формы сосудов типа, известного по находкам у с. Корчак³.

Городище и селище Хотомель почти одновременны и датируются VIII—IX вв. н. э. Об этом свидетельствуют железные наконечники стрел, обломок серебряного браслета со слегка утолщенными концами, «гитаровидная» пряжка и серебряное семилучевое височное кольцо, прямые аналоги которому есть в известном Железницком кладе, найденном близ Зарайска и содержавшем арабские монеты VIII—IX вв. н. э.⁴ Совершенно такие же гончарные сосуды, как сосуды в Хотомеле, нами обнаружены на поселении в дер. Чаплин, Лоевского района, Гомельской области. Они найдены там вместе со шпорой с загнутыми внутрь концами и инкрустированным бронзой шипом. Подобные шпоры, как известно, обычно датируются

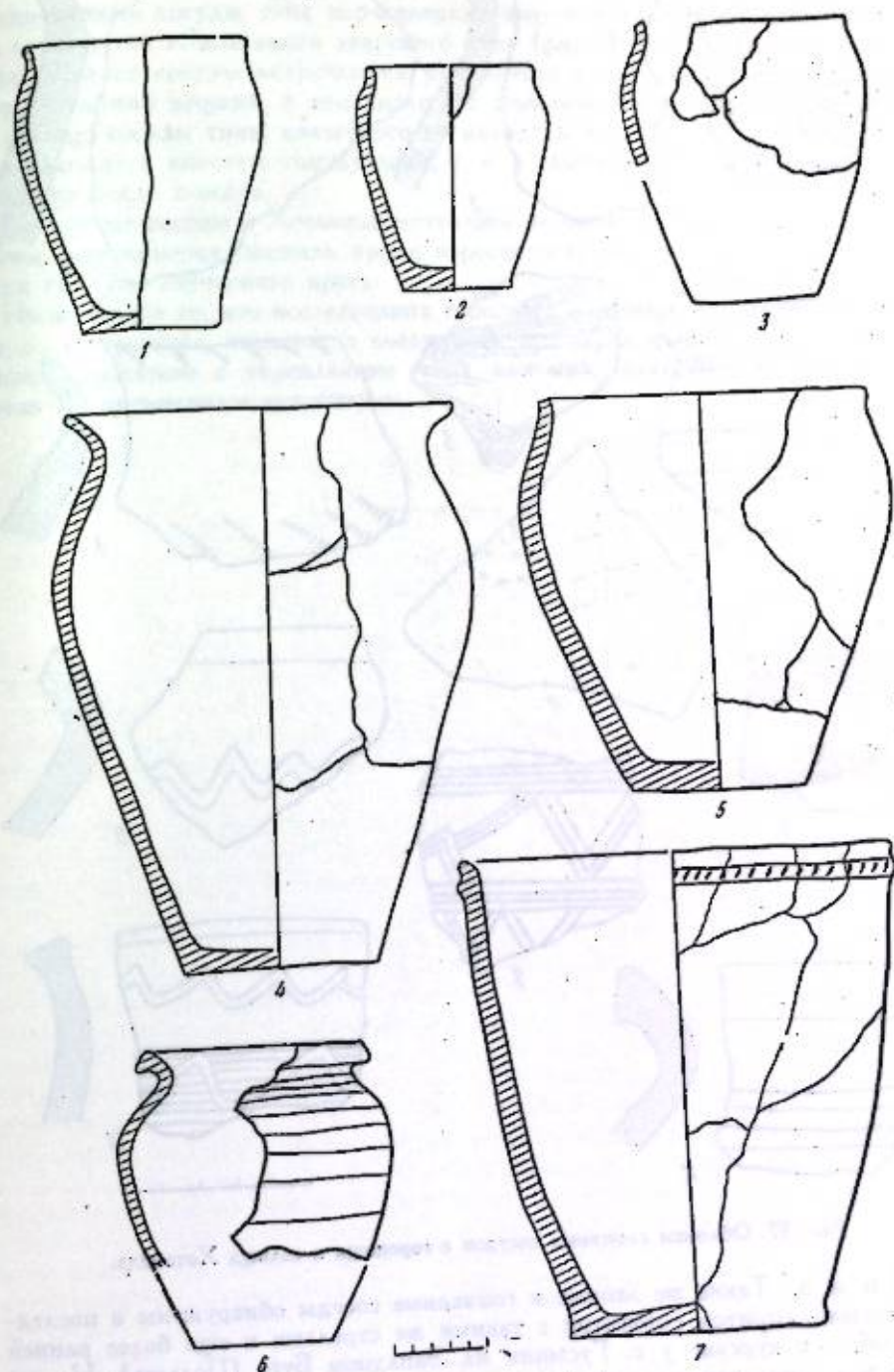

Рис. 36. Глиняные сосуды с городища и селища Хотомель.

³ Ю. В. Кухаренко. О памятниках раннеславянского времени на полесье УССР. КСИИ, вып. 4, 1955, стр. 48; его же. Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—38.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 103—106.

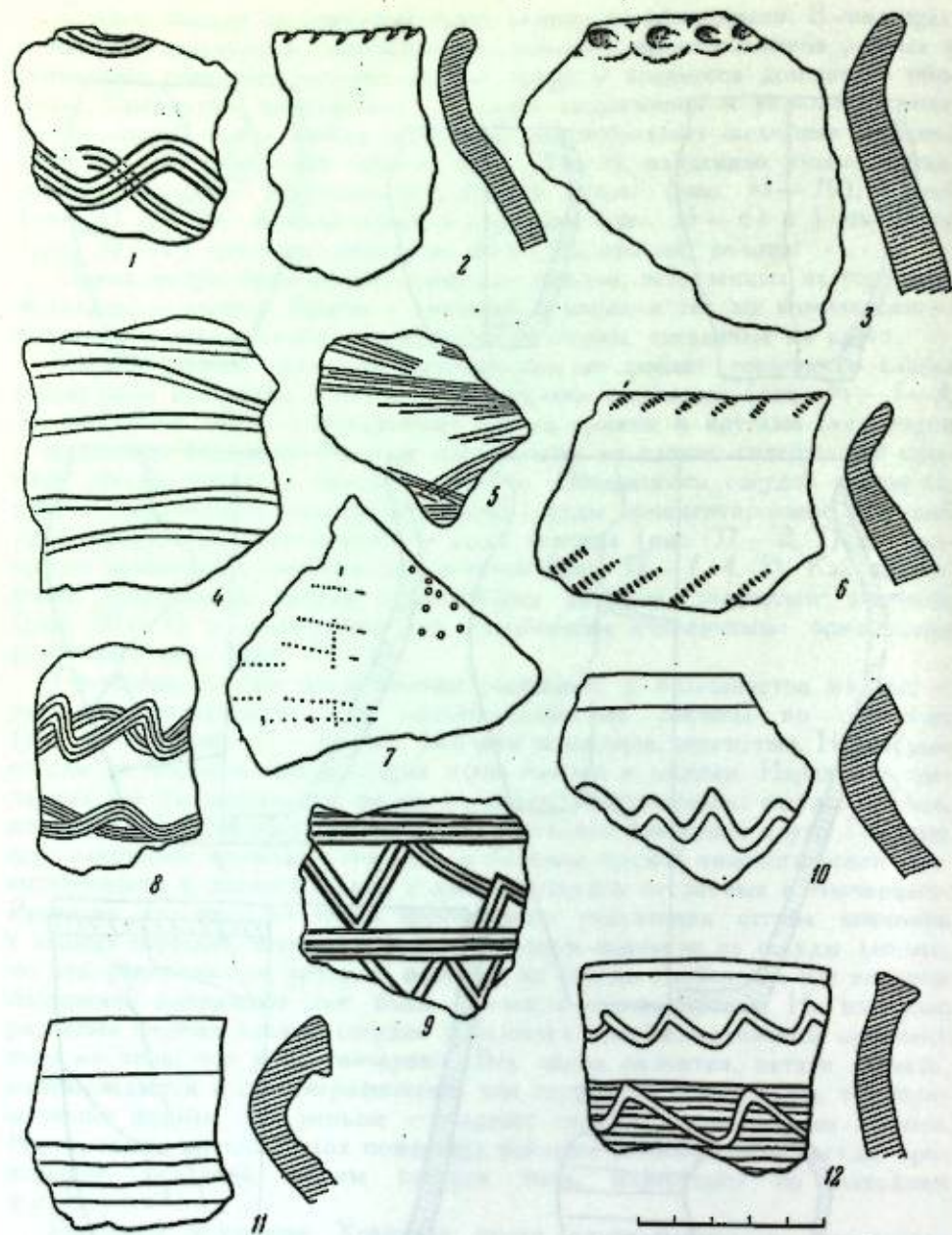

Рис. 37. Обломки глиняных сосудов с городища и селища Хотомель.

VIII в. н. э.⁵ Такие же лепные и гончарные сосуды обнаружены в последнее время, — притом совместно с такими же стрелами и еще более ранней шпорой, — в кургане у с. Гусыня на Западном Буге (Польша). На селище возле кургана, кстати сказать, оказался и сошник, аналогичный найденным нами⁶. Курган относится к VIII в. н. э.

⁵ J. Zak. O chronologii ostrog o zaczepach haczykowatozagiętych do wnętrza z Biskupina pow. Znin. Wiadomości archeologiczne, XX, стр. 277, табл. XXVI, h.

⁶ K. Zurowski i G. Mikolaiczuk. Sprawozdanie z badan kurhanu we wsi Husynne w pow. Hrubieszowskim w 1954 r. Sprawozdania archeologiczne, t. I, Wrocław, 1955, стр. 252—256, рис. 5, 7, 10—11.

Городище, по-видимому, возникло несколько раньше, чем селище, скажем, — в VII в. н. э., ибо в слое, залегавшем ниже пожарища, найдены только лепные сосуды типа корчаковских вместе с трехперым наконечником стрелы так называемого аварского типа (рис. 34—3). Выше слоя пожарища такие сосуды встречаются уже вместе с гончарными и другими, более поздними вещами, в том числе и с семилучевым височным кольцом. На селище сосуды типа, известного по находкам у с. Корчак, с самого начала находятся вместе с гончарными, т. е. в таком же сочетании, как на городище после пожара.

Гончарные сосуды в Хотомеле появились не позже VIII в. н. э. В связи с этим, мне кажется, настало время пересмотреть вопрос о времени появления на Руси гончарного круга.

Несмотря на то, что исследования городища и селища Хотомель далеки еще до завершения, становится очевидным, что перед нами — раннее древлянское поселение с укреплением типа контыни, известной у западных славян по письменным источникам.

Д. Б. ШЕЛОВ

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ
В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Летом 1954 г. были произведены небольшие раскопки раннесредневекового поселения в Восточном Крыму¹. Поселение это обнаружено в 1952 г. при археологической разведке на Керченском полуострове². Оно находится к северо-востоку от современного поселка Алексеевка, примерно в 4 км к северу от дороги Керчь—Феодосия и в 1,5 км к востоку от древнего Узунларского вала. В 1952 г. здесь на поверхности обнаружены фрагменты амфор первых веков нашей эры и само поселение было отнесено к сарматскому времени³. Раскопки поселения в 1954 г. показали неполноту первоначального определения. Хотя и было найдено некоторое количество материала, относящегося к античному времени, но все эти находки обнаружены в более позднем слое в сочетании с фрагментами, датирующимися раннесредневековым временем.

Поселение расположено на берегу ручья на невысоком пологом холме, размером примерно 300 м (с севера на юг) × 150 м (с востока на запад). По всей площади холма на поверхности встречаются фрагменты античной и раннесредневековой керамики.

Раскопками в южной части холма вскрыт небольшой жилой комплекс, состоящий из двух смежных помещений (рис. 38). Несмотря на то, что сохранность кладок очень плохая, — некоторые стены не сохранились вовсе, от других осталось лишь по одному ряду камней, — план одного помещения восстанавливается полностью, а другого — частично. Здание было ориентировано длинными сторонами с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Западное помещение имело в длину 4,3 м, в ширину — 4,2; восточное помещение — той же ширины, но длина его точно не может быть определена; по-видимому оно примерно равнялось по площади западному. Стены постройки были сложены из крупных необработанных камней; щели между ними забиты мелким рваным камнем. Толщина стен колеблется от 0,65 до 0,9 м; кладка — с наклоном, «в елочку» — прием, обычный в раннесредневековых сооружениях Крыма и Тамани. При разрушении стен внутри здания образовались мощные завалы. В северо-западном углу западного помещения находился очаг из крупных камней, в восточной комнате открыта небольшая, вырытая в материке яма хозяйственного назначения (глубиной 0,8 м), обложенная вокруг горловины камнем.

¹ Начальник отряда — И. Т. Кругликова. Раскопки велись на средства Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина. Руководил работами автор настоящей статьи. В раскопках принимали участие О. Д. Дашевская и В. И. Цехмистренко.
² Экспедиция ИИМК под руководством В. Д. Блаватского.
³ См. В. Д. Блаватский и Д. Б. Шелов. Разведки на Керченском полуострове в 1952 г. КСИМК, вып. 58, 1955, стр. 102, местонахождение № 6.

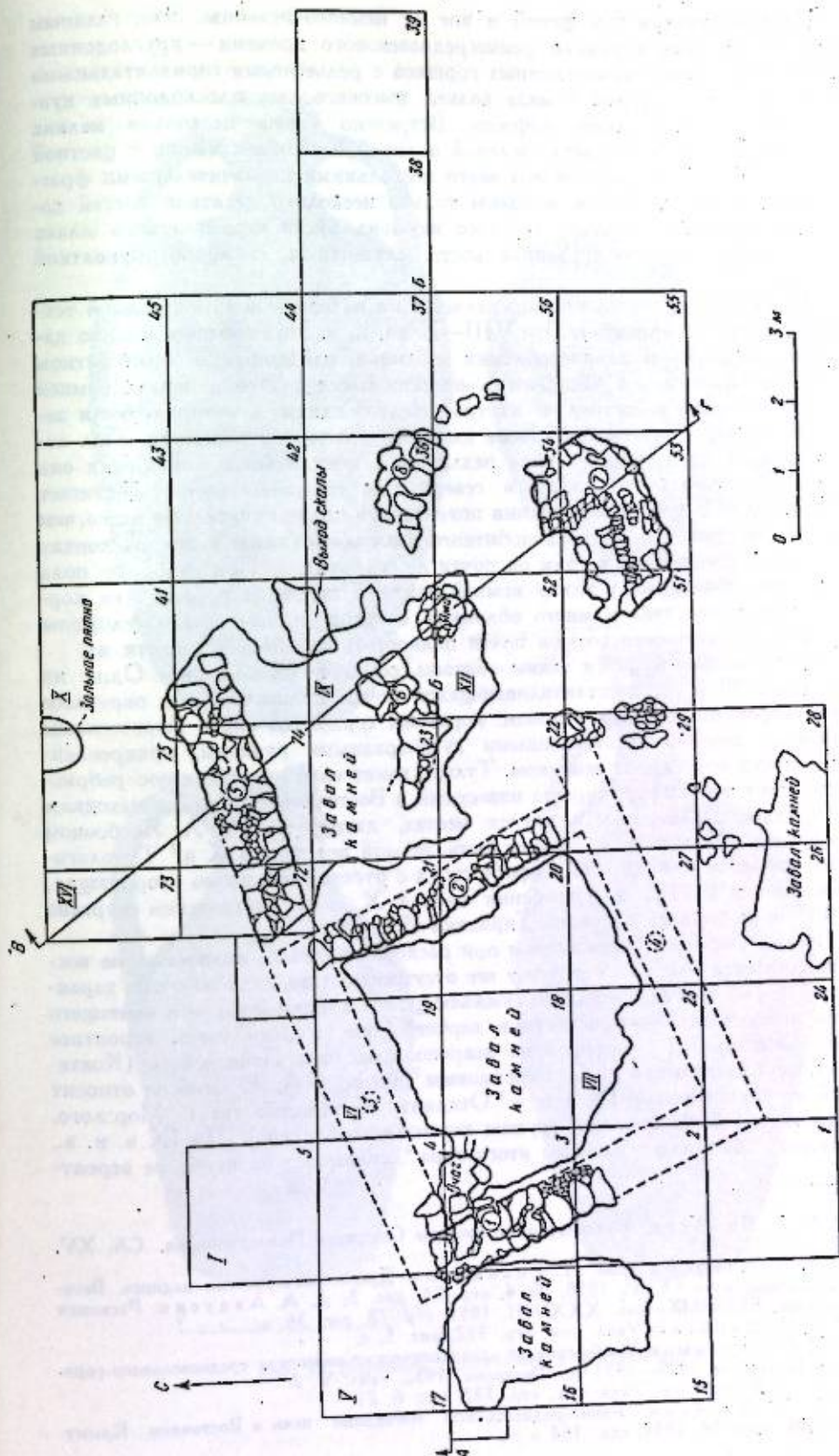

Рис. 38. План раскопки на поселении у с. Алексеевка.

Находки внутри помещений и вне их немногочисленны. Это, главным образом, обломки керамики раннесредневекового времени — круглодонных реберчатых амфор, черноглиняных горшков с рельефными горизонтальными полосами или с узором в виде волны, высокогорлых плоскодонных кувшинов из красной глины, пифосов. Встречено также несколько мелких фрагментов посуды со светло-зеленой поливой и обломков чашки с цветной поливой. Черепица представлена всего несколькими незначительными фрагментами. Кроме керамики, найдены только несколько десятков костей домашних животных, обломки круглого жернова, куски керамического шлака и очень хорошо отполированная кость, служившая, очевидно, рукояткой какого-то орудия.

Время жилого комплекса определяется по находкам и строительной технике (кладка «в елочку»). Это VIII—X вв. н. э. Но особенно хорошо датируют раскопанное здание обломки керамики, найденные в глинобитном полу. Он обнаружен в западном помещении после удаления завала камней по всей площади и состоял из плотной желтой глины, в которую были замешаны и втрамбованы отдельные камни и фрагменты керамики. Пол лежал на материке. Толщина пола различна: в южной части помещения она составляет всего 0,1—0,15 м, в северной и северо-восточной достигает 0,25—0,30 м. В центре помещения поверхность пола значительно ниже, чем у стен. Остатки подобного глинобитного пола обнаружены и при раскопках восточного помещения, но там он почти не сохранился. При разборке пола среди втрамбованных в глину камней найдены половина корыта или кормушки из известняка и много обломков сосудов, причем были уложены черепки, составлявшие сосуды почти полностью или большие части их.

Среди подбирающихся таким образом сосудов — 2 амфоры. Одна из них (рис. 39—1), восстанавливаемая почти полностью, — с округлым дном, коротким, полным туловом, коротким горлом со слабо выраженным венчиком, широко расставленными дугообразными ручками, прикрепленными почти под самым венчиком. Тулово имеет слабо выраженную ребристость. Этот тип амфор, хорошо известный в Восточном Крыму по находкам в Тиритаке, Планерском и других местах, датируется А. Л. Яковсоном в основном IX в. н. э. и, может быть, первой половиной X в.⁴ Типологически наиболее близки этой амфоре сосуд с русской надписью «гороухща», найденный в 1949 г. в погребении начала X в. в Гнездовском кургане № 13⁵, и амфора из раскопок Тиритаки 1946 г.⁶

Вторая амфора, обнаруженная при раскопках 1954 г., полностью не восстанавливается — горло и ручки у нее отсутствуют; но, судя по очень характерной форме тулова, несколько суживающегося в нижней части и имеющего грубо выполненную ребристость в верхней, она должна быть, вероятнее всего, сопоставлена с амфорой из некрополя около с. Планерского (Коктебель), опубликованной Н. С. Барсамовым⁷, которую А. Л. Яковсон относит к той же группе амфор IX в. н. э.⁸ Открытие в окрестностях с. Морского, Судакского района большой группы керамических печей VIII—IX в. н. э., в которых обжигались амфоры этого типа⁹, указывает на наиболее вероят-

⁴ А. Л. Яковсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 332—334.

⁵ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестник Академии наук СССР, 1950, № 4, стр. 74, рис. 3; Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 78, рис. 36, а.

⁶ А. Л. Яковсон. Указ. соч., стр. 332, рис. 5, а.

⁷ Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929—1931 гг. Феодосия, 1932, табл. V, 2.

⁸ А. Л. Яковсон. Указ. соч., стр. 332, рис. 6, 21.

⁹ А. Л. Яковсон. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 164 и сл.

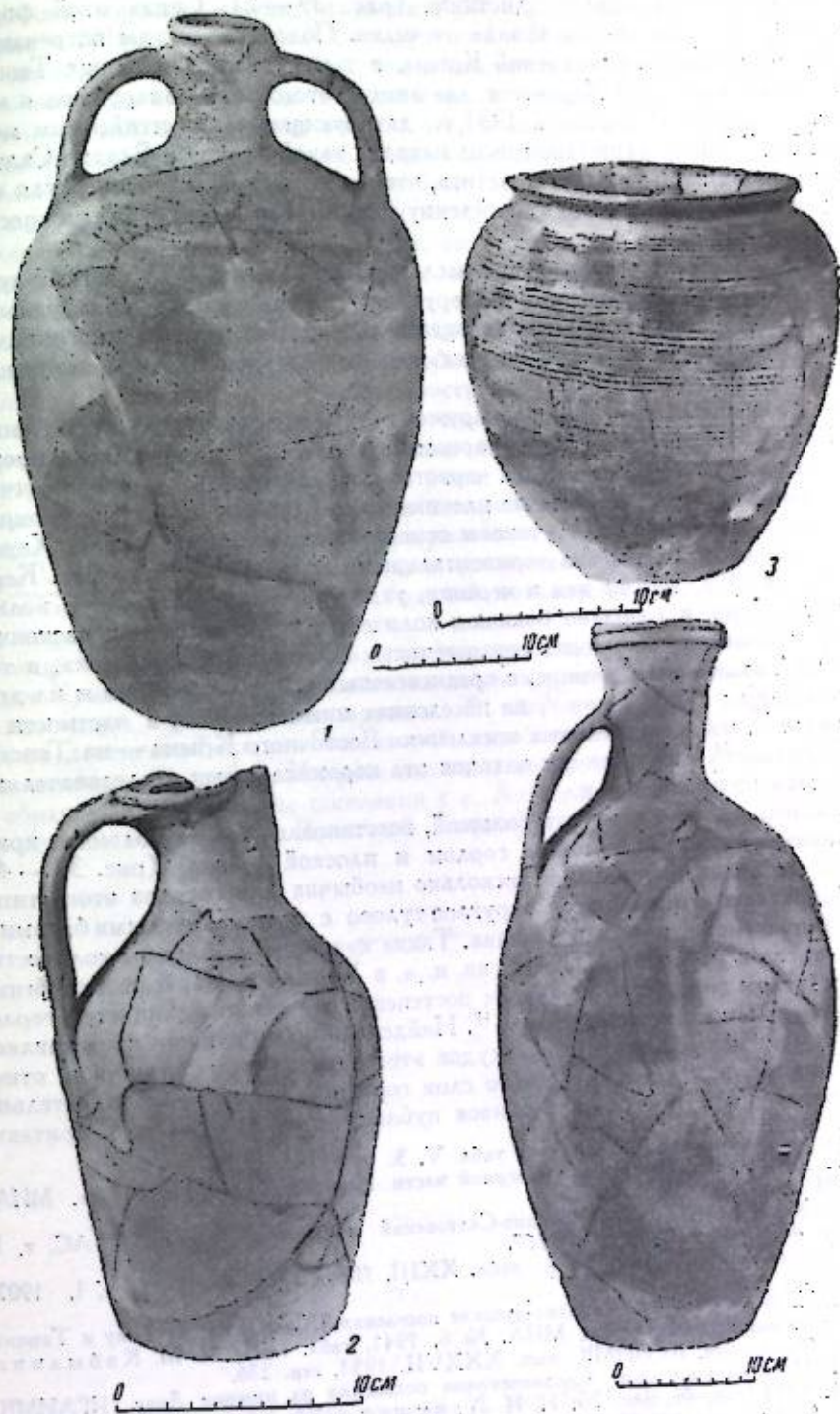

Рис. 39. Керамика с поселения у с. Алексеевка.

ный центр, откуда могла поступать керамическая тара в поселения Восточного Крыма.

Почти полностью собрался из обломков небольшой светлоглиняный кувшинчик с горлом в виде трилистника (рис. 39—2). Связь этой формы с формой античной эпохи вполне очевидна. Подобные сосуды встречаются в ряде средневековых поселений Крыма, в том числе на городище Тепсень в с. Планерском¹⁰ и в Херсонесе, где эпоха этого типа обнаружена в комплексе цистерны И раскопок 1931 г., датирующемся византийскими монетами X в.¹¹ Но особенно интересна находка такой эпохи в Верхне-Салтовском могильнике¹². Следует отметить, что и салтовские, и херсонесская эпохи значительно превосходят найденную нами по выделке и изяществу формы.

Другая находка, связывающая исследуемое поселение с салтовской культурой, — горло чернолощеного одноручного сосуда, также обнаруженное в глине пола; массивное, расширяющееся кверху, оно находит многочисленные аналогии в группе сероглиняных лощеных сосудов Верхне-Салтовского могильника¹³.

В глинобитном полу обнаружен также раздавленный горшок (рис. 39—3), сделанный на гончарном круге. Глиняное тесто плохо промешано; черепок в изломе — почти черного цвета. Отогнутый наружу венчик, очень широкое горло, небольшие плечики, постепенно переходящие в округлое тулово, и плоское дно — таковы основные черты формы сосуда. Характерна ornamentация горшка горизонтальными врезанными полосами. Керамика этого типа, так же как и черепки, украшенные параллельными волнистыми линиями, в довольно большом количестве встречается при раскопках и хорошо известна на многих средневековых поселениях юго-востока, в том числе на Таманском городище, в средневековых слоях Фанагории и на других городищах Прикубанья¹⁴, на поселениях нижнего Дона, в частности — в Саркеле¹⁵, на средневековых поселениях Восточного Крыма — на Тепсене и в Тиритаке¹⁶. По условиям находок эта керамика всеми исследователями датируется не позднее X в.

Наконец, следует отметить большой, восстановленный из обломков красноглиняный кувшин с высоким горлом и плоской ручкой (рис. 39—4). Форма его очень интересна и несколько необычна для сосудов этого типа. Особенности его являются округлое тулово с мягко-округлыми боками и четко выраженный профиль венчика. Такие кувшины в большом количестве встречаются в материалах IX—X вв. н. э. в Херсонесе, Саркеле и особенно на Таманском городище. Облик их постепенно меняется: удлиняется горло, менее округлым становится тулово¹⁷. Найденный нами кувшин представляет собой самую начальную форму сосудов этого типа. Форма кувшинов, относящихся к IX в. н. э., из хозарского слоя городища Саркел уже значительно более удлиненная¹⁸; наиболее близок публикуемому кувшину из Тиритаки,

¹⁰ Н. С. Барсамов. Указ. соч., табл. V, 3.

¹¹ Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 208, рис. 11.

¹² А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС, т. I, 1905, стр. 476, табл. XXIV, 109, 119.

¹³ Труды XII АС, т. I, 1905, табл. XXIII, 106; Труды XIII АС, т. I, 1907, табл. XIV, 4 и др.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941, табл. I, II; М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 236.

¹⁵ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 46, рис. 26; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., табл. I, II, VIII, г.

¹⁶ Н. С. Барсамов. Указ. соч., табл. IV; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 103 и сл.; рис. 124, 125.

¹⁷ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья, стр. 337 и сл., рис. 10.

¹⁸ Там же, рис. 10, 29; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., табл. VIII, 4.

из помещения, открытого в 1935 г. на участке X и датируемого VIII—IX вв. н. э.¹⁹

Ближайшую аналогию исследованному комплексу представляет упомянутое раннесредневековое здание, открытое В. Ф. Гайдукевичем при раскопках Тиритаки в 1935 г. на участке X (помещения I и II)²⁰. Здание имеет тот же общий план и ту же ориентировку, что и открытое нами; совпадают и система кладки («в елочку»), и толщина стен, и устройство пола, и размеры обоих помещений, и положение очага. Совершенно аналогичен также инвентарь, найденный в тиритакском и алексеевском комплексах. Это заставляет предполагать, что жилище такого типа было характерно для раннесредневековых поселений Восточной Таврики.

Находки в полу вскрытого в 1954 г. помещения интересны тем, что составляют, несомненно, одновременный комплекс и дают возможность для перекрестной датировки всех найденных предметов. Вполне очевидно, что обломки сосудов попали в слой глины одновременно, при сооружении пола, так как система расположения в глинобитной массе крупных фрагментов керамики и камней исключает возможность неоднократных подмазок. При этом, конечно, были использованы сосуды, находившиеся в употреблении непосредственно перед тем и пришедшие в негодность. Таким образом, можно утверждать, что все описанные выше сосуды одновременны. На основании приведенных аналогий нужно датировать этот комплекс керамики и, следовательно, здание, в полу которого она найдена, периодом между концом VIII в. и концом IX в. н. э., а принимая во внимание форму кувшина с высоким горлом, — скорее, первой половиной этого отрезка времени, чем второй.

Конец VIII в.—начало IX в. характеризуются возникновением в Восточном Крыму целого ряда новых поселений и оживлением жизни на старых пепелищах еще античного времени. В частности, некоторого нового расцвета достигает Боспор—Пантикапей, возобновляется жизнь на территории античных Тиритаки, Илурата и, по-видимому, в других местах²¹. Таким образом, возникновение поселения у с. Алексеевка — одно из проявлений процесса возрождения Восточной Таврики.

¹⁹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 51, рис. 57, 1. По найденному нами сосуду видно, что утраченное горло тиритакского кувшина восстановлено не совсем правильно; оно должно быть значительно короче.

²⁰ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 49 и сл.

²¹ См. А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики. СА, XXI, 1954, стр. 155 и сл.

В. В. СЕДОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДЕРЕВНИ
В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Если по истории древнерусского города известны, правда, порой крайне разрозненные, сообщения летописей, то по истории древнерусской деревни до XIV—XV вв. мы почти не найдем никаких сведений в письменных документах, и для изучения ее важнейшим и почти единственным источником служат археологические исследования. К настоящему времени накоплен материал свыше 20 тыс. раскопанных курганов IX—XIV вв. Тем не менее проблема древнерусской деревни IX—XIV вв. только по этому материалу не может быть решена. Находки в курганах — прекрасный источник для изучения только определенной темы (женский костюм древнерусского крестьянства, главным образом ювелирное и некоторые другие виды деревенского ремесла, связи города с деревней, древнерусское язычество). Важнейшие же вопросы (сельские поселения древней Руси и их планировка, крестьянские жилища, хозяйство древнерусской деревни, имущественное и социальное расслоение, различные виды деревенского ремесла, взаимоотношения города и деревни) остаются вне поля зрения исследователя. Для выяснения этих вопросов необходимо изучить сельские поселения, ибо как и о древнерусском городе нельзя составить правильного представления только по могильным памятникам, например о Чернигове — по Черниговским курганам, о Старой Ладоге — по ладожским сопкам, о раннем Смоленске — по Гнездовским курганам, так и о древнерусской деревне нельзя судить только по материалам могильников.

В Смоленской области открыто и обследовано очень много археологических памятников, но древнерусских селищ среди них почти нет; их специально не разведывали, зафиксированы лишь те, которые открыты случайно. Городища же Смоленщины известны только по подъемной керамике и по рекогносцировочной шурфовке¹. В 1955 г. в составе Среднерусской экспедиции ИИМК был создан отряд по изучению древнерусской деревни Смоленской земли; результаты его работ и изложены в настоящей статье.

В 1955 г. обследовалась центральная часть Смоленской земли, где находились названные в уставной грамоте Смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г.² поселения Дросенское, Ясенское, Погановичи, Лодейницы, дер. Долгий Мост (Долгомостье), известная по позднему письменному памятнику, рассказывающему о событиях XIII в.³ поселение Вои-

¹ Исключение составляет Ковшаровское городище на р. Соже (А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского гос. университета, т. 3, вып. 3, 1926, стр. 225—251).

² Акты исторические, т. 1, № 4.
³ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2. СПб., 1861, стр. 155—198.

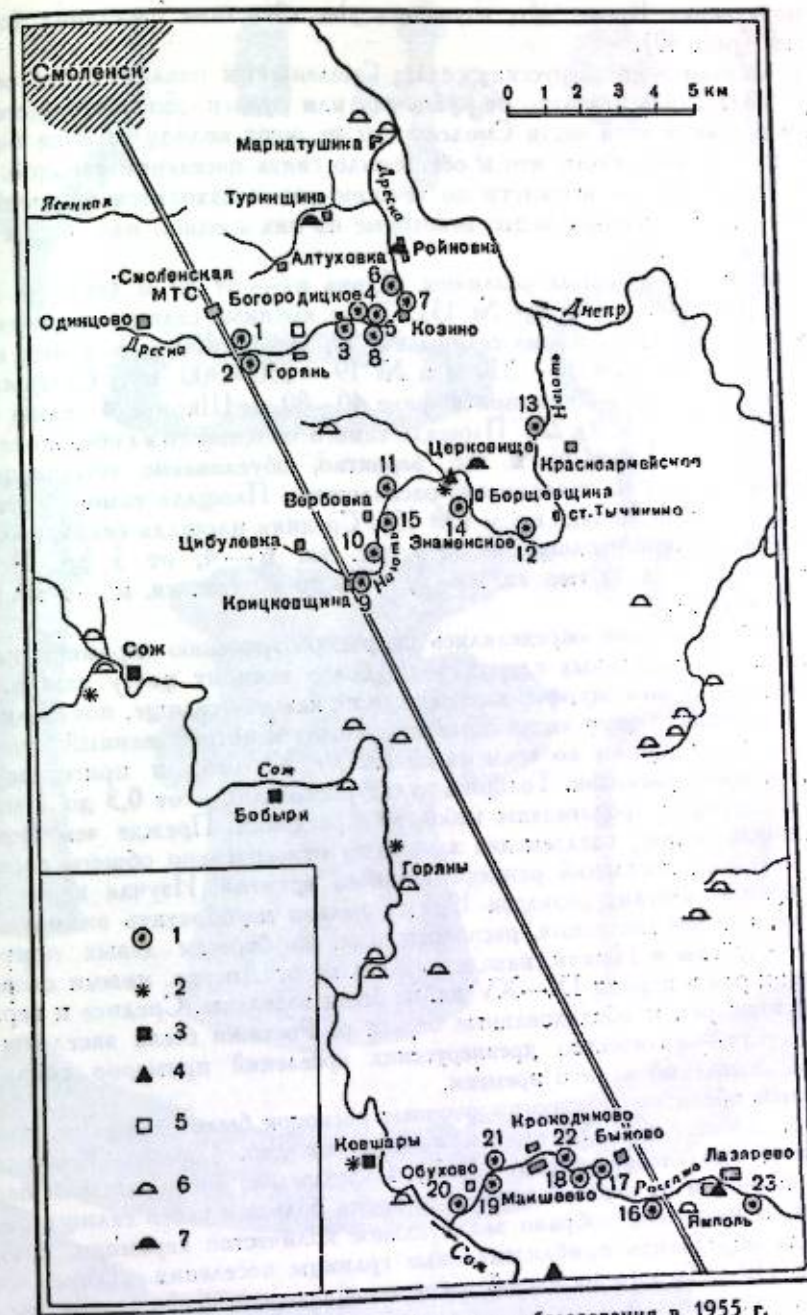

Рис. 40. Карта района археологического обследования в 1955 г.

1 — селища, открытые Смоленским отрядом в 1955 г.; 2 — ранее открытые селища; 3 — городища с древнерусским слоем; 4 — городища с древнерусским слоем, обследованные в 1955 г.; 5 — городища раннего типа, обследованные в 1955 г.; 6 — курганы могильники; 7 — курганы могильники, открытые в 1955 г.

щина, упомянутое в Новгородской летописи под 1258 г.⁴ Была произведена сплошная археологическая разведка берегов рек Дресьны и Нагоги (левые притоки Днепра) и нижнего течения р. Россажи (левый приток р. Сожа). Открыты вновь свыше 20 поселений древнерусского периода и 3 курган-

⁴ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 82 и 310.

ных могильника. Кроме того, изучались уже известные поселения того же времени (рис. 40).

Обследование древнерусских селищ Смоленщины показало, что обычно они располагались недалеко от русел рек или ручьев. До настоящего времени в деревнях этой части Смоленщины не роют колодцев; вода берется прямо из рек или ручьев, что и обусловило связь поселений с водой. Площадки селищ обычно вытянуты по течению рек и находятся на высоте от 2—3 до 7 м над уровнем воды; некоторые из них с одной или двух сторон ограждены оврагами.

Размеры селищ весьма различны. Длина их — от 80 м (селища № 3, 4, 5) до 500—600 м (селище № 15). Такие крупные селища, впрочем, составляют исключение. Кроме селища № 15, свыше 250 м в длину имели всего 2 поселения (№ 17 — 350 м и № 19 — 250—300 м). Средняя же длина обычно — 100—200 м при ширине 40—80 м. Ширина 4 селищ была свыше 80 м (№ 1, 2, 9 и 22). Площадь самого маленького из обследованных селищ — около 3,5 тыс. кв. м, что, вероятно, обусловлено естественными границами останца, на котором оно расположено. Площадь самого крупного поселения — около 50 тыс. кв. м (№ 15). Средняя площадь селищ — около 10 тыс. кв. м (селищ площадью до 5 тыс. кв. м — 4, от 5 до 10 тыс. кв. м — 3, от 10 до 15 тыс. кв. м — 3, от 15 до 20 тыс. кв. м — 3 и свыше 20 тыс. кв. м — 3).

Границы поселений определялись по распространению керамики на поверхности, а в отдельных случаях — по более темному цвету пашни. Небольшие разведочные шурфы, заложенные на каждом селище, показали, что свыше половины общего числа поселений имеют непогрешенный культурный слой, относящийся ко времени от IX до XV вв., и пригодны для археологических раскопок. Толщина культурного слоя — от 0,3 до 1 м.

На 3 селищах произведены небольшие раскопки. Прежде чем перейти к их характеристике, сделаем два замечания относительно общего расположения сельских поселений раннефеодального времени. Изучая карту маршрута археологических разведок 1955 г., нельзя не обратить внимания на тот факт, что все поселения, расположенные по берегам левых притоков Днепра — Дресьны и Наготи, находятся вдалеке от Днепра, иными словами, устья этих рек в период IX—XV вв. не были заселены. Среднее и верхнее течения этих рек и обследованные берега р. Россажи были заселены довольно густо — количество древнерусских поселений примерно совпадает с числом поселений нашего времени.

Первым объектом рекогносцировочных раскопок было селище на правом берегу р. Дресьны в 1—1,2 км к юго-западу от дер. Горяны, Козинского сельсовета, Смоленского района (№ 2). Расположено оно на низком берегу всего в 40—60 м от реки. В настоящее время большая часть селища распаивается, и на пашне собрано значительное количество керамики, которая позволила определить приблизительные границы поселения. Длина его — не менее 110 м (в юго-восточной части площадка селища задернована; далее проходят кювет и полотно шоссе; дорога Смоленск—Рославль, почему граница здесь не ясна); ширина — 110—125 м.

Раскоп площадью 88 кв. м заложен в юго-западной части. Под дерновым слоем толщиной от 4 до 15 см залегал бурый рыхлый супесчаный слой (14—27 см), в котором не встречено предметов и керамики, относящихся ко времени ранее XV в. Кроме обломков древнерусской гончарной посуды, здесь найдены пряслице из розового шифера, железные ключ и пробой, несколько ножей, кресало и другие железные предметы. Нижний слой был толщиной до 0,3 м, темно-серого цвета и средней плотности; в нем встречались мелкие угольки и большое количество обломков глиняной обмазки, обожженной (печной) и необожженной (обмазка стен построек). Здесь собрано много керамики и, кроме того, 4 шиферных пряслица, железная

Рис. 41. Вещи из раскопок, проведенных Смоленским отрядом в 1955 г.
1 — железная стрела; 2 — медная бляшка; 3 — бронзовый крест; 4 — монетовидная привеска;
5 — кресало; 6, 7 — ключи; 8 — долото; 9 — глиняный светлячок; 10 — дужка замка; 11 — серп;
12 — коса-горбуша; 1, 5, 6 — с селища № 2; 2, 3, 8 — с селища № 9; 4 — из кургана в Турни-
щине; 7, 9—12 — с городища Церковище.

стрела и другие железные предметы (рис. 41 — 1, 5, 6). Вся керамика селища изготовлена на гончарном круге и в целом датируется X—XV вв.⁵

При раскопках селища в материке, залегавшем под нижним слоем, открыто несколько ям различной формы и назначения. В процессе работ установлено, что в этом месте находились 3 постройки, следами которых были ямы от столбов-стульев и подпольные ямы; о том же свидетельствовало расположение находок (рис. 42). Наблюдения над постройками в современных поселениях этой части Смоленщины установили сходное устройство жилых и хозяйственных построек. Обязательной частью каждой являются стулья,

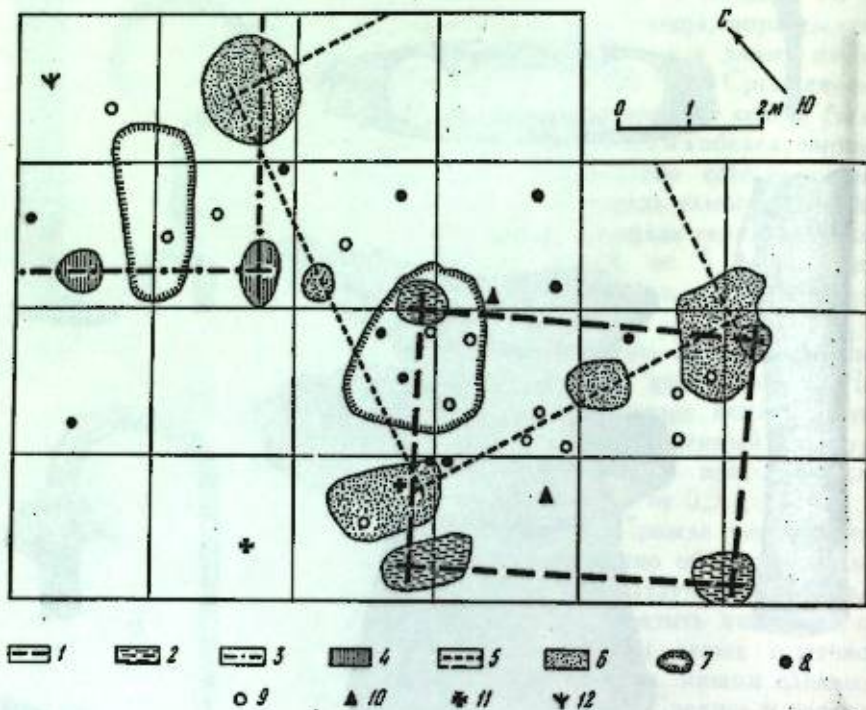

Рис. 42. Селище № 2. План раскопа.

1 — контуры постройки 1; 2 — ямы стульев постройки 1; 3 — контуры постройки 2; 4 — ямы стульев постройки 2; 5 — контуры постройки 3; 6 — ямы стульев постройки 3; 7 — подпольные ямы; 8 — гончарные клейма первого типа; 9 — гончарные клейма второго типа; 10 — гончарные клейма третьего типа; 11 — гончарные клейма четвертого типа; 12 — клеймо в виде треугольника. (Типы гончарных клейм см. на рис. 43).

располагаемые по углам и посередине длинных сторон. Многие деревенские постройки этого района обмазаны глиной.

Из 3 открытых построек две можно отнести к нижнему ярусу (впрочем, они, возможно, сами относятся к разному времени). Одна постройка вскрыта полностью (№ 1); ее размеры — 4,6 × 3,4 м. Нужно полагать, что это был сруб на угловых столбах-стульях. Ямы от этих столбов овально-

⁵ Верхний и нижний слой селища хронологически не различаются. Образование верхнего слоя объясняется, нужно полагать, тем, что в поздний период существования поселения на этом месте построек не было, и оно было переплано; таким образом, верхний слой — пахотный, впоследствии задернованный. Хронологическая классификация керамики в данной статье не приводится. Дата керамики указывается на основании предварительной обработки в сравнении с находками сосудов в Смоленске и Новгороде. Характеристика смоленской городской керамики приложена к отчету о раскопках в Смоленске в 1951—1952 гг. (Архив ИИМК). Хронологическая классификация погребенной керамики сделана Г. П. Смирновой в статье «Опыт классификации керамики древнего Новгорода», напечатанной в I томе Трудов Новгородской археологической экспедиции, МИА, № 55, М., 1956.

круглые (размеры их 0,7—0,8 × 0,6—0,65 м при глубине 0,3—0,5 м). Яма под восточным углом была нарушена более поздней постройкой; сохранилась лишь ее нижняя часть диаметром около 0,2 м, что, скорее всего, соответствует диаметру столба-стула.

Следы второй постройки находились в северном углу раскопа и вскрыты не полностью. Яма под стул южного угла сруба была размером 0,9 × 0,6 м при глубине 0,6 м. Юго-западную стену определяет яма диаметром 0,55 м и глубиной 0,25 м. В ней находился, нужно полагать, стул под срединную часть бревна сруба. Такие ямы, судя по наблюдениям над современными постройками, обычно — меньших размеров. Длинная яма под четырехугольной формы со скругленными углами (размером 2,4 × 0,8—1,1 м при глубине 0,2 м) служила подпольем для хранения запасов. Хозяйственные подпольные ямы характерны почти для каждой жилой постройки Смоленщины.

От третьей постройки сохранились 3 угловые ямы столбов-стульев (четвертая — за пределами раскопа). Глубина ям под северный и западный

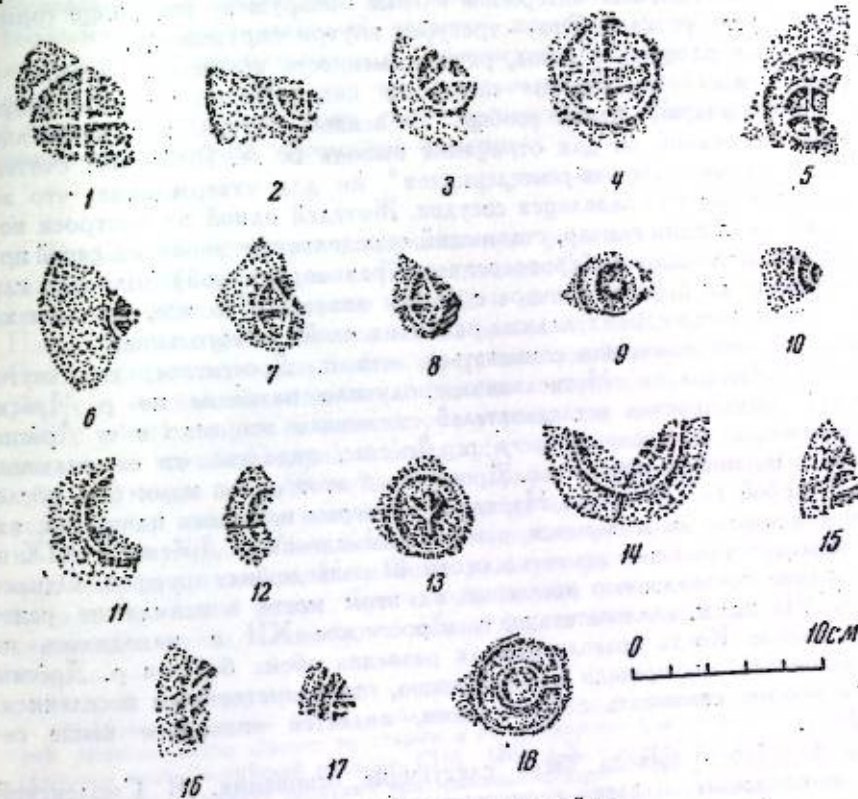

Рис. 43. Гончарные клейма.

1—8 — первый тип; 9, 10 — второй тип; 11, 12 — третий тип; 13 — клеймо в виде треугольника; 14, 15 — четвертый тип; 16—18 — разные клейма; 1—15 — с селища № 2; 16, 17 — с селища № 9; 18 — с городища Черномозжское.

углы — 0,6 м, под южный — 0,4 м. Размер постройки был больше (6 × 5 м), и под серединой каждой ее стороны находился дополнительный стул. Ямы от этих столбов меньше по сравнению с угловыми. В западном углу постройки открыто подполье.

С описанными постройками можно связывать некоторые из находок — шиферные пряслица, железные ножи, ключи, пробой и др. Среди них наиболее интересны клейма на днищах гончарных сосудов. Распределение находок позволяет связать с каждой из построек определенный тип клейма (рис. 42 и 43). К постройке № 3 нужно отнести 9 клейм в виде круга с 4

или 5 радиальными лучами. На одном из них проведена дополнительно вторая окружность, усложняющая первоначальную схему. Вне постройки встречено только 2 клейма этого типа.

С постройками нижнего яруса (№ 1 и 2) можно связать клейма в виде окружности. В пределах постройки № 1 найдено 8 таких клейм и одно — около нее, а в постройке № 2 — три и одно в 1 м от нее. Внутри постройки № 1 найдены еще 2 клейма, имеющих две концентрические окружности (одно — с точкой в центре окружностей, у второго середина отломана). Эти клейма следует рассматривать как усложнение первоначальной схемы клейма, характерного для обеих построек. Нужно отметить, что в других местах раскопа клейм в виде двух концентрических окружностей не встречено; таким образом, их можно связывать с постройкой № 1.

Гончарных клейм иного вида обнаружено три. Два (однотипных) найдены в западной части раскопа; одно из них представляет собой заштрихованный круг, второе — заштрихованный круг с дополнительной окружностью. Третье, наиболее интересное клеймо обнаружено на днище горшка в северном углу раскопа. Это — трезубец внутри окружности.

Небольшая площадь раскопа, разновременность вскрытых построек, их небольшое число — все это не позволяет окончательно решить вопрос о значении гончарных клейм вообще. Во всяком случае, нет каких-либо серьезных оснований ни для отрицания вывода Б. А. Рыбакова, считающего их знаками гончаров-ремесленников⁶, ни для утверждения, что это метки собственности владельцев сосудов. Жителей одной из построек возможно, снабжал один гончар, ставивший определенные знаки на своей продукции, а жители другой (хронологически разновременной) получали глиняную посуду от другого гончара с иными знаками. На это, как нам кажется, указывают индивидуальные различия клейм одного типа.

Вряд ли есть основания сомневаться, что с. Дросенское, упомянутое в грамоте Ростислава Мстиславича, получило название по р. Дресьне (Дросне). Большинство исследователей связывали это село с с. Дресьна, расположенным на правом берегу р. Дресьны, недалеко от ее впадения в Днепр⁷. В поисках древнего с. Дросенского этот район нами был обследован с особой детальностью. Наряду с осмотром пахотных площадей, зачисткой различных ям и обрывов, в месте нахождения с. Дресьны в XIX в. и его окрестностях было заложено около 40 разведочных шурфов. Однако обследование показало, что поселение на этом месте возникло не ранее XVI—XVII вв. и, следовательно, с. Дросенское XII в. находилось не в этом районе. Когда археологическая разведка обоих берегов р. Дресьны была закончена, мы пришли к заключению, что единственным поселением, которое можно связывать с Дросенским, является описанное выше селище № 2.

Для подобного вывода были следующие основания. В Смоленской земле, по-видимому, издавна существует обычай называть поселения по наименованиям рек в местах пересечения реки какой-нибудь дорогой. Например, по Старой Рославльской дороге, ведущей из Смоленска в Чернигов, в XIX в. находились: М. Дресьна⁸ (недалеко от селища № 2), дер. Лещинка (в месте пересечения этим трактом р. Лещинки), дер. Наготь (при р. Наготи; здесь также нами открыто древнерусское селище), дер. Россажа (у моста через р. Россажу; археологически это

⁶ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, 1940, стр. 227—257; его же. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 176, 177.

⁷ П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, стр. 59; И. И. Орловский. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1908, стр. 141. В настоящее время этого села нет; при постройке железной дороги в начале XX в. его дома были перенесены в деревню Маркатушино, Цыгановка и др.

⁸ Специальная карта западной части России, составленная Г. А. Шубертом. СПб., 6 г.

место не обследовано), поселение Хмара (при пересечении р. Хмары) и т. д. Поселение Погоновичи, упоминаемое в грамоте Ростислава Мстиславича и некоторых поздних документах⁹, находилось на дороге, соединявшей древние смоленские города Смоленск, Мстиславль и Кричев, в месте пересечения ею р. Погоновки¹⁰. Думается, что роль сухопутных сообщений в древней Руси была несколько большей, чем представлялось нам до настоящего времени.

Рассматриваемое селище — самое крупное поселение в бассейне р. Дресьны. Судя по тому, что обломки древнерусской гончарной керамики найдены на пашне и на противоположной стороне шоссе, можно думать, что поселение вытянулось вдоль реки выше чем на 200 м. Ряд находок, керамика и обилие гончарных клейм позволяют заключить, что жизнь на поселении была наиболее интенсивной в XI—XIII вв.

Наконец, следует вспомнить гончарное клеймо в виде княжеского знака — трезубца. Эта находка, видимо, свидетельствует о том, что когда-то поселение было княжеским, т. е. входило в состав княжеского домена¹¹. Большинство исследователей уставной грамоты Ростислава Мстиславича именно так и рассматривало с. Дросенское. Текст места грамоты, где названо село, толковался как акт пожалования Ростиславом Мстиславичем Смоленской епископии двух сел (Дросенского и Ясенского) из состава княжеской вотчины, населенной изгоями¹².

* * *

Вторым объектом рекогносцировочных раскопок 1955 г. было селище, расположенное к югу от с. Богородицкое (Козинский сельсовет, Смоленского района) на невысоком останце в долине р. Дресьны (селище № 3). Площадка селища находится на высоте всего 3—3,5 м над уровнем реки. С северной, северо-западной и северо-восточной сторон селище омывается рекой, с южной же отделено от высокого коренного берега оврагом, который с обоих концов выходит к руслу реки, так как оно здесь делает значительный изгиб. Площадка селища сильно повреждена (здесь добывается туф). Размеры ее — 80 × 40—45 м. Зачистка профилей ям и раскопки установили, что культурный слой (толщина его — 0,3—0,36 м) относится ко времени X—XIV вв. Ниже, в материке исследовано несколько ям от вертикальных столбов. Небольшие размеры раскопа не позволили проследить постройки в целом. Три столба можно уверенно связывать с пристройкой-навесом, какие часто можно видеть в современных деревнях Смо-

⁹ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 59.

¹⁰ Можно привести большое количество примеров подобного наименования поселений, расположенных обычно по старым и новым дорогам Смоленщины (см. Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1868, LX, Смоленская губерния). Интересно отметить передвижение названий при изменениях дорог. Так, в середине XIX в. было проложено новое шоссе Смоленск—Рославль, сократившее расстояние между этими городами. После этого Наготью стали называть дер. Крицковщину, расположенную на новом шоссе около моста через р. Наготь. Деревня Наготь на Старой Рославльской дороге в настоящее время не существует, нет и дер. Лещинки. Деревня Россажа зовется теперь Вошкино.

¹¹ В своих работах Б. А. Рыбаков отмечает следующее: «Все без исключения места находок глиняных сосудов и кирпичей с княжескими клеймами связаны с древними княжескими городами» («Знаки собственности...», стр. 247—251). «На многие сотни деревенских клейм не приходится ни одного клейма с рисунком княжеского знака» («Ремесло древней Руси», стр. 365).

¹² И. И. Смирнов предложил иное толкование этого места уставной грамоты смоленского князя. Текст грамоты «И се даю... село Дросенское, с иском и с землею, святей богородици и епископу, и село Ясенское...» И. И. Смирнов рассматривает не как акт передачи феодальной земельной собственности из рук в руки, а как факт превращения в земельную собственность смоленского епископа общинных земель. (И. И. Смирнов. К вопросу об изгоях. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М., 1952, стр. 105—111).

ленщины, обычно у задних стен жилых строений. Иногда такие навесы имеют плетневые стены, обмазанные глиной, иногда — без глиняной обмазки.

Название поселения нам известно. Исследователи истории Смоленской церкви считали, что монастырь во имя Богородицы на Селище, где в конце XII в. жил и был посвящен в сан иеромонаха Авраамий Смоленский, находился на месте нынешнего с. Богородицкого¹³. Можно полагать, что поселение на останце в долине р. Дрэсны и называлось Селищем, около которого был основан Селищенский монастырь¹⁴.

Третье поселение (№ 9), где нами произведены разведочные раскопки, открыто отрядом на правом берегу р. Наготы, на восточной окраине дер. Крицковщина (Талашкинский сельсовет, Смоленского района). Это одно из самых крупных селищ, обследованных в 1955 г. Его площадь — около 35—40 тыс. кв. м. Вдоль реки селище тянется на 250 м; ширина его — около 160 м. Глубина культурного слоя — 0,6—0,8 м. Верхний слой — дерновой или пахотный — в небольшом количестве содержал современную керамику. Ниже по всей площади раскопа наблюдался темно-коричневый слой (толщина — 0,15—0,2 м). Керамика этого слоя смешанная: наряду с обломками древнерусской гончарной посуды здесь встречены, — правда, в небольшом количестве, — обломки сосудов XVI—XX вв. Нижний слой — буро-коричневой окраски — содержал большое количество черно-серых включений и обломков глиняной обмазки (стенной и печной). Толщина этого слоя — от 0,3 до 0,65 м. Керамика, собранная в нем, — гончарная и в целом датируется X—XV вв. Здесь же обнаружены бронзовый крест с выемчатой эмалью (эмаль не сохранилась), половина медной поясной накладки с орнаментом, железное долото (рис. 41 — 2, 3, 8) и несколько других железных предметов. Бронзовый крест с эмалью находит многочисленные аналоги в курганных и городских материалах XII в.¹⁵ В материке исследованы ямы от двух четко различающихся построек (одна из них — срубная, на столбах-стульях, другая — столбовая), вскрытых лишь частично ввиду малой площади раскопа (20 кв. м).

Небольшие разведочные раскопки произведены также на городище, получившем в литературе название «Церковище»¹⁶. Оно расположено на вы-

¹³ Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864, стр. 287; Н. Редков. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, Смоленск, 1909, стр. 1—176; Гос. архив Смоленской области. Фонд И. И. Орловского, № 391, л. № 148. Описание с. Богородицкого. В полкилометре от села вверх по р. Дрэсне, на ее левом берегу находится городище, относящееся к I тысячелетию до н. э. и началу I тысячелетия н. э. (шурфовка А. Н. Лявданского и наша). Местное население называет его курганом и сохраняет предание, что тут была пещера, в которой жил Авраамий. До 20-х годов XX в. здесь стояла часовня, а у подножья городища находилась «святой» колодезь (следы колодезя видны до сих пор). Ежегодно в первое воскресенье после дня памяти Авраамия Смоленского сюда из Смоленска совершался крестный ход.

¹⁴ В настоящее время место, где, предположительно, находился монастырь, занято колхозным садом. Поэтому археологические разведки здесь произвести не удалось.

¹⁵ Н. И. Савин. Раскопки курганов у Дарагабуским и Ельнинским паветках Смоленской губ. Працы археологічної комісії, том 2. Меньск, 1930, табл. 2, рис. 16; Н. Леопардов. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках, серия 2, вып. 2. Киев, 1893, табл. I, рис. 9; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 1. Киев, 1899, табл. XII, рис. 137; вып. 2, Киев, 1900, табл. XXI, рис. 241; А. А. Бобринский. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 г. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 57 и рис. 24; Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. МАВГР, т. 3, 1899, табл. 6, рис. 3; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 117 и рис. 206; Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, вып. 18, 1895, стр. 104, табл. VII, рис. 4.

¹⁶ А. Н. Лявданский. Указ. соч., стр. 211, 212. (В настоящее время дер. Церковище, по которой названо городище, не существует).

сокой части островка общей площадью 4—5 га, окруженного со всех сторон топким болотом. Размеры городища — 50,5 × 31,5 м. С северной стороны, — очень крутой, достигающей высоты 13,3 м, — у основания городища протекает р. Наготь, образующая здесь широкую болотистую долину. Неподалеку в р. Наготь впадает речка Лещинка, тоже с широкой заболоченной долиной.

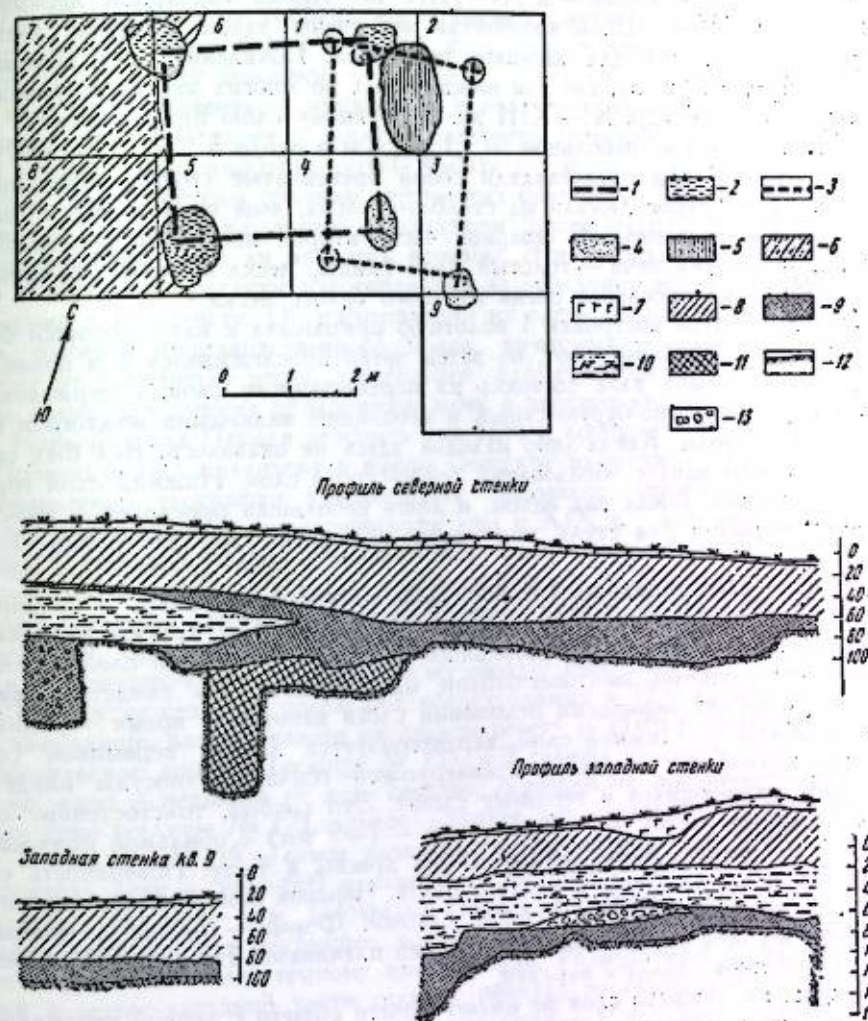

Рис. 44. Городище Церковище. План и профили раскопа.

1 — контур постройки 1; 2 — ямы стульев постройки 2; 3 — контур постройки 2; 4 — ямы стульев постройки 2; 5 — основание печи постройки 2; 6 — вал городища; 7 — дерновый слой; 8 — темно-серый слой; 9 — черно-серый слой; 10 — перемешанный слой из темно-бурой и светло-бурой супеси с включениями; 11 — черно-серый слой с материковыми включениями; 12 — материк; 13 — камни.

На площадке городища вала не видно. Раскоп площадью 36 кв. м был заложен в 7 м от западного склона. Общая толщина культурного слоя — заложен в 7 м от западного склона. Плотный дерновой слой покрывал всю площадь раскопа до 1 м (рис. 44). Под ним шел темно-серый супесчаный слой (его толщина — 4—11 см). Под ним шел темно-серый супесчаный слой средней плотности (0,5—0,7 м), содержащий большое количество мелких обломков глиняной обмазки (обожженной и необожженной) и относившийся к древнерусскому времени. Кроме обильных находок керамики, здесь обнаружены шиферные пряслица, несколько десятков обломков браслетов

из зеленого, желтого и черного стекла, витых и гладких, 2 обломка стеклянных сосудиков, шарообразная бусина из матового стекла и большое количество железных предметов, среди которых — коса-горбуша, серп, обломок сошника, лезвие топора, ключи, части замков, ножи и пр. (рис. 41—7, 9—12).

Предварительное изучение гончарных сосудов показало, что отложение слоя произошло в основном в XI—XIII вв. Кроме гончарной керамики, в сравнительно небольшом количестве встречены также обломки лепной посуды, характерной для нижнего горизонта. Появление этих обломков в верхнем слое понятно, так как нижний был во многих местах потревожен обитателями городища XI—XIII вв. К верхнему слою принадлежат 2 постройки. Размеры их небольшие — $3,1 \times 2,6$ м и около 3×2 м. Нужно полагать, что обе они представляли собой бревенчатые срубы, обмазанные глиной. Углы срубов лежали на столбах-стульях, ямы от которых и были вскрыты при раскопках. В северной части второй постройки прослежены остатки основания печи — толстый слой глины, песка и золы (толщиной 0,4—0,45 м) на прослойке очень плотного белого песка.

Западная стена постройки 1 вплотную примыкала к валу, который был невидим перед началом работ, но затем четко прослеживался и в плане, и в профиле. Насыпь вала состояла из перемешанного слоя, содержавшего светло-бурую и темно-бурую супесь и небольшие включения желтого и белого песка и золы. Каких-либо находок здесь не оказалось. Вал был сооружен в самом начале образования темно-серого слоя. Нижний слой городища полностью лежал под валом, и лишь небольшая прослойка — выброс из ямы, вырытой для стула под северо-западный угол постройки 1, — покрывала его.

Нижний слой городища (черно-серый, с угольной пылью и мелкими камнями) резко отличался от верхнего по керамике и другим находкам. В отдельных местах, обычно небольших по площади, верхний слой отделен от нижнего тонкими желтопесчаными прослойками; это свидетельствует о том, что между периодами отложения слоев некоторое время городище было необитаемо. Нижний слой характеризуется лепной керамикой (небольшое количество обломков древнерусской гончарной посуды найдено около ям, относящихся к верхнему слою). Это грубые, толстостенные сосуды (толщина стенок — 5—9 мм, чаше — 7—9 мм) с обильной примесью крупной и средней, плохо перемешанной дровяной в тесте. Поверхность сосудов неровная, красновато-желтого цвета. Черепок в изломе серо-красноватый, реже — темно-бурый; обжиг слабый. Форма — горшок с прямым венчиком и слабо выраженными, пологими плечиками. На верхнем крае многих венчиков сделаны нарезки.

Сосуды из нижнего слоя не имеют ничего общего с лепной керамикой, известной из длинных курганов и из ранних круглых курганов с трупосожжением. Сосуды эти можно сравнивать с керамикой древнейших городищ Смоленщины, известных по работам А. Н. Лявданского и относимых П. Н. Третьяковым к I тысячелетию до н. э. и первым столетиям нашей эры¹⁷. Эта дата подкрепляется и материалами городища Церковище. В нижнем слое обнаружены также 9 черепков штрихованной керамики, которая на городищах северной и средней Белоруссии датируется второй половиной I тысячелетия до н. э. и первыми столетиями нашей эры, и 2 фрагмента черной лощеной посуды, изготовленной на гончарном круге, типа керамики Черняховских полей погребений. Таким образом, наиболее вероятная дата нижнего слоя городища — первые столетия нашей эры. В нижнем же слое при раскопках собраны в двух местах зерна ячменя. Из других на-

¹⁷ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953, стр. 88. (А. Н. Лявданский ошибочно относил эти городища к VII—VIII вв. н. э.).

ходок отметим глиняное пряслице, обломок грузика дьякова типа и 2 костяные поделки, причем одна из них вырезана в виде стрелы.

Остеологический материал определен В. И. Цалкиным. В верхнем слое обнаружены кости свиньи, мелкого и крупного рогатого скота, лошади, собаки, кошки, бобра, лося, кабана, оленя, лисицы и птиц. На долю костей домашних животных приходится 85,3%; кости диких животных составляют 14,7%. В нижнем слое собраны кости свиньи, крупного и мелкого рогатого скота, лошади, лося, бобра и птицы. Здесь кости диких животных составляют 27,3%, кости домашних — 72,7%.

Различный инвентарь, найденный в верхнем (древнерусском) слое городища, свидетельствует о занятии населения сельским хозяйством (обломок сошника, коса-горбуша, серп). Вместе с тем, как уже отмечено выше, в этом слое встречены обломки стеклянных браслетов. Такие браслеты, как известно, были излюбленным украшением древнерусских горожанок. Однако поселение вряд ли являлось городом. Эти находки объясняются тем, что стеклянные браслеты изготовлялись на городище, вероятнее всего, для продажи в Смоленске. Об изготовлении их здесь свидетельствуют, во-первых, наличие производственного брака, во-вторых, — залежи (в 1,5 км к югу от городища) песка, пригодного для стекольного производства¹⁸. Два комка этого песка обнаружены нами в верхнем культурном слое.

Новгородская Первая летопись под 1258 г. сообщает: «Придоша Литва с Полочаны къ Смоленську и взяша Воишину на щить»¹⁹. Исследователи исторической географии Смоленщины связывали летописную Воишину с дер. Воиновщиной, существовавшей еще в XIX в.²⁰ как раз около городища Церковище. При произведенных нами археологических разведках в районах, ближайших к месту, где находилась в XIX в. дер. Воиновщина, кроме городища Церковище, не обнаружено никаких других древнерусских поселений. Вряд ли найдутся какие-либо возражения против отождествления рассматриваемого городища с летописной Воишиной.

Из других сельских поселений, обследованных в 1955 г., наиболее интересны селище, расположенное на правом берегу р. Наготи рядом со Старой Рославльской дорогой (селище № 15), и 2 селища на левом берегу р. Россажа: одно — недалеко от дер. Быково, лежащей на противоположном берегу реки (селище № 17), другое — южнее дер. Лазарево (селище № 23). Селище № 15 — самое крупное из обследованных в 1955 г. Длина его вдоль реки — 500—600 м, ширина — 80—100 м. Высота площадки над уровнем реки — 4—5 м. Площадка селища в средней части перерезана двумя оврагами и в настоящее время распаханная; границы поселения четко видны по более темному цвету пашни. Разведочный шурф, заложенный в северо-западной части селища, показал перепаханность всего культурного слоя. Собранная на пашне керамика — в основном древнерусская гончарная X—XIV вв.

Селище № 17 расположено на тупом мысу, образованном поворотом р. Россажи и оврагом, по которому протекает безымянный ручей, впадающий в р. Россажу. В этом месте берег реки довольно обрывистый и возвы-

¹⁸ Это место называется «Лисья Гора». Залежи песка открыты геологами всего несколько лет назад. Первоначально предполагалось построить около горы стекольный завод. Впоследствии, ввиду сравнительно небольшого количества песка в Лисей Горе, сюда была проведена железнодорожная ветка от станции Тычино, чтобы снабжать песком другие стекольные заводы Смоленской области. Интересно отметить, что при раскопках селища № 9 (около дер. Криуковщина), расположенного в 3 км от городища и на таком же расстоянии от Лисей Горы, найден также обломок черного стекла (овальный в сечении и заостренный на одном конце), который, по-видимому, нужно рассматривать как производственный брак или неудачную попытку изготовления стеклянного браслета.

¹⁹ Новгородская Первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 82 и 310.

²⁰ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 59.

шается над ее уровнем на 5—7 м. Вдоль берега реки селище тянется на 350—400 м, полосой в 60—100 м. В настоящее время большая часть его распаивается, и границы устанавливаются по более темному цвету пашни. При детальном осмотре пашни выявлены более темные пятна, чередующиеся со светлыми. Замечено, что на темных пятнах сконцентрировано большое количество обломков керамики, необожженной глиняной обмазки и мелких угольков. В крайней борозде пашни произведена зачистка, которая установила, что темные пятна — это следы древнерусских построек, по-видимому, несколько углубленных в грунт, так как в местах, где пашня светлее, на глубине около 0,4 м оказался материк. Керамика селища — древнерусская круговая XI—XV вв.

Селище № 23 занимает покатую в северном и восточном направлениях площадку берега, в этом месте довольно крутого, но возвышающегося над уровнем реки всего на 2,5—4 м. Длина селища (вдоль реки) — около 200 м, ширина — около 80 м. Большая часть его распаивается; задернована лишь узкая береговая полоса. Тем не менее разведочный шурф (1 × 1 м), заложенный в северной части селища, показал, что под пашней залегал ненарушенный культурный слой черно-серого цвета толщиной около 0,65 м, с большим количеством черепков древнерусской гончарной посуды, обломками глиняной обмазки и мелкими угольками.

А. В. УСПЕНСКАЯ

УСПЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

В 1953 г. автором совместно с сотрудником Звенигородского историко-краеведческого музея Ю. А. Красновым произведена разведка археологических памятников Звенигородского района Московской области. Наибольший интерес представляло расположенное на правом берегу Москвы-реки Успенское городище, обследованное в 1929 г. А. Чаяновым¹. Подъемный материал, собранный в обнажениях, показал, что городище — многослойное и что, кроме материала, относящегося к дяковской культуре, в верхних слоях в большом количестве содержится славянская керамика XI—XIII вв.

Городище находится на высоком левом берегу р. Большой Вяземки, в 0,5 км от впадения ее в Москву-реку, в 1,5 км к юго-западу от с. Успенского и среди местного населения известно под названием «Молоденовский курган». Оно занимает удлиненной формы высокий мыс, сложенный из желтого моренного песка. Высота городища над уровнем реки — 21 м, над окружающей поверхностью — 19 м; склоны крутые. Площадка вытянута с юга на север; она почти ровная, с небольшим понижением в восточном направлении; длина ее — 150 м, ширина — 60—70 м. Следы вала едва заметны с южной стороны. Здесь же, у подножья городища видны следы рва. Западный и юго-западный склоны подверглись сильному разрушению; в обрывах здесь хорошо виден культурный слой. В 1954 г. нами был заложен небольшой раскоп (5 × 5 м) в западной части городища и произведена зачистка культурного слоя в двух местах по западному обрыву².

Хотя на поверхности городища и не сохранилось никаких следов могильных ям, но, судя по тому, что в обрыве на глубине 0,8—1 м были видны человеческие кости, следовало ожидать, что при раскопках будут встречаться поздние погребения. Догадки подтвердились. Большая часть культурного слоя (до глубины 1,1—1,2 м) оказалась перекопанной могильными ямами. Сразу же под дерновым слоем были открыты обломки белых каменных плит — надгробий XV—XVI вв. Всего на площади раскопа обнаружено 12 погребений на глубине от 0,6 до 1,2 м. Земля под дерновым слоем, очень черная и рыхлая, содержала большое количество фрагментов керамики. Во втором слое на глубине 0,3—0,4 м найдены медные кресты, относящиеся к XV—XVI вв.³

В первом и втором слоях до глубины 0,5—0,6 м керамика была смешанная — гончарная с линейным и волнистым орнаментом и лепная толстостенная с орнаментом и без него. Здесь же встречены несколько черепков посуды с красным лощением XIV—XV вв. Из подсчета керамики, обнаруженной на этой глубине, выяснилось, что гончарная преобладает.

¹ Архив ЛОИИМК, 1929 г., № 178.

² В раскопках, организованных ГИМ совместно с Звенигородским музеем, принимал участие школьник старших классов из археологического кружка при ГИМ.

³ Два креста-складня и один тельник.

Из вещей, найденных в культурном слое и относящихся к славянскому поселению XI—XIII вв., следует отметить большое количество гончарной керамики, 2 сердечковидные бипирамидальные бусины, шиферные пряслица, железные зубило и орудие, похожее на ложкарню с частично обломанной рабочей частью, гвозди и обломок ножа. Однако дать общую характеристику культурным отложениям, оставленным славянским поселением XI—XIII вв., из-за сильной нарушенности слоя было невозможно.

Общая мощность культурного слоя в западной части городища достигала 2,25 м; нижний слой не был нарушен погребениями, и часть находок, относящаяся к древнейшему периоду существования городища, была в первоначальном залегании. Начиная с глубины 1,2 м, культурный слой состоял из плотной земли с небольшими прослойками угля, золы, глины и песка.

На глубине 1,3 м (квадраты 10, 13 и 14) встретились следы медных окислов, а на отметке 1,4 м найден глиняный тигель со следами расплавленной меди. Здесь же лежали обломок медного пластинчатого браслета и маленькая трапециевидная подвеска⁴. Тигель, по всей вероятности, был в употреблении долгое время, так как поверхность его сильно ошлакована. Вокруг найденных вещей было много золы и мелких угольков. По-видимому, здесь открыты остатки меднолитейного производства. На глубине 2—2,15 м у восточной стенки раскопа (в квадрате 10) обнаружены следы деревянного столба диаметром 0,18 м. В предматериковом слое на глубине 2—2,2 м отмечались глиняные прослойки в отдельных местах раскопа.

Более отчетливо стратиграфия городища выяснена в разрезе западного обрыва. Здесь несколько выше материка по всему обрыву наблюдалась глиняная прослойка темно-коричневого цвета с отдельными вкраплениями золы и угля, больших и малых камней. Возможно, этот мощный слой глины и камня представлял собой остатки укрепления склонов городища, частью уже разрушенных постепенными обвалами. Укрепление краев площадки глиной и камнями отмечают Л. А. Евтюхова при исследовании городища Барвиха⁵, расположенного в 8 км от с. Успенского, ниже по Москве-реке, В. А. Городцов — при раскопках Старшего Каширского городища⁶ и Ю. Г. Гендуне — на городище Топорок⁷.

Наличие отдельных глиняных прослоек в других местах, возможно, объясняется тем, что глину, оставшуюся от укрепления, использовали для выравнивания площадки.

Переходя к описанию вещей, найденных на городище, следует отметить, что среди керамики можно выделить 4 типа (рис. 45).

1. «Сетчатая» керамика, сделанная от руки, покрытая узором, отдаленно напоминающим сетку. В подавляющем большинстве она была встречена в нижнем слое (от материка до 0,5—0,6 м); выше попадались лишь отдельные черепки подобной керамики. Сосуды — толстостенные, с массивным плоским дном; очень редко встречались и тонкостенные, у которых намечен чуть отогнутый венчик. Глина — с большой примесью дресвы; черепок в изломе темно-серый. Найден 2 обломка крышки сосуда, орнаментированных «сеткой». Так же украшались и днища; на одном из их обломков сетка нанесена с внутренней и наружной сторон, причем ясно видно, что она отпечатана каким-то твердым штампом круглой формы (диаметр — 0,09 м). Орнамент на «сетчатой» посуде довольно редок и обычно только ямочный, состоящий из одного, двух, четырех округлых углублений, расположенных отдельными участками по верхней части сосуда. Керамике этой

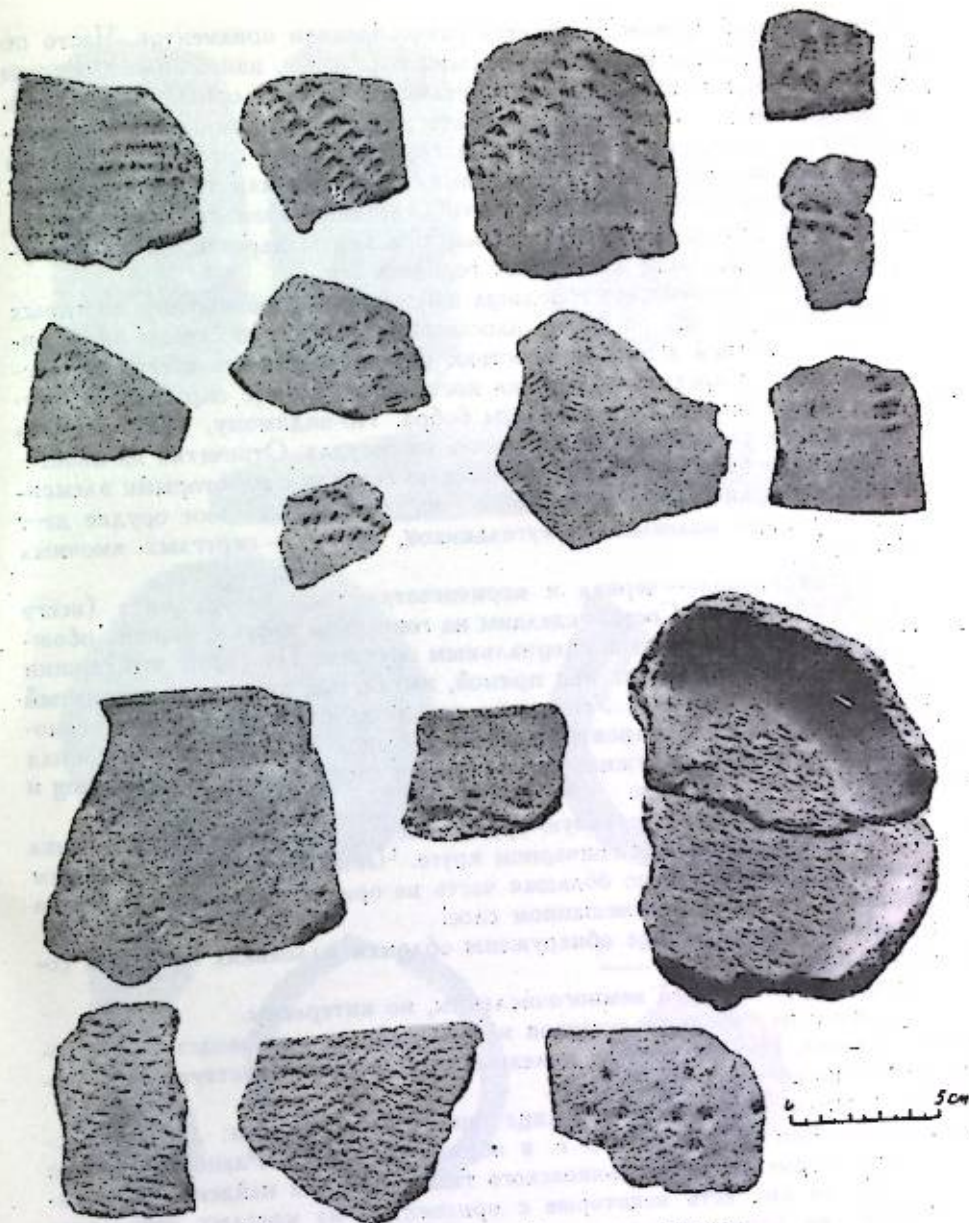

Рис. 45. Керамика с Успенского городища.

группы очень близка «сетчатая», известная из нижних слоев городищ Барвиха⁸, Топорок⁹, Дьяково¹⁰, Старшее Каширское¹¹, Сетунское¹².

2. Вторую группу, наиболее многочисленную, составляют обломки гладкостенной лепной посуды. Форма сосудов различна: обычно баночные горшки, но встречаются сосуды с выпуклыми боками. Венчики или отсутствуют, или только намечены и чуть отогнуты. Глина темно-серого цвета содержит примесь дресвы. Обжиг хороший.

⁸ Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 120.

⁹ Ю. Г. Гендуне. Указ. соч.

¹⁰ В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Труды IX АС, т. II, М., 1897.

¹¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 10.

¹² О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 108.

⁴ При попытке взять подвеску она рассыпалась на мелкие кусочки.

⁵ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 114.

⁶ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. (Результаты археологических исследований в 1925—1926 гг.). Известия ГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 8.

⁷ Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тверь, 1906, стр. 3.

Керамика этой группы отличается разнообразием орнаментов. Часто по верхнему краю сосуда украшались косыми нарезками, нанесенными острым орудием, защипами, вдавлениями и штампом. Стенки орнаментировались различными способами: отпечатками зубчатого чекана, напоминающими веревочку, треугольниками, составляющими геометрические фигуры, штампами с различным рисунком, просто нарезками, защипами или тонким процарапыванием острой палочкой. Иногда эти отдельные элементы встречаются в комбинации друг с другом. Подобные орнаменты характерны для сосудов из упомянутых выше дьяковских городищ.

В 1953 г. в нижнем слое городища найдены два любопытных костяных предмета. Один из них по форме напоминает втульчатую стрелу, но отличается от нее полной асимметричностью; рабочая часть его в сечении треугольная. Другой предмет — длинная костяная палочка с округлым выступом на конце, сделанная из ключицы бобра. По-видимому, оба предмета использовались для нанесения орнамента на сосудах. Отпечатки на пластелине, сделанные этими орудиями, полностью совпали с некоторыми элементами орнаментации керамики, найденной на городище. Первое орудие дает отпечатки в виде маленьких треугольников, второе — округлых ямочных углублений.

3. Третья группа — черная и коричневатая лощеная керамика (всего найдено 28 обломков). Сосуды сделаны на гончарном круге и хорошо обожжены. Поверхность залощена специальным орудием. По форме это горшки с выпуклыми боками; венчик или прямой, вытянутый вверх, или отогнутый наружу. Лощеная керамика Успенского городища близка таким же чернолощенным сосудам из курганов у деревень Почепок и Шаньково. Подобная керамика постоянно обнаруживается в верхних слоях дьяковских городищ и датируется IV—V вв. н. э.

4. Последнюю, многочисленную группу составляет славянская керамика XI—XIII вв., сделанная на гончарном круге. Часть ее украшена линейным и волнистым орнаментом, но большая часть не орнаментирована. Встречена эта керамика только в перемешанном слое.

Кроме того, на городище обнаружены обломки маленьких глиняных сосудов.

Находки других вещей немногочисленны, но интересны.

О наличии на городище остатков меднолитейного производства уже говорилось выше. Найдены также железные шлаки, свидетельствующие о выплавке местными жителями железа.

Обнаружены 3 глиняных пряслица биконической формы: два — в раскопе, одно — при разведке 1953 г. в обрыве городища. Разнообразны по размерам и форме «грузики дьяковского типа», которых найдено 10 экземпляров. Среди них есть некоторые с орнаментом из круглых небольших углублений; на одном нижняя поверхность украшена прямыми линиями, пересекающимися в центре. Следует обратить внимание на то, что в слое с «сетчатой» керамикой «грузики» не встречены. Очевидно, они появились у дьяковцев позднее. К предметам неизвестного назначения, условно называемым ритуальными, относятся 2 брусочка: один целый, сделанный из камня, и обломок такого же брусочка из глины (рис. 46 — 1, 2). На поверхности их нанесен точечный орнамент из мелких круглых углублений или наколов, причем на каменном с оборотной его стороны процарапаны 4 довольно глубокие прямые параллельные линии. Обратная сторона другого брусочка украшена такими же ямочными наколами, как и лицевая. Подобные глиняные таблички с аналогичными изображениями известны из Дьякова¹³ и Огубского городищ¹⁴. Что представляют собой изображения

¹³ В. И. Сизов. Указ. соч., табл. XXVI, 4, 7.

¹⁴ В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Труды ГИМ, вып. I, М., 1926, стр. 119.

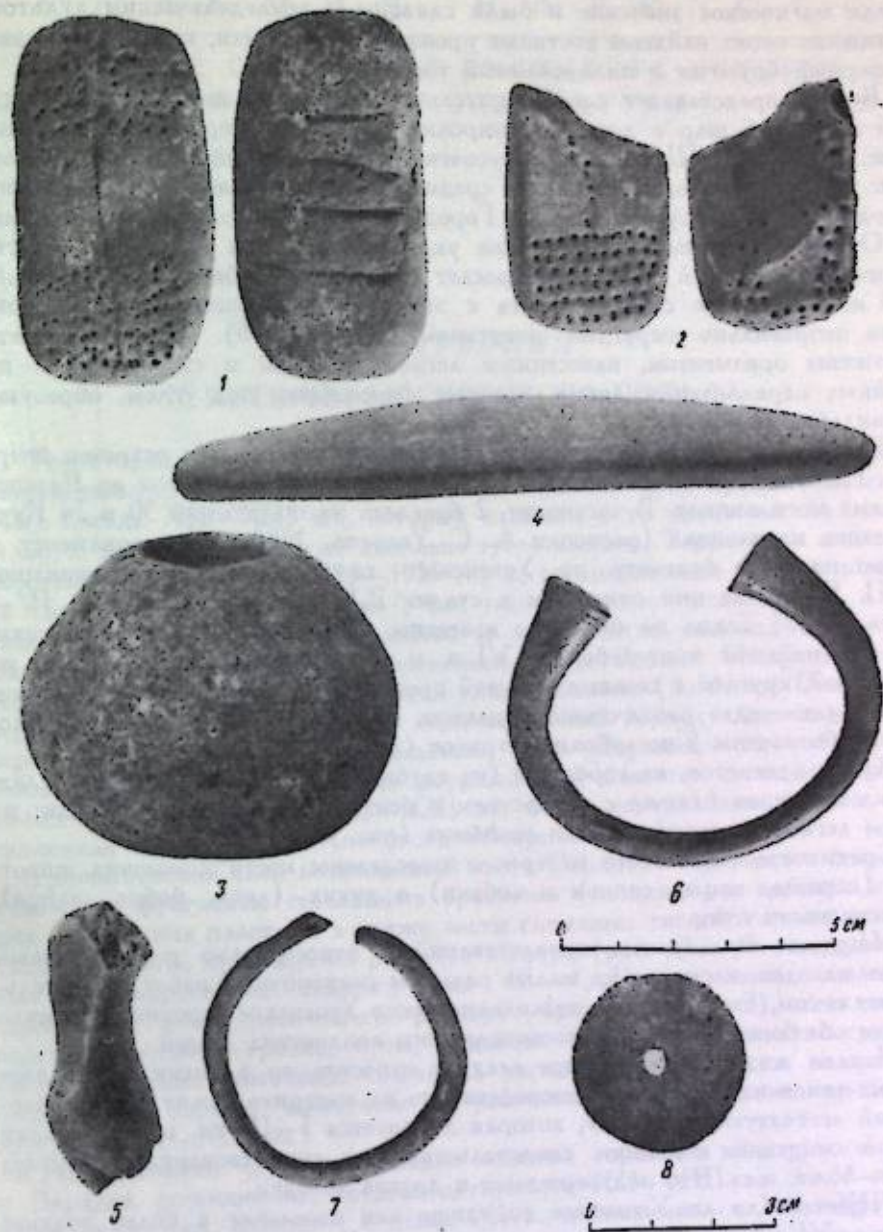

Рис. 46. Вещи из раскопок Успенского городища.

1, 2 — ритуальные таблички; 3 — каменная булава; 4 — шиферный утюжок-гадалька; 5 — женская фигурка; 6 — бронзовый браслет с расширяющимися концами; 7 — бронзовый браслет; 8 — медная бляшка.

на табличках, — определить пока невозможно, но несомненно, что дьяковцы вкладывали в них какой-то определенный смысл.

На глубине 0,5 м в перемешанном слое найдена глиняная фигурка женщины (рис. 46 — 5). Голова, руки и ноги ее отбиты. Однако трактовка фигурки как женской не оставляет сомнения. Надо отметить, что фигурка более реалистична, чем схематические глиняные изображения из Дьякова и Огубского городищ¹⁵. Подобные фигурки, по мнению многих археологов,

¹⁵ Коллекция ГИМ, инв. № 2132—2183, 5481-3.

имели магическое значение и были связаны с земледельческим культом. В нижних слоях найдены костяные проколки и трубочки, каменная булава, шиферный брусочек и полированный топор.

Булава представляет собой тщательно сделанный, несколько сплюснутый каменный шар с довольно широким круглым отверстием в середине (рис. 46—3). Шиферный брусочек с полированной поверхностью (рис. 46—4) находит аналогии среди инвентаря Дьякова и Огубского городищ. Такие брусочки В. А. Городцов считал утюжками-гладилками.

Очень интересны metallические украшения. Среди них первое место занимает массивный бронзовый браслет (найден на глубине 1,2 м), сделанный из круглого в сечении прута с значительно расширяющимися концами неправильно округлых очертаний (рис. 46—6). Концы браслета украшены орнаментом, нанесенным легкой насечкой и составленным из тройных параллельных линий, которые, пересекаясь под углом, образуют правильные ромбики.

В культурном слое дьяковского городища такой браслет встречен впервые. Наиболее близкие аналогии можно найти среди браслетов из Рязано-Окских могильников. В частности, 2 браслета из погребений 30 и 34 Курманского могильника (раскопки А. С. Уварова, 1888 г.) по орнаменту и форме подобны браслету из Успенского городища. По классификации П. П. Ефименко они относятся к стадии В-В, которая датируется IV—V вв. н. э.¹⁶ Такие же браслеты известны среди древностей Прибалтики, где они найдены в погребениях VI в. н. э.¹⁷ Второй браслет сделан из бронзовой, круглой в сечении, толстой проволоки с обрубленными концами. На концах — едва различимый орнамент, состоящий из углубления, в котором обозначены 5 неглубоких штрихов (рис. 46—7).

Кроме браслетов, на городище (на глубине 0,9 м) обнаружена круглая, слегка выпуклая бляшка с отверстием в центре. Она сделана из меди; по краям легкой насечкой нанесен орнамент (рис. 46—8).

Среди остеологического материала определены кости домашних животных (коровы, овцы, свиньи и собаки) и диких (лося, бобра, зайца), а также кости птиц.

Мощность культурных напластований и относительно разнообразный состав находок, несмотря на малые размеры раскопочных работ, свидетельствуют о том, что в течение нескольких веков Успенское городище служило местом обитания довольно многочисленного коллектива людей.

Начало жизни на городище следует относить ко времени не позднее первых веков нашей эры. Непосредственно на материке лежит слой, содержащий «сетчатую» керамику, которая датируется I—III вв. н. э. Находки черной лощеной керамики свидетельствуют о существовании городища в IV—V вв. н. э. Это подтверждают и другие находки.

Существовало ли Успенское городище как поселение в более позднее время — VI—X вв., — выяснить не удалось. Кое-где в западном обрыве заметна стерильная прослойка песка (0,2—0,25 м), но в раскопе, где верхние слои перекопаны, проследить ее оказалось невозможным.

В X—XIII вв. городище было занято славянским поселением — селцем, которое позднее, в XIV—XV вв. переместилось ближе к берегу Москвы-реки, на место, где расположено в настоящее время с. Успенское. По письменным источникам это село известно с XIV в. Впервые оно упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты (1331 г.) под названием Вяземское на Москве-реке, затем встречается в Межевом акте 1504 г. уже как Вяземское-Успенское.

А. Ф. ДУБЫНИН

К ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ПОСАДА

Территория, расположенная между улицей Разина и Москвой-рекой, сохранившая старое название «Зарядье», была окраиной древнего Московского посада XII—XIII вв., который занимал в то время весьма значительную площадь и был уже довольно густо заселен. Территория его, судя по раскопкам в Зарядье 1953—1955 гг., не ограничивалась «узкой полосой по Подолу вдоль берега реки»¹, как первоначально предполагали, а занимала более широкое пространство и захватывала возвышенную часть Зарядья по направлению к современной улице Разина. Площадь между берегом Москвы-реки и современной улицей Разина (до бывш. Псковского переуллка) освобождалась в тот же первоначальный период заселения, что и береговая часть, причем возвышенная часть Зарядья, — где обнаружен более мощный (до 0,4—0,6 м) культурный слой домонгольского времени, — по-видимому, являлась в XII—XIII вв. более центральным местом, чем низменная полоса Подола (по бывш. Мокринскому переулку).

Домонгольский слой возвышенной части Зарядья² содержал в большом количестве фрагменты стеклянных браслетов (гладких — в верхних и витых — в нижних пластах), а также части глиняных тиглей, глиняные пряслица и грузила, пряслица из розового шифера (рис. 47—4), части железных цилиндрических замков (рис. 47—1, 2) и ключи, железные черешковые ножи небольшого размера (рис. 48—1, 2), стеклянные перстни, костяные гребни, бусы, подвески, черепки глиняной посуды и кости домашних животных. Керамика украшена линейным и волнистым орнаментом, хорошо известным по раскопкам древнерусских городов и курганов XII—XIII вв.

На основании изучения находок нижний горизонт культурного слоя в Зарядье, по-видимому, следует датировать XII—XIII вв. Слой начал здесь отлагаться, очевидно, в конце XI в., а местами — в XII—XIII вв. К этому времени и относится заселение района московского Зарядья.

Большое количество фрагментов стеклянных браслетов в древнейшем культурном слое вполне подтверждает тот факт, что в XII в. Москва была уже поселением городского типа, а не селом.

Район Зарядья постепенно заселялся ремесленными людьми. Они занимались обработкой железа, литейным, кожевено-сапожным, костерезным делом и т. д. Найдены железные шлаки, глиняные тигли и льячки (рис. 47—3, 6), каменные литейные формочки (рис. 47—5, 11), обрезки кожи, поделки из кости и т. д. Разводили домашних животных. В Зарядье

¹ М. Г. Рабинович. Археологические исследования Московского посада. «Вопросы истории», 1951, № 5.

² А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955; его же. Археологические исследования в Зарядье в 1954 г. КСИИМК, вып. 65, 1956.

¹⁶ П. П. Ефименко. Рязано-Окские могильники. Материалы по этнографии, т. III, М., 1926, стр. 75, 76.

¹⁷ Н. Моога. Pirmatheja Kapienas iekasta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīga, 1952, стр. 93.

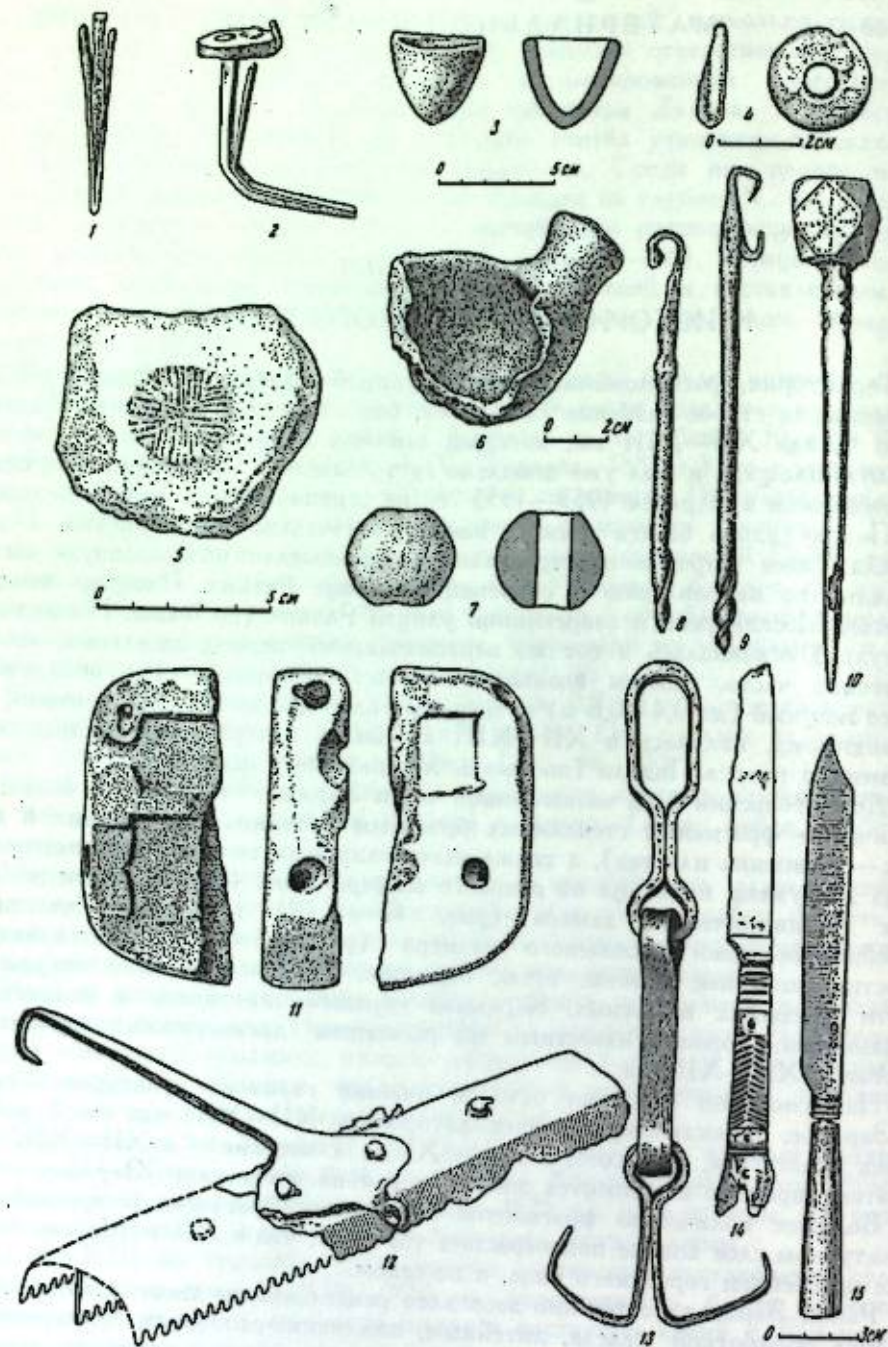

Рис. 47. Находки из раскопок в Зарядье.

1, 2 — части железных цилиндрических замков; 3 — глиняный шпинделек; 4 — шиферное пряслице; 5, 11 — части каменных ленточных формочек; 6 — глиняная альчика; 7 — глиняное грузило; 8, 9 — железные спиералы; 10 — железный стержень с многогранной головкой; 12 — железная конская сребринца; 13 — дверная железная цепь; 14 — нож; 15 — нож с клеем и костяной рукояткой; 1, 2, 4 — из слоев XII—XIII вв.; 3, 5, 6, 11 — XIII—XV вв.; 7, 12, 15 — из комплекса XVI—XVII вв.; 8—10, 13—14 — из комплекса XVII в.

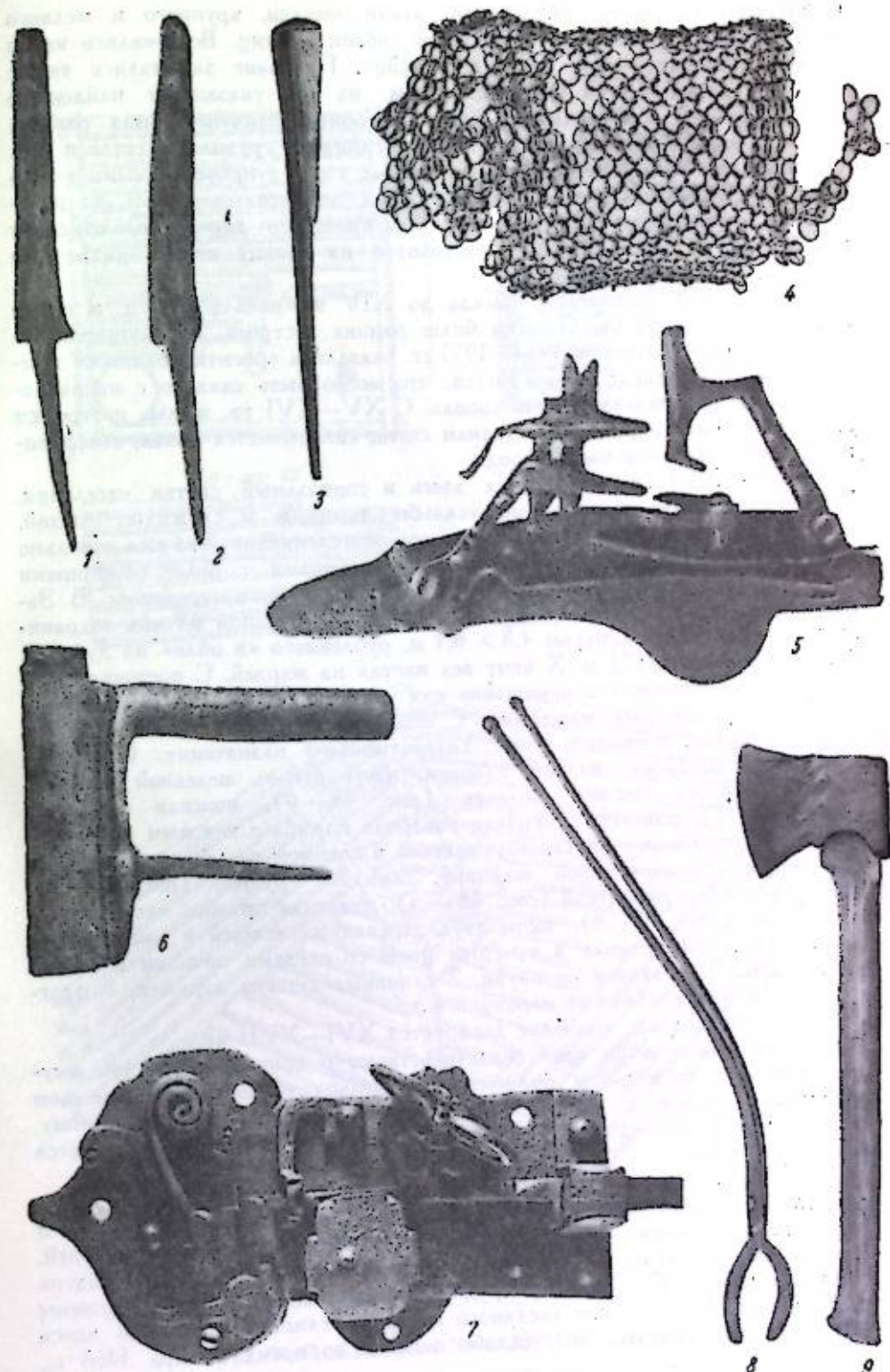

Рис. 48. Находки из раскопок в Зарядье.

1, 2 — ножи железные; 3 — шпал с костяной рукояткой; 4 — часть рукава железной кольчуги с оторочкой из медных колец; 5 — железный замок от кременного ружья; 6 — часть замка; 7 — бронзовый дверной замок; 8 — железные ялщи; 9 — железный топор с деревянной рукояткой; 1, 2 — из слоев XII—XIII вв.; 3, 4, 6 — из комплекса XVI—XVII вв.; 5, 7—9 — из комплекса XVII в.

в большом количестве обнаружены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, а также кости собаки и птиц. Встречались кости диких животных — досья, медведя и зайца. Горожане занимались также сельским хозяйством и огородничеством, на что указывают найденные сошник от двузубой сохи и серп³. Подсобным занятием была рыбная ловля, о чем свидетельствуют каменные и глиняные грузила от сетей и т. д.

Жили горожане в небольших деревянных домах с приусадебными участками, огороженными частоколом. В нижнем, домонгольском слое, на перекрестке современных Елецкого и Максимовского переулков, открыты остатки двух таких заборов — частоколов из тонких кольев диаметром 3—4 см.

Планировка Московского посада до XIV в. — начала XV в. и после XV в. была различна. Остатки более ранних построек, преимущественно домов, в районе раскопок 1953—1955 гг. оказались ориентированными примерно на северо-запад и юго-восток, что могло быть связано с направлением их на центральную часть города. С XV—XVI вв. жилые постройки здесь уже ориентируются по странам света; складывается новая, современная планировка этой части города.

В XV—XVI вв. изменяется здесь и социальный состав населения. Появляются более зажиточные усадьбы торговых и служилых людей, а также, по-видимому, и крупных мастеров-ремесленников. Это уже довольно большие усадьбы, огороженные высокими заборами, с более обширными домами, часто имеющими подполья, и с надворными постройками. В Зарядье обнаружено несколько подобных усадеб. От одной из них сохранились остатки дома размером 4,8 × 6,1 м, рубленного «в обло» из дубовых бревен диаметром 0,25 м. К нему вел настил из жердей. С восточной стороны к дому примыкало помещение для скота (4,8 × 5 м). Пол этой постройки был выстлан жердями. С северной стороны дома находилось третье строение, очевидно, тоже хозяйственного назначения. С данным комплексом построек связаны находки: часть рукава железной кольчуги с оторочкой из медных колечек (рис. 48—4), конская скребица (рис. 47—12), подкова, свинцовая товарная пломба с неясным изображением, железный нож с костяной рукояткой и клеймом на лезвии (рис. 47—15), гвоздь с декоративной шляпкой, глиняное грузило (рис. 47—7), шило с костяной рукояткой (рис. 48—3), железная пряжка, часть железного замка (рис. 48—6), части двух деревянных ковшей и миски, деревянная чаша, окрашенная в красный цвет, со следами починки медными заклепками, 10 подковок от обуви, 7 глиняных детских игрушек, 8 фрагментов красных рельефных изразцов и др.

Судя по находкам, комплекс датируется XVI—XVII вв.

Перечисленные вещи ярко свидетельствуют о привилегированном имущественном и социальном положении владельца усадьбы. Позднее дом приходит в упадок и разрушается, территория усадьбы, по-видимому, делится между наследниками. На ней появляются заборы и возводятся новые постройки.

На другом участке вскрыты следы усадьбы, обнесённой высоким забором. Между двумя рядами кольев от заборов (наружного — частокола и внутреннего — плетня) сохранились остатки настила из березовых жердей, который вел, по-видимому, к дому. На уровне настила у частокола найдена шиферная иконка (XV в.)⁴, у предполагаемого входа в дом обнаружены дверной пробой и обломок костяного гребня. Углистая прослойка здесь дает основание считать, что усадьба погибла во время пожара 1468 г.

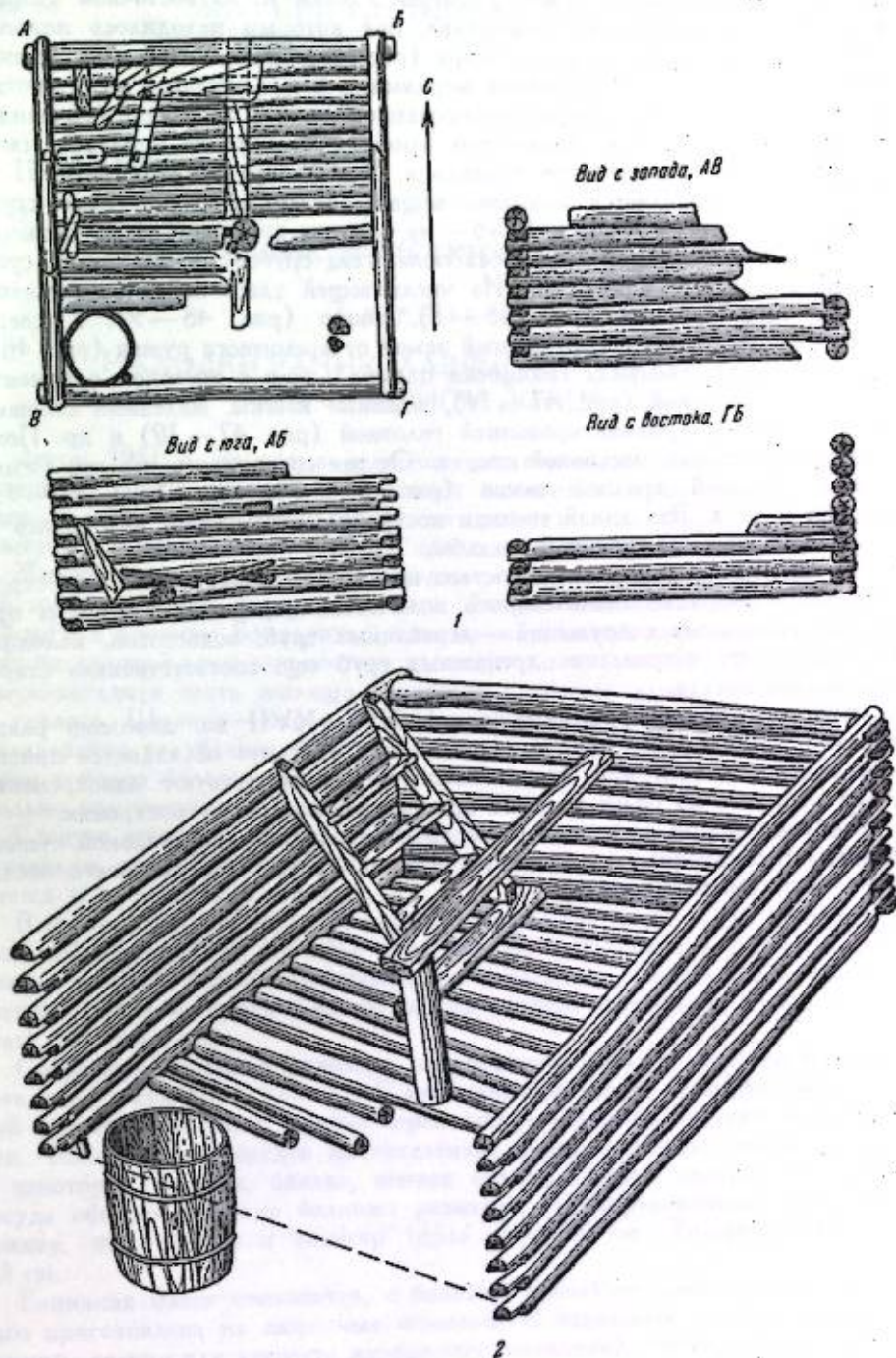

Рис. 49. Подполье дома XVI—XVII вв. в Зарядье.
1 — план и разрез; 2 — реконструкция.

³ А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции, рис. 23.

⁴ Там же, рис. 24, 2.

упоминаемого в летописи, когда горел «посад на Москве у Николы Мокрого»⁵.

К тому же разряду усадеб принадлежат остатки дома, основной сруб которого, по-видимому, имел размеры $5 \times 8,8$ м. С восточной стороны к нему было прирублено помещение, под которым находилось подполье ($2,8 \times 2,9$ м) глубиной около метра (рис. 49). В подполье вела лесенка; пол его был застлан березовыми жердями, а в юго-западном углу вкопана дренажная бочка. Кусок орнаментированной кожи с прорезью, — очевидно, от седла, — и большое количество красных рельефных изразцов также указывают на зажиточность владельца. Дом датируется XVI—XVII вв.

Наконец, выделяется комплекс вещей, связанный с остатками сруба, видимо, от погребца XVII в. Сруб — из толстых дубовых бревен, размером $3,8 \times 4,2$ м и глубиной 2,2 м; без пола. Над срубом, по-видимому, существовало наземное помещение. Из числа вещей здесь найдены: железные клещи типа кричных (рис. 48—8), топор (рис. 48—9), 2 сверла (рис. 47—8, 9), черпак, ружейный замок от кремневого ружья (рис. 48—5), подсвечник, товарная свинцовая пломба⁶, нож с костяной орнаментированной рукояткой (рис. 47—14), кожаные ножны, железный стержень с многогранной орнаментированной головкой (рис. 47—10) и др. Помещение закрывалось массивной дверью. От нее сохранились навески (жиковины), большой врезной замок (рис. 48—7), цепь (рис. 47—13), крючки и т. д. Эта хозяйственная постройка, несомненно, находилась на территории тоже зажиточной усадьбы.

С изменением социального состава населения, очевидно, связаны строительство в Зарядье значительного количества церковных зданий и прокладка дренажных сооружений — деревянных труб, водостоков, колодцев. Первоначально направление дренажных труб еще соответствовало старой планировке посада.

Конструкция обнаруженных домов XIV—XVII вв. довольно разнообразна, причем рубка срубов «в обло» или «в лапу» не является признаком древности того или иного способа — они существуют одновременно. Дома рубились из более толстых бревен, чем подсобные постройки.

Собранный при раскопках в Зарядье материал в значительной степени дополняет письменные сведения по истории древнего Московского посада и уточняет его планировку.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

Д. Я. ТЕЛЕГИН

НАХОДКИ РАННЕСЛАВЯНСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРНОМ ДОНЦЕ

Летом 1951 г. во время раскопок неолитических стоянок в бассейне Северного Донца автором обнаружены памятники раннеславянского времени. В связи с тем, что подобные материалы с этой территории пока не известны¹, наши находки, видимо, представляют научный интерес.

Жилище с керамикой ранних славян раскопано нами на окраине бороной террасы левого берега Северного Донца несколько южнее г. Изюма (14 км), в урочище Бондариха². Оно прямоугольной формы и ориентировано по длинной оси с юго-востока на северо-запад (рис. 50). К сожалению, северо-западная часть жилища разрушена, поэтому длину его определить не удалось. Ширина — около 4 м. Пол несколько углубленный; в момент исследования углубление было заполнено черным углистым песком, в котором собрано большое количество черепков, кусочков охры, шлаки и несколько брусочков.

Следует отметить, что тонкая прослойка черного песка с аналогичными находками, хорошо фиксирующая древнюю дневную поверхность, продолжается и за пределами жилища.

В южном углу жилища расчищено большое кострище — яма удлиненно-овальной формы ($1 \times 1,4$ м) с округлым дном (глубина — 0,4 м), заполненная черным песком, смешанным с угольками. Печины или камней, которые могли бы иметь какое-то конструктивное значение при сооружении очага, не обнаружено.

Собранная керамика довольно однообразна. Нам удалось реставрировать один сосуд (рис. 51—1). У него широкое горло, сравнительно высокий венчик, небольшие, плавно переходящие в тулово плечики и плоское дно. Большинство сосудов на поселении, очевидно, было такой формы. В некоторых случаях, однако, венчик сильно отведен наружу. Глиняная посуда обычно довольно больших размеров. Реставрированный сосуд, например, имел высоту и диаметр горла около 40 см. Толщина стенок — 1,3 см.

Глиняная масса комковатая, с большой примесью шамота, часть которого приготовлена из амфорных черепков. В отдельных случаях отмечена примесь дресвы или каких-то железистых соединений. Вообще сосуды изготовлены небрежно, поверхность сглажена плохо, обжиг слабый. В изломе

¹ И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левого бережья. СА, XVI, 1952, стр. 10, 11.

² Подробнее о топографических условиях см. Д. Я. Телегин. Неолитична стоянка в урочищі Бондариха. «Археологія», т. IX, Київ, 1954.

⁵ ПСРА, т. XXV, М., 1949, стр. 281.

⁶ А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции, рис. 24, 1.

черепок обычно темно-серый, и только внешняя поверхность обожжена до светло-желтого цвета.

Сосуды, как правило, лишены орнаментации; лишь некоторые из них были украшены по срезу венчика ногтевыми и пальцевыми отгисками или

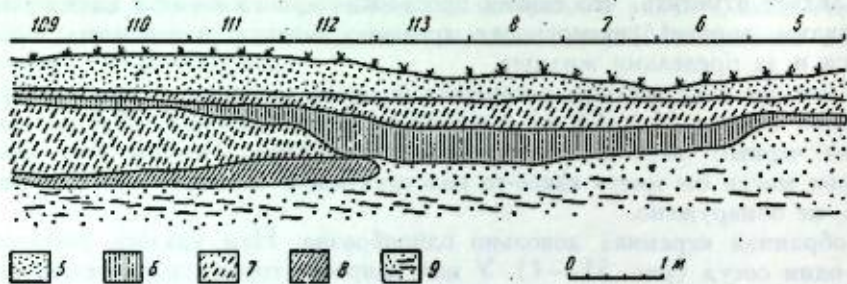
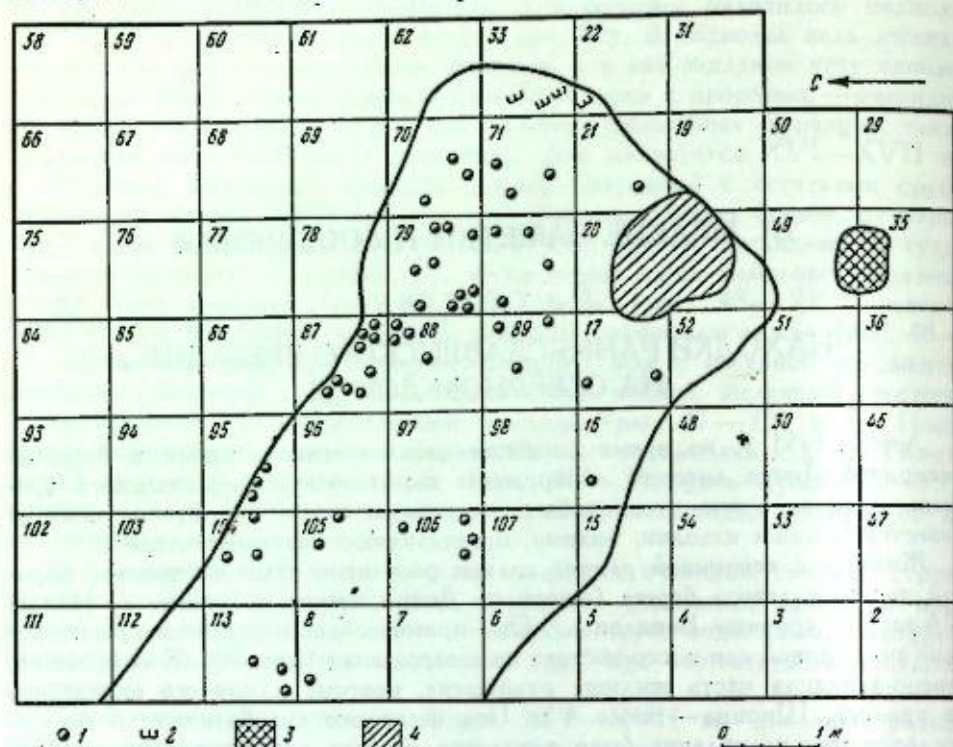

Рис. 50. План и профиль жилища в урочище Бондариха.

1 — керамика; 2 — шлаки; 3 — погребение; 4 — очаг; 5 — серый воловий песок; 6 — заполнение раннеславянского жилища; 7 — песок серо-коричневый; 8 — заполнение землянки эпохи бронзы; 9 — светлый песок с прослойками орштиней.

косыми насечками (рис. 51—4). Встречен также орнамент в виде горизонтально проглаженных линий (рис. 51—5).

Кроме описанной выше лепной керамики, в заполнении жилища собраны черепки амфор с фигурной в сечении ручкой и гофрированным горлом. Кроме того, отметим плоское дно кувшина (?), изготовленного из той же массы, что и амфоры. Из числа иных керамических изделий, относящихся к раннеславянскому времени, следует назвать обломок плоского круглого предмета, возможно глиняной крышки.

На расстоянии 0,8 м от южного угла жилища расчищено трупосожжение. Обугленные человеческие кости сложены в небольшую (0,5 × 0,5 м) ямку квадратной формы. Заметно, что большие трубчатые кости положены вдоль стены ямы, а мелкие просто ссыпаны кучкой. Среди них — обломки черепа, челюстей и зубы. Судя по характеру зубов, можно говорить о погребении здесь двух лиц разного возраста — взрослого человека и ребенка. Никакого инвентаря не обнаружено. Погребение перекрывалось ненарушенной черной прослойкой, фиксирующей дневную поверхность жилища.

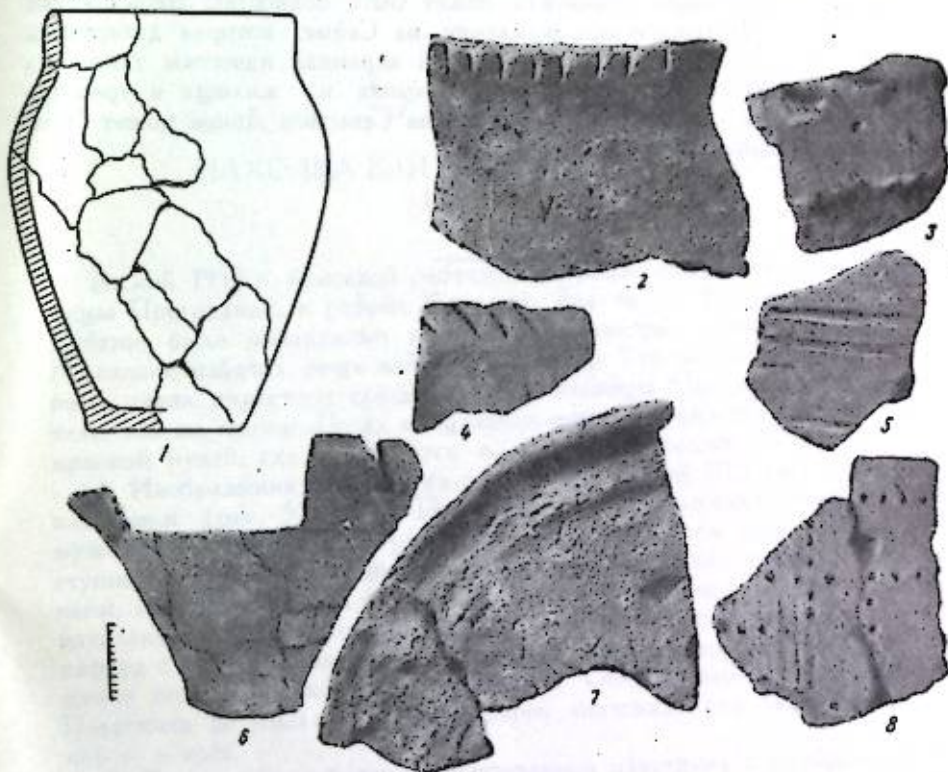

Рис. 51. Керамика раннеславянского времени.

1—5 — с селенца в урочище Бондариха; 6 — из сборов у с. Загорольное; 7, 8 — из сборов у с. Студенок.

Поэтому можно думать о довольно древней дате захоронения. Возможно, она хронологически соответствует времени существования раннеславянского жилища.

Керамика, аналогичная изделиям из жилища, вскрытого в урочище Бондариха, известна и на других поселениях по среднему течению Северного Дона.

Большое количество черепков собрано при исследовании поселения эпохи бронзы южнее с. Студенок, Красно-Лиманского района, Сталинской области. Эти находки залегают в слое черного песка, перекрывавшего все наслоения с более древними материалами. По характеру глиняного теста, формам сосудов и орнаменту раннеславянская керамика этого поселения мало чем отличается от описанной выше. Следует лишь отметить, что здесь, кроме того, встречены глиняные сковородки (рис. 51—7), а на сосудах отмечен орнамент в виде небольших сосковидных налетов. Одни или два сосуда были украшены оригинальным орнаментом, состоящим из небольших цилиндрических ямок (рис. 51—8).

Широкогорлый сосуд с невысоким венчиком, близкий по составу глиняной массы к бондарихинской керамике, обнаружен нами при обследовании обнажений пойменной террасы южнее с. Загородное, Петровского района, Харьковской области, около места впадения в Северный Донец р. Беречки (рис. 51—6). Отдельные находки черепков, относящихся к раннеславянскому времени, известны также из окрестностей хутора Зливки, Красно-Лиманского района, Сталинской области.

Обнаруженная на Северном Донце керамика по составу глиняной массы, формам сосудов и типам орнамента может быть полностью сопоставлена с найденной на Волинцевском поселении на Сейме, которая датируется VI—VII вв. н. э.³ Близкие аналогии этой керамике известны также из Надпорожья Днепра⁴. По-видимому, керамика из жилища в урочище Бондариха и иных аналогичных поселений на Северном Донце может быть датирована серединой I тысячелетия н. э.

Т. М. МИНАЕВА

НАХОДКА БЛИЗ СТАНИЦЫ ПРЕГРАДНОЙ
НА р. УРУПЕ

Весной 1953 г. бригадой рабочих при рытье скотомогильника близ станицы Преградной, в районе Круглого Яра на р. Урупе, левом притоке Кубани, было обнаружено некоторое количество археологических вещей. По словам рабочих, вещи найдены «в начале 7-го метра глубины». Находка была сдана директору средней школы станицы Преградной и преподавателю той же школы. По их инициативе вещи направлены в Ставропольский краевой музей, где и хранятся в настоящее время. В числе находок:

1. Изображение человека из серебряной тонкой (0,3 мм) штампованной пластинки (рис. 52—1). По-видимому, изображение передает фигуру мужчины с усами. Кисти рук лежат на талии, ноги согнуты в коленях и ступни направлены в разные стороны. Круглые отверстия для глаз вытиснены, как и вся фигура, с оборотной стороны; возможно, что в них первоначально были вставлены камни или стекла. Одежду составляет короткий кафтан с глубоким вырезом на груди, перехваченный в талии. Все изображение полностью покрыто позолотой. Общая высота фигурки — 6 см. Пластинка не имела самостоятельного значения; она укреплялась на какой-то основе.

2. Такая же серебряная штампованная пластинка с изображением льва (рис. 52—2). Отверстие для глаза и все изображение вытиснены с оборотной стороны. Голова, грива и передняя нога покрыты позолотой. Края пластинки загибались на какую-то основу. Кроме того, на лапах и бедре проделаны отверстия для прикрепления пластинки.

3. Три бронзовые пряжки (рис. 52—3). Кольцо прямоугольное, граничное; обойма не отделяется от кольца, игла — на два ската. На обороте обоймы — шпенок для прикрепления пряжки.

4. Три бронзовые прорезные бляшки. На обороте — шпенок для прикрепления (рис. 52—4).

5. Две бронзовые круглые плоские бляшки с тремя отверстиями. На обороте в центре бляшки — шпенок для прикрепления (рис. 52—5).

6. Бронзовая застежка с геральдическим щитком и прорезью на нем (рис. 52—6).

7. Глазок в бронзовом гнезде. Вставкой служило выпуклое стекло лилового цвета, подстланное золотой фольгой (рис. 52—7). Второй точно такой же глазок, но меньшего размера.

8. Бронзовая узкая пластинка с завитками на конце, украшенными ложной зернью. Пластинка посредством дырочек прикреплялась к какому-то предмету (рис. 52—8).

9. Разнообразные бусы: шаровидные из альмандина (рис. 53—1); янтарные неправильно-округлой формы (рис. 53—2); сердоликовые шаро-

³ Д. Т. Березовецъ. Допитання про літописних сіверян. «Археологія», т. VIII. Київ, 1953.

⁴ Раскопки В. Н. Даниленко в 1953 г. Фонды Института археологии Академии наук УССР.

видные разного размера; одна граненая и одна боченочной формы (рис. 53—3); крупная реберчатая бусина из хрусталя; пестрая из какой-то желтой массы, смешанной с зеленым стеклом; бусина из красной пасты с темными глазками; из синего стекла с белым рельефным зигзагом; стеклянная синяя колесиком и некоторые другие (рис. 53—4).

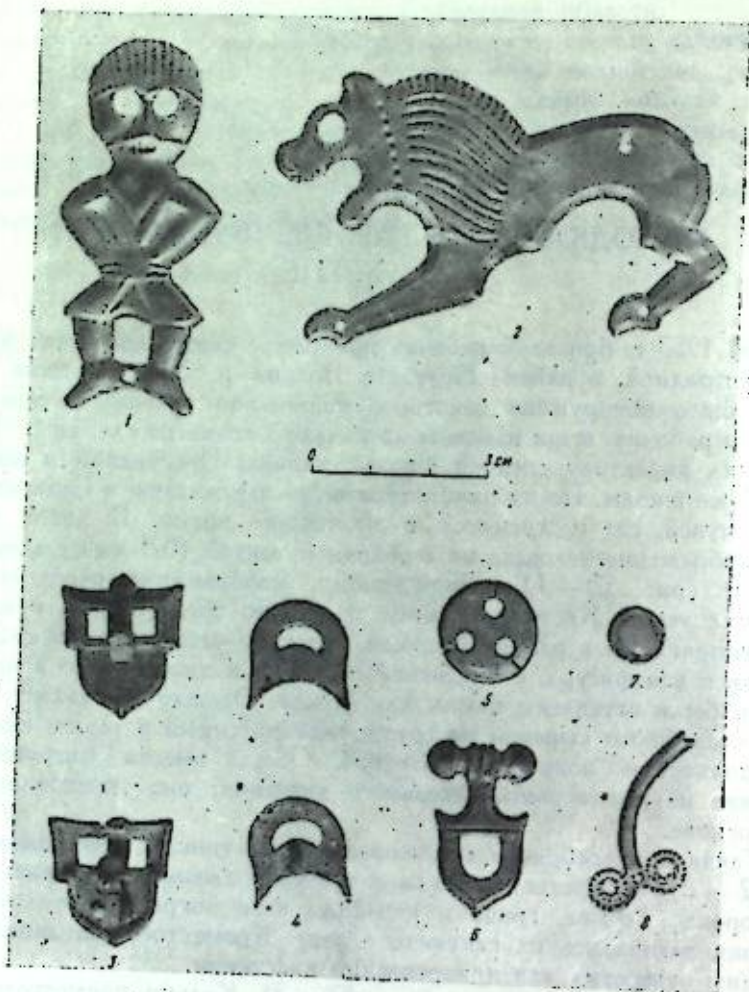

Рис. 52. Вещи из станицы Преградной.

1, 2 — серебряные пластинки; 3 — бронзовая пряжка; 4, 5 — бронзовые бляшки; 6 — бронзовая застежка; 7 — пестрая в бронзовой оправе; 8 — обломок бронзовой поделки.

Кроме указанных вещей, в инвентарной записи музея из этой же находки числится «лом металлический». «Лом» этот составляют, главным образом, обрывки тонкого серебряного позолоченного листка, покрывавшего ножны кинжала. Одни из них — с пунктирным чешуйчатым орнаментом, другие — с каймой (рис. 54—1, 2). Имеются здесь бронзовые листочки, подстилавшие стеклянные глазки (рис. 54—3), обломки с круглым вырезом и ложной зернью вдоль выреза (рис. 54—4), обрывки от бронзовых бляшек в виде лунниц (рис. 54—5) и пр. Как видим, «лом» этот весьма характерен и тесно связан со всем комплексом остальных вещей. В акте, составленном рабочими при сдаче находки, указаны «две рыбы», которые в коллекции музея отсутствуют.

Обстоятельства находки не ясны. К письму одного из рабочих директору Ставропольского музея приложен чертеж, на котором линией обозначена р. Уруп, на некотором расстоянии от нее — квадрат (он, очевидно, обозначает скотомогильник); на расстоянии 25 шагов от квадрата указан

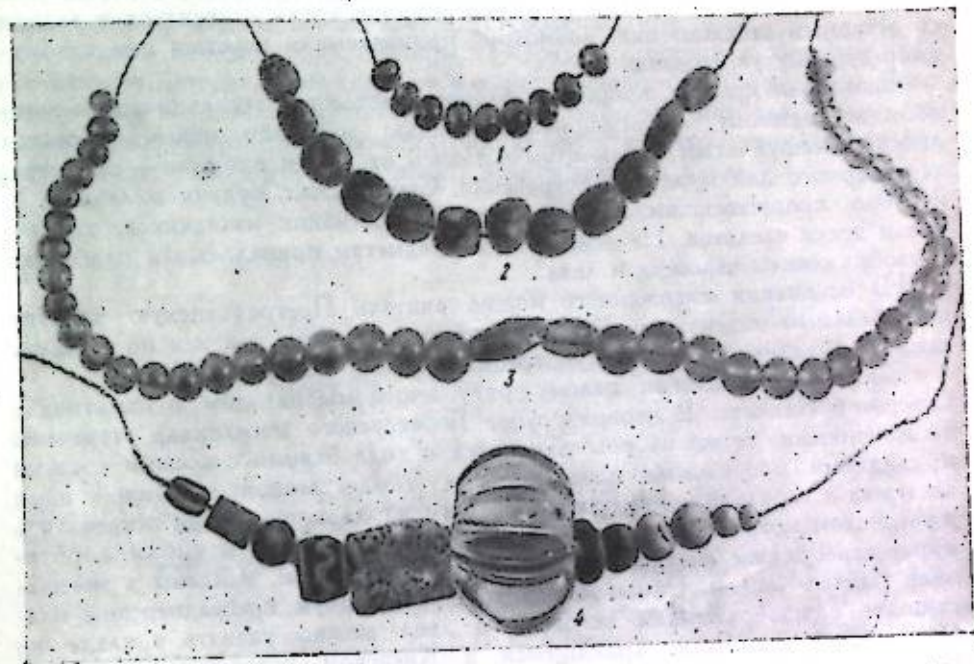

Рис. 53. Бусы из станицы Преградной.

курган. В объяснительной записке рабочих говорится о «туннели», которая «вышла на Уруп, прошла через нашу яму и пошла под курган». Выдумка о «туннели» основана, по всей вероятности, на представлении, что древние вещи всегда связаны с каким-нибудь «подземным ходом». В записке ни слова не сказано о костях человека, встречавшихся вместе с вещами; следовательно, о происхождении вещей возможно судить только по их составу.

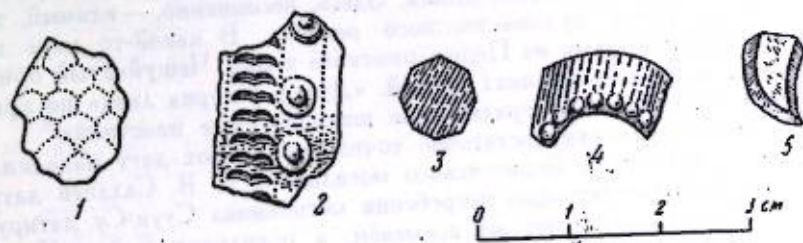

Рис. 54. Мелкие фрагменты поделок.

1, 2 — листки серебряные позолоченные; 3 — листок бронзовый; 4, 5 — обломки бляшек.

Можно предполагать, что скотомогильник рыли на кургане, потому что такие ямы обычно роятся или на холмах естественного происхождения, или на курганах.

Судя по составу вещей, они могут быть отнесены к инвентарю двух погребений — женского и мужского. К женскому погребению относятся

бусы. Найдено их больше, чем мы перечислили. По словам рабочих, часть бус ими была разбита, чтобы резать стекло, поэтому в акте все бусы названы «алмазными». В памятниках верховьев Кубани встречались мужские погребения, при которых оказывались одна или две бусины, но такой большой по числу набор, как в Преграденской находке, мог составлять только женское ожерелье. К женскому же погребению могли относиться и глазки со вставным стеклом; они, возможно, принадлежали перстню или какому-либо другому украшению.

Бронзовые пряжки, прорезные бляшки, застежка с геральдическим щитком, по-видимому, были принадлежностью мужского пояса. Обрывки листка с чешуйчатым орнаментом остались от ножен кинжала — предмета, характерного для мужского погребения. Сам кинжал, будучи железным и, конечно, проржавевшим, мог не привлечь внимания находчиков, так же как и кости скелетов. Не ясно, каким предметам принадлежали пластинки с изображением человека и льва.

На основании изложенного можно считать Преграденскую находку погребальным инвентарем. Кладом считать ее трудно, так как по качеству вещи принадлежат к самым употребительным и массовым.

Ближайшие аналоги целому ряду вещей мы находим в памятниках Северного Кавказа. В первой группе Борисовского могильника встречены те же пряжки, те же наборы для пояса в виде бляшек с косыми срезами и гладкими прорезными поверхностями, тождественная описанной нами застежка с геральдическим щитком¹. Того же характера вещи встречались в Агойском могильнике², в могильнике Суук-Су³. Ножи кинжала, обтянутые серебряным листком с чешуйчатым орнаментом, найдены в могильнике Байтал-Чапкан. Самые близкие аналоги двум преграденским пластинкам с изображением человека и льва можно указать в кладе из Мартыновки на Роси, хранящемся в Киевском историческом музее⁴. В составе этого клада — 4 человеческие и 4 лошадиные фигурки с отверстиями для набивания на какую-то основу. Человеческая фигурка из Преградной отличается от такой же из Мартыновского клада круглыми вырезами для глаз, прической и деталями одежды, но руки также согнуты в локтях, а ноги — в коленях и ступни направлены в разные стороны. Размеры фигурок приблизительно одинаковы. Изображения лошадей в Мартыновском кладе и льва в Преграденской находке также имеют общие черты. И там, и здесь животные переданы в движении: задние ноги слегка согнуты, передние вытянуты вперед; пасть открыта. По-одинаковому трактована грива, в обоих случаях позолоченная. Здесь, несомненно, — единый, твердо выработанный стиль художественного ремесла. В какой-то мере можно найти общее и с вещами из Перещепинского клада. Чешуйчатый орнамент имеется и там на наконечниках ремней. «Дутая фигурка льва» по приемам выработки напоминает преграденские штампованные пластинки⁵.

Указанные параллели достаточно точно определяют дату находки. Как известно, первую часть Борисовского могильника В. В. Саханев датирует VI в. н. э. Соответствующие погребения могильника Суук-Су датируются по монетным находкам тем же временем, а могильник Байтал-Чапкан — V в. н. э. Мартыновский клад, как указывает Б. А. Рыбаков, найден вместе

с византийскими вещами середины VI в. н. э. Перещепинский клад относится к VII в. н. э. Таким образом, аналогичный рассматриваемому материал датируется периодом от V до VII вв. н. э. включительно. Исходя из соображений, что наиболее близкие параллели Преграденской находке отмечаются в инвентаре первой группы Борисовского могильника и Мартыновского клада, мы можем и ее датировать VI в. н. э.

Значение находки близ станицы Преградной состоит в том, что она увеличивает материал, относящийся к эпохе, археологически еще очень мало освещенной на данной территории. Кроме того, эта находка расширяет область распространения произведений художественного ремесла, сделанных в стиле, характерном для вещей Мартыновского клада.

¹ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 131, рис. 22, 6.

² А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, 1909, стр. 86—95.

³ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 82, рис. 10.

⁵ А. А. Бобринский. Перещепинский клад. МАР, № 34, 1914, табл. XIV, рис. 26—48.

И. Г. САХАРОВА

О ТЕХНИКЕ НАСТИЛА МАЙОЛИКОВЫХ ПОЛОВ

Декоративное покрытие полов цветными майоликовыми плитками — один из древнейших и любимых приемов русских зодчих. Майоликовые полы известны в сохранившихся древних зданиях XI—XVIII вв., в виде фрагментов, отдельных плиток и их обломков, встречающихся при археологических раскопках. Плитки квадратной формы (рис. 55—1) и трех преобладающих расцветок (желтой, зеленой и коричневой) укладывались обычно под углом 45° к оси здания в шахматном порядке (рис. 55—3), образуя нарядную и красочную поверхность. Треугольные плитки (вполовину квадратных) заполняли образовавшиеся участки по краям вымостки. Из фасонных плиток выкладывались и более сложные орнаментальные части пола (рис. 55—4)¹.

Обычным способом укладки плиток считается посадка их на слой густого известкового раствора, положенный на плотный выровненный грунт основания. При этом плитки, имеющие скошенные книзу края (иногда с выступающим по краю тыльной стороны бортиком), вдавливались в раствор и оказывались сидящими как бы каждая в своем гнезде (рис. 55—2). Эта техника настила обеспечивает прочность майоликового пола.

При представлении, что этот способ укладки был единственным и что бывшая в употреблении плитка должна иметь на себе следы известкового раствора, археологов нередко приводят в смущение находки плиток или их обломков без следов раствора. В таких случаях предполагают, что плитки либо вовсе не были в употреблении, либо крепились, например, на глиняном растворе, либо относились к убранству стениных панелей, причем и здесь вопрос об их креплении остается неясным.

Полагаем, что публикуемые ниже данные, скорее «этнографического» характера, поскольку они относятся к очень позднему времени, интересны и для решения некоторых вопросов древнерусского декоративного искусства. Речь пойдет об архитектурных памятниках XVIII в. в Поволжье, где очень старые строительные традиции и в каменном, и в деревянном зодчестве держались до весьма поздней поры.

При исследовании памятников XVII—XVIII вв. по обломкам, найденным в культурном слое, и по сохранившимся остаткам полов установлено применение особых майоликовых плиток. Это близкие к квадрату плитки (размером 218—225 мм) преобладающих, как и в древности, расцветок — желтой, зеленой. По их конструкции будет точнее называть эти плитки изразцами, ибо они при толщине борта 34—42 мм пустотелы и имеют, как изразцы, глубокую румпу, так что на долю лицевой пластины приходится 15—18 мм (рис. 55—5).

¹ Н. Н. Ворониц. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, рис. 60.

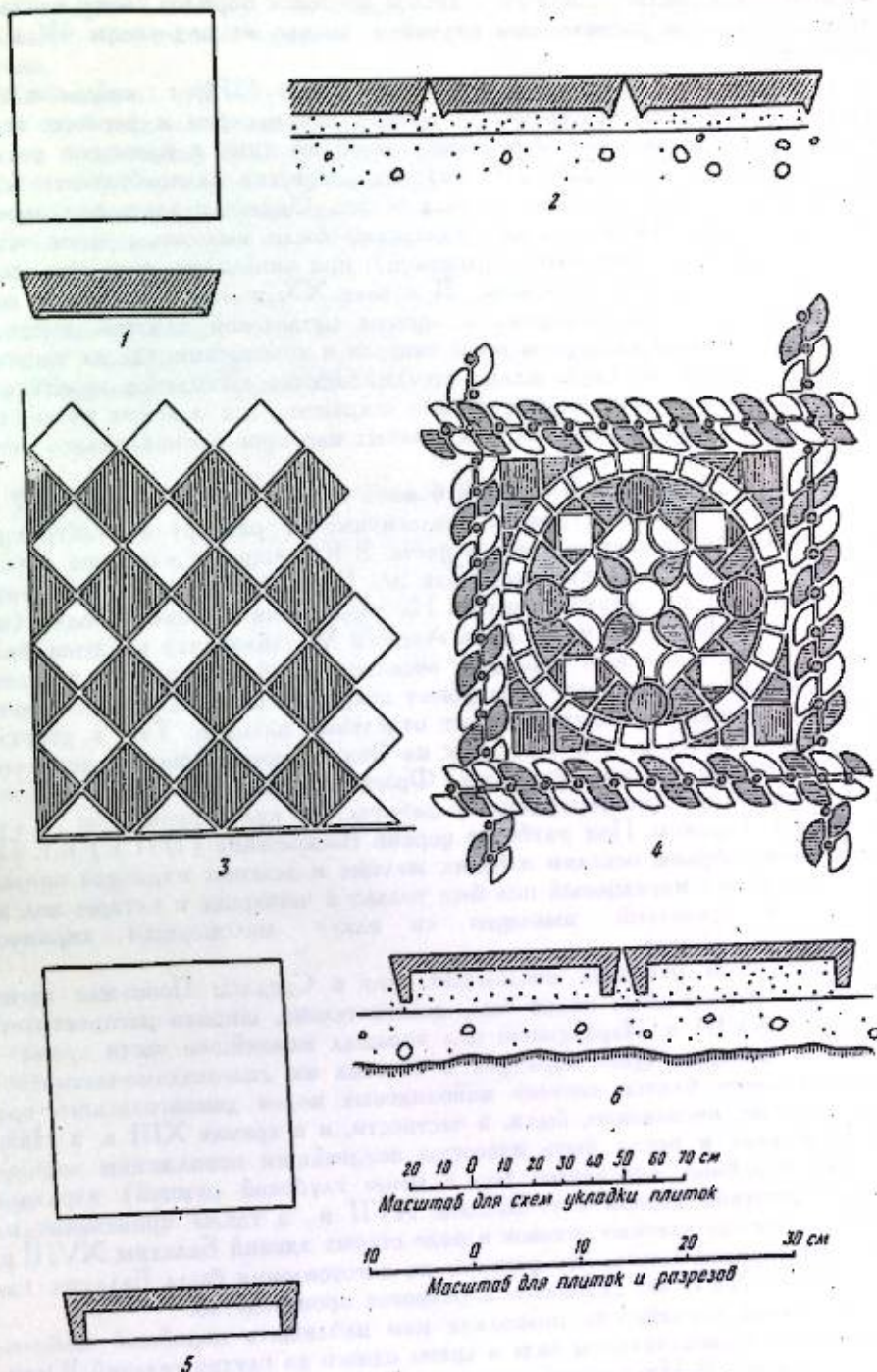

Рис. 55. Приемы укладки майоликовых плиток.

Такие изразцы из красножгущейся глины были обнаружены при разборке церкви Благовещения (1701 г.) в г. Юрьевце. Их размер — 220 × 225—230 мм, высота румпы — 40—42 мм. Они покрыты желтой и светло-зеленой эмалью. Изразцовый пол был только в четверике (основном помещении для молящихся) и апсиде; он переложен в позднее время

на цементном растворе, причем в апсиде цветовой порядок сбит: желтые и зеленые изразцы расположены случайно, но все же под углом 45° к оси четверика.

В том же г. Юрьевце в церкви Богоявления (1726 г.; сейчас в этом здании помещается Краеведческий музей) пол паперти и первого этажа колокольни был выложен изразцами такого же типа и примерно тех же размеров ($210-215 \times 220-230$ мм); их расцветка разнообразнее: белая эмаль, желтая двух оттенков, зеленая — трех. Однако и здесь пол переложено на цемент. Первоначально изразцами были выложены полы четверика, апсиды (и, может быть, трапезной); при чинках же, вероятно, добавили изразцы других оттенков. В начале XX в. при перестилке пола трапезной, приделов, четверика и апсиды метлахской плиткой выстлали вынутыми старыми изразцами полы паперти и колокольни, где их уложили не по диагонали, но параллельно стенам. Однако шахматное чередование белых и зелено-голубых изразцов было сохранено, как и кайма из желтых изразцов по краям; из желтых или зеленых изразцов производилась чинка выпадов.

При разборке церкви Казанской божьей матери в г. Юрьевце (1757 г.) в четверике и апсиде встречены аналогичные по размеру и конструкции изразцы желтого и светло-зеленого цвета. В Юрьевце же известны отдельные находки подобных изразцов. Так, на Георгиевской горе обнаружены осколки изразцов с желтой эмалью. На территории «белого города» (выстроенного в 1662 г. по указу царя Алексея Михайловича) найдены фрагменты желтых и зеленых изразцов, очевидно, из более поздних построек.

О применении подобных изразцовых покрытий полов в других пунктах Среднего Поволжья свидетельствуют отдельные находки. Так, в развалинах церкви XVIII в. в с. Катунках на Волге, ниже Юрьевца, встречены куски таких же плоских изразцов. Фрагменты изразцов желтого цвета обнаружены (при реставрационных работах) в культурном слое у стен кремля в г. Горьком. При разборке церкви Воскресения (1717 г.) в г. Пучеже также собраны осколки плоских желтых и зеленых изразцов описанного типа. Здесь изразцовый пол был только в четверике и алтаре; пол же паперти и трапезной вымощен «в елку» маломерным кирпичом ($51 \times 113 \times 253$ мм).

Приведенный материал показывает, что в Среднем Поволжье прием устройства майоликовых полов был, действительно, широко распространен вплоть до XVIII в. Изразцовый пол украшал важнейшие части храма — алтарь и четверик. Цвет изразцов и система их диагонально-шахматной выстилки очень близки системе майоликовых полов домонгольского времени, которые, несомненно, были, в частности, и в храмах XIII в. в Нижнем Новгороде и могли быть известны позднейшим поволжским зодчим. Находка подобных описанным (но с менее глубокой румпой) изразцов около Никитской церкви в г. Балахне XVII в., а также применение их в виде настенных цветных вставок в ряде старыхзданий Балахны XVIII в. позволяют предположить, что центром их изготовления была Балахна, где еще в XVI—XVII вв. развилось изразцовое производство.

Счастливая случайность позволила нам наблюдать подобный майоликовый пол в первоначальном виде в храме одного из глухих селений Юрьевецкого района. В Никольской церкви с. Елнать (1769 г.) пол четверика и апсиды выложен изразцами размером $218-220 \times 220-225$ мм с румпой высотой 34—42 мм и лицевой пластиной толщиной 15—18 мм, изготовленными из красножгущейся глины и покрытыми эмалью желтого и светло-зеленого цвета. Изразцы треугольной формы изготавливались из просушенных квадратных, которые разрезали по диагонали и оправляли им кромку. Поэтому румпы на диагональной стороне нет и на срезе заметны затеки эмали. Изразцы уложены в шахматном порядке под углом 45° к стене, как

это было и в XII в. (рис. 55—3). Положены они на слой утрамбованного песка толщиной 5—6 см, под которым — плотный слой щебенки (8—10 см) с тонкой известковой смазкой (рис. 55—6). Изразцы лежали очень прочно.

Любопытно, что этот прием посадки покрытия не на раствор, а на сухой слой подсыпки сохранялся и при других видах материала покрытия. Так, в упомянутой Воскресенской церкви в Пучеже настил кирпичного пола был сделан на песчаной подушке, которая нанесена на слой щебенки, политой известковым раствором. Новый пол из чугунных плит (1829 г.) того же храма положен на плотном слое белых опилок по слою щебенки.

Благодаря подобной системе укладки пола изразец или плитка оставались совершенно чистыми. При традиционности и древности декоративного приема майоликовых полов можно, почти не сомневаясь, предполагать, что техника укладки плиток на песчаной подушке существовала, в частности, и во Владимирской Руси XII—XIII вв.

В. А. МАЛЫМ и М. В. ФЕХНЕР

РАСКОПКИ СТЕКЛОЗАВОДА БЛИЗ ДЕРЕВНИ
БОЛЬШОЕ БУНЬКОВО

В 1953 г. в Ногинском районе Московской области, в 1,5—2 км от дер. Большое Буньково, близ р. Клязьмы колхозниками случайно были обнаружены в земле остатки деревянного сруба и большое количество обломков керамических изделий. Среди находок, частично переданных в Ногинский краеведческий музей, особенно интересна глиняная ангобированная свистулька в виде птицы со следами красного орнамента на поверхности, аналогичная игрушкам XVI—XVII вв., встречавшимся при раскопках в Москве.

Местность была обследована А. Я. Брюсовым. На террасе Варезного ручья (притока Клязьмы), затронутой интенсивным процессом торфообразования, рядом с местом находки был заложен шурф 2,5 × 3 м. Культурный слой на этом участке достигал 1,5 м и содержал обломки керамики, большую часть которой можно было предположительно отнести к XVI—XVII вв. На глубине 0,9 м обнаружен колодезный сруб прекрасной сохранности, прикрытый доской с люком овальной формы. В связи с тем, что обнаруженный материал представлял значительный интерес, Государственным Историческим музеем на этом месте были организованы раскопки¹.

Несмотря на запрет сельсовета производить какие-либо земляные работы по берегам Варезного ручья, жители деревни Большое Буньково вскрыли в пойме 44 колодца (рис. 56), подобные обнаруженному А. Я. Брюсовым, и разобрали их на дрова. При этом, по словам местного населения, находили обломки глиняных и стеклянных изделий.

Три раскопа общей площадью 156 кв. м экспедиция заложила на правом берегу Варезного ручья вблизи разведочного шурфа А. Я. Брюсова; поверхность здесь неровная, кочковатая, с общим уклоном на юг. Два раскопа площадью 112 кв. м разбиты на склоне левого берега, где также встречались отдельные обломки стеклянных сосудов (здесь найдены днища «скляниц» четырехугольной формы, оранжевого цвета).

Раскопки показали, что на всех участках культурный слой (толщина — 0,18—2,5 м) датируется XVII в. Керамика из раскопов I—V была однородна на разной глубине и включала обломки чернолощеных кувшинов, не орнаментированных и с орнаментом в виде частых горизонтальных линий, фрагменты крупных толстостенных сосудов с венчиком в виде широкого бортика, изготовленных из светло-серой глины, и другие обломки по-

¹ Экспедиция в составе научных сотрудников ГИМ В. А. Малым и М. В. Фехнер проводила раскопки в течение 1953—1954 гг. В работе экспедиции принимали участие художник И. Ф. Есаулов, производивший съемку планов и зарисовку материала, и директор Ногинского краеведческого музея А. И. Смирнов.

суды, характерной для XVII в. Ни одного черепка, более раннего или более позднего по времени, при раскопках не найдено.

Очень интересны обнаруженные на всех раскопах остатки деревянных сооружений, состоявших из бревенчатого настила, остатков сруба, колодцев, развалов печей. Настил был сделан из еловых стволов толщиной 10—20 см. В некоторых местах удалось проследить, что стволы были покрыты несколькими слоями бересты, чередовавшимися со слоями глины. В южной части раскопов I—III настил, кроме того, был покрыт тонкими стволами и сучками, лежавшими на глине поперек бревен. Сохранившиеся остатки вертикально поставленных столбов, бревен и плах, лежавших на

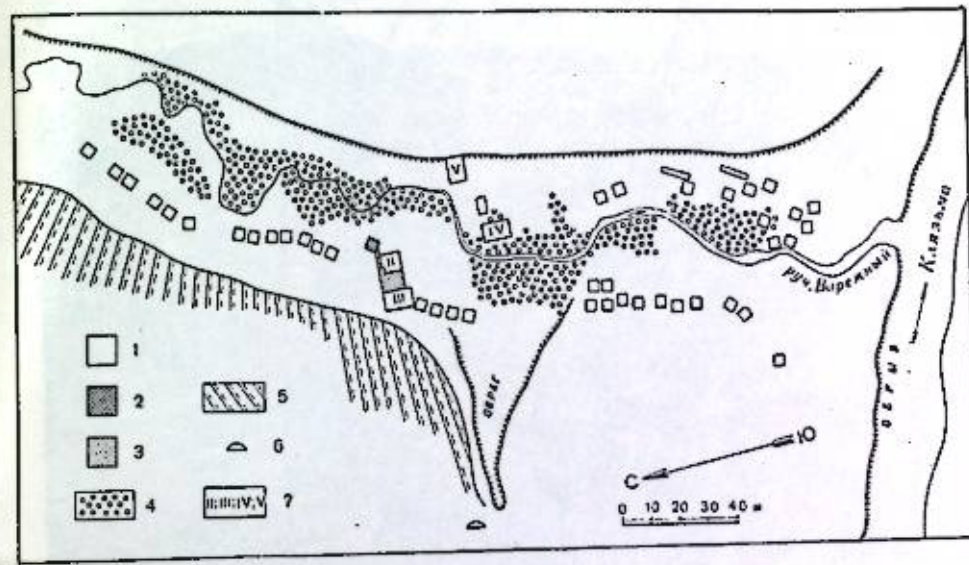

Рис. 56. Схематический план раскопок близ дер. Большое Буньково.

1 — колодезь, разобранные местными жителями; 2 — разведочный раскоп А. Я. Брюсова; 3 — раскоп 1953 г.; 4 — курган; 5 — плаха; 6 — курган; 7 — раскопы 1954 г.

настилу, а также находка (на раскопе IV) деревянной спицы, служившей для укрепления князевой слезы на крыше, свидетельствуют о том, что здесь находились крытые деревянные строения, внутри которых помещались печи и небольшие срубы, напоминавшие колодезь.

От печей сохранились лишь развалы в виде обломков огнеупорных кирпичей, кусков обожженной глины, угля и песка. При расчистке выявились частично сохранившиеся основания печей прямоугольной формы (размерами 1,2 × 2 м; 1 × 1,9 м; 1,25 × 2 м), которые покоились на специально устроенной подушке (толщина — 0,5—0,8 м), состоявшей из глины, угля и песка и положенной на настил. В местах, где располагались печи, настил укреплен широкими толстыми плахами (рис. 57) и был сильно обуглен.

Среди развала печи на раскопе I и вблизи от него попадались куски стеклянного шлака, остатки производственного брака в виде обломков стеклянных толстостенных изделий оранжевого, зеленоватого, коричневого и черного цвета. Химико-технологический анализ некоторых найденных здесь стеклянных поделок² свидетельствует, что среди них есть образцы неудачно составленных шихт, и, наоборот, вполне пригодных для выработки хорошего стекла. Здесь же обнаружен обломок толстостенного круглодонного сосуда из глины — фрагмент стекловаренного горшка. На других

² См. статью М. А. Безбородова в этом сборнике.

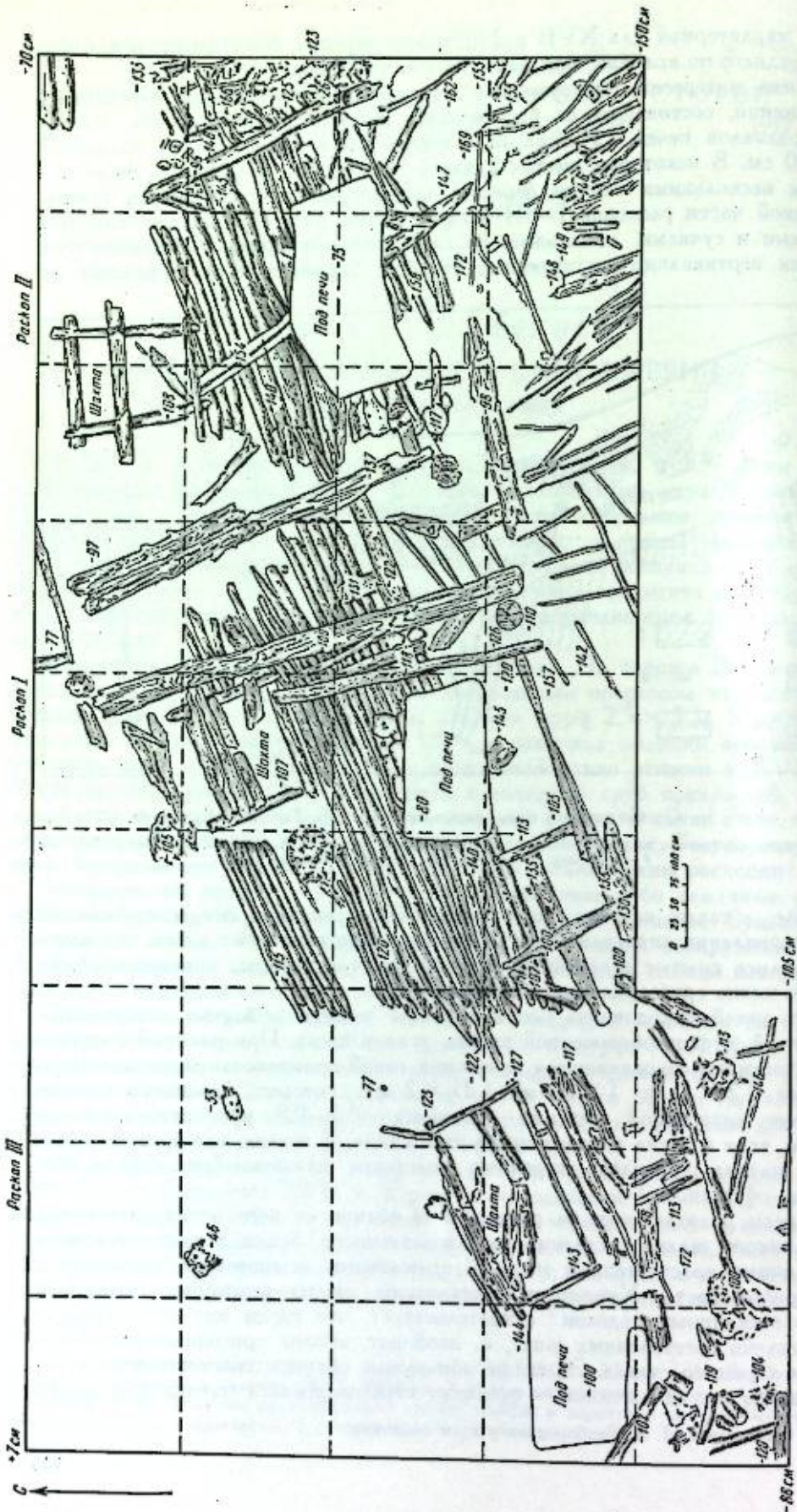

Рис. 57. План раскопов I—III (по уровню настилов).

раскопах около остатков печей в значительном количестве находили кварцевый песок и хорошо отмученную глину. Рядом с каждой печью (рис. 58) помещался небольшой прямоугольный сосновый сруб (размерами 1,15 × 2,5 м; 1,23 × 1,5 м; 1,73 × 1,5 м; 1,5 × 1,7 м; 1,65 × 1,9 м), рубленный «в лапу» из 4—8 венцов, тщательно закрытый крышкой с люком овальной или четырехугольной формы. Глубина колодцев достигала 1,1—1,4 м. По-видимому, они (как и остальные 44 колодца, обнаруженные на данной территории) представляли собой шахты для добывания песка, который, как известно, является преобладаю-

Рис. 58. Сруб колодца и основание печи.

щим компонентом стекольной шихты. Подтверждением этому служат также обломки дубовых ворот, обнаруженные на дне шахты на раскопе III и вблизи шахт на раскопах I и IV; при помощи этих ворот поднимали бадьи с песком³.

В результате работ можно заключить о существовании здесь стекольного производства, относящегося, судя по находкам керамики, к XVII в.; оно, по-видимому, просуществовало недолго, на что указывает небольшое количество обломков стеклянных изделий, находимых при раскопках.

Можно предположить, что добываемый здесь песок частично транспортировался на Черноголовский завод, расположенный примерно в 20 км к западу от места наших раскопок⁴. Известно, что в 60-х годах XVII в. Черноголовский завод работал на привозном воробьевском песке⁵. Для изготовления бутылочного и посудного стекла невысокого качества — основной продукции завода — буньковский песок вполне мог заменить привозившийся из далекого Подмосковья.

³ На Урале крестьяне еще в конце XIX в. устраивали подобные шахты для добывания золотоносного песка, который поднимали в металлических бадьях. Употребляли также и деревянные бадьи, верхний край которых был обит железом.

⁴ Черноголовский завод находился к западу от Ногинска близ деревень Ямкино и Воскресенск. Он действовал во второй половине XVII в.

⁵ Труды ГИМ, вып. IV, М., 1928, стр. 138.

М. А. БЕЗБОРОДОВ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК СТЕКЛОЗАВОДА XVII в.
(Химико-технологическое исследование)

Экспедиция Государственного Исторического музея, производившая в 1953—1954 гг. раскопки вблизи дер. Большое Буньково, Ногинского района, Московской области, обнаружила остатки стекольного завода, существовавшего здесь в XVII в.¹ Было высказано предположение, что завод работал недолго и вскоре по каким-то причинам был заброшен. Среди материалов, найденных при раскопках, — фрагменты огнеупорных стеклоплавильных тиглей, обломки огнеупорных кирпичей из печной кладки, фрагменты стеклянных сосудов и др.

В лаборатории химии и технологии стекла и силикатов Белорусского политехнического института имени Сталина А. П. Курановой были выполнены химические анализы материалов, наиболее характерных для стекольного производства. Анализы приведены нами в таблице.

Материалы	Анализ				
	1. Песок со дна колодца, раскоп V	2. Фрагмент тигля	3. Фрагмент огнеупорного кирпича	4. Оранжевое посудное стекло	5. Темно-зеленое, почти черное стекло
Кремнезем	93,45	81,77	79,29	72,78	61,22
Глинозем	1,55	9,33	17,50	2,04	4,21
Окись железа	0,55	2,34	0,82	0,32	1,55
" кальция	0,55	0,98	0,63	4,90	24,12
" магния	0,35	0,42	0,60	0,48	2,49
Сернистый ангидрид	0,78	—	0,37	0,47	—
Щелочи	2,28*	0,36*	0,35*	K ₂ O = 12,51 Na ₂ O = 5,40	4,86*
Потеря при прокаливании	0,49	4,80	0,44	0,73	1,55
Сумма	100,00	100,00	100,00	99,63	100,00

* Определено по разности.

¹ См. статью В. А. Мальм и М. В. Фехнер в этом сборнике.

Главнейшей составной частью шихты для варки любого силикатного стекла является кварцевый песок. В таблице приводятся данные химического анализа песка со дна колодца из раскопа V (анализ № 1). Песок с подобным содержанием окиси железа вполне пригоден для изготовления бутылочного и посудного стекла невысокого качества. По содержанию кремнезема М. А. Шестаков относит такие пески к IV группе; ими пользуются и в настоящее время многие стекольные заводы, выпускающие бутылки и хозяйственную стеклянную посуду².

Далее приведены данные анализа (№ 2) фрагмента стеклоплавильного тигля темно-коричневого цвета. В изломе наблюдается весьма неоднородная структура черепка, содержащего значительное количество кварцевого песка в основной глиняной массе. По химическому составу глина очень сходна с гжельской глиной — «песчанкой», описанной П. Миклашевским, отметившим, что она «довольно огнеупорная и служит на приготовление тиглей и горшков, употребляемых на расплавление меди и стекла на заводах, а также употребляется на дело простой фаянсовой посуды»³.

Кроме стеклоплавильного тигля, в таблице представлен анализ (№ 3) фрагмента огнеупорного кирпича. Изготовлен кирпич из гжельской огнеупорной глины, которая была известна и благодаря своим ценным качествам применялась на заводах, по крайней мере, уже в середине XVII в. Известен указ царя Алексея Михайловича от 1663 г., в котором говорится: «Во гжельской волости для аптекарских и алхимических сосудов приискать глины, которая глина годится к аптекарским судам»⁴. Из гжельской глины изготовляли в XVII в. огнеупорные изделия для Духанинского, Измайловского и Черноголовского заводов; в XVIII в. Д. И. Виноградов получал русский фарфор на Невской порцелиновой мануфактуре⁵, а М. В. Ломоносов формовал стеклоплавильные тигли и огнеупорные кирпичи в своей химической лаборатории и на Усть-Рудицкой стеклянной фабрике⁶.

В таблице приведены также анализы (№ 4 и 5) двух фрагментов посудных стекол: первое из них — оранжевое, второе — темнозеленое в тонком слое и черное в толще. Оранжевое стекло, очевидно, представляло собой нормальную продукцию завода. По своему химическому составу оно похоже на стекла того времени; для варки его применялась шихта, состоявшая из песка и древесной золы. Темнозеленое стекло, вероятно, — образец брака, о чем можно судить по его неудачному химическому составу; в нем весьма много окиси кальция и недостаточно щелочей. Возможно, что шихта составлена ошибочно.

Исследование материалов из раскопок подтверждает предположение археологов о том, что в указанном месте существовал стекольный завод.

² М. А. Шестаков. Кварцевые стекольные пески СССР. 1935, М.—Л., стр. 35 и 117.

³ П. Миклашевский. Месторождение огнеупорных материалов в России и способы выделки огнеупорных изделий, применяемые на русских горных заводах. СПб., 1881, стр. 49.

⁴ Цитирую по Н. Новомбергскому — «Врачебное строение в допетровской Руси». Томск, 1907, стр. 161.

⁵ М. А. Безбородов. Д. И. Виноградов — создатель русского фарфора. М.—Л., 1950, гл. II, § 4.

⁶ М. А. Безбородов. М. В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов. М.—Л., 1948.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории
ВУАК	— Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ДАН	— Доклады Академии наук
ЗООИД	— Записки Одесского общества любителей истории и древностей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИТУАК	— Известия Таврической ученой археографической комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова
ЛОИМК	— Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРА	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>И. И. Ляпушкин.</i> О жилищах восточных славян Днепровского левобережья VIII—X вв.	3
<i>Э. А. Симонович.</i> Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днепра	14
<i>В. В. Седов.</i> К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде	20
1. Жертва строителей	28
2. Новые материалы по языческой братчине	31
<i>В. А. Янин.</i> К вопросу о дате Лопастницкого креста	35
<i>В. В. Кропоткин.</i> О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси	45
<i>М. Г. Рабинович.</i> Золотое украшение из Тушкова городка	

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Г. Б. Федоров.</i> Лукашевский могильник	51
<i>И. К. Свешников.</i> Могильники липицкой культуры в Львовской области. Раскопки у сс. Звенигород и Болотное	63
<i>Э. А. Рикман.</i> Раскопки селища первых веков нашей эры в Поднестровье.	75
<i>Л. В. Артишевская.</i> Разведка в верховьях Десны	84
<i>Ю. В. Кухаренко.</i> Раскопки на городище и селище Хотомель. (Предварительное сообщение)	90
<i>Д. Б. Шелов.</i> Раскопки средневекового поселения в Восточной Крыму	98
<i>В. В. Седов.</i> Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области	104
<i>А. В. Успенская.</i> Успенское городище	117
<i>А. Ф. Дубинин.</i> К истории Московского посада	123

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

<i>Д. Я. Телегин.</i> Находки раннеславянского времени на Северном Донце.	129
<i>Т. М. Минаева.</i> Находка близ станицы Преградной на р. Урупе	133
<i>И. Г. Сахарова.</i> О технике настила майоликовых полов	138
<i>В. А. Мальм и М. В. Фехнер.</i> Раскопки стеклозавода близ деревни Большое Буньково	142
<i>М. А. Безбородов.</i> Материалы из раскопок стеклозавода XVII в. (Химико-технологическое исследование)	146
Список сокращений	148

Краткие сообщения Института истории
материальной культуры, вып. 68

Утверждено к печати Институтом истории
материальной культуры Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор Ю. В. Рылкина

РИСО АН СССР № 125—83В. Сдано в набор 22/IV
1957 г. Подп. в печать 11/VII 1957 г. Формат бум.
70×108¹/₁₆. Печ. л. 9.5. Уч.-изд. лист. 12.1. Тираж 1800.
Изд. № 2177. Тип. зак. 130. Т—06448. Цена 7 р. 40 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64. Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34. 9-я линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Зограф А. Н. Античные монеты. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 16). 1951. 250 стр. с илл. Ц. 31 р. 50 к. в пер.

Материалы и исследования по археологии Москвы, Том I. Под ред. А. В. Арциховского (1147—1947. Сборник посвящается 800-летию Москвы). (Материалы и исследования по археологии СССР, № 7). 1947. 180 стр. с илл. Ц. 20 р. 70 к. в пер.

Материалы и исследования по археологии Москвы, Том II. Под ред. А. В. Арциховского. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 12). 1949. 310 стр. с илл. Ц. 31 р. 50 к.

Материалы и исследования по археологии Москвы, Том III. Под ред. Н. Н. Воронина. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 44). 1955. 363 стр. с илл. Ц. 26 р. 50 к. в пер.

Монгайт А. Л. Археология в СССР. 1955. 433 стр. с илл. Ц. 25 р. 20 к. в пер.

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры:

Вып. 20. 1948. 103 стр. с илл. Ц. 7 р. 20 к.

Вып. 21. 1948. 161 стр. с илл. Ц. 9 р. 90 к.

Вып. 22. 1948. 85 стр. с илл. Ц. 5 р. 40 к.

Вып. 23. 1948. 113 стр. с илл. Ц. 7 р. 20 к.

Вып. 31. 1950. 200 стр. с илл. Ц. 11 р. 70 к.

Вып. 33. 1950. 174 стр. с илл. Ц. 11 р. 25 к.

Вып. 53. 1954. 149 стр. с илл. Ц. 7 р. 80 к.

Вып. 56. 1954. 137 стр. с илл. Ц. 7 р.

Вып. 57. 1955. 148 стр. с илл., 2 вкл. Ц. 8 р.

Вып. 59. 1955. 168 стр. с илл. Ц. 6 р.

Вып. 60. 1955. 158 стр. с илл. Ц. 8 р. 20 к.

Вып. 61. 1956. 132 стр. с илл. Ц. 6 р. 75 к.

Максимова М. И. Античные города южного Причерноморья. 1956. 472 стр. Ц. 20 р. 15 к.

Книги продаются в магазинах «Академкнига».

Иногородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять по адресу:
Москва, ул. Куйбышева, д. 8, контора «Академкнига».